

«Очень
незаурядно»

ДЭВИД БОЛДАЧЧИ

«Идеальный
триллер»

А. ДЖ. ФИНН

«Просто
гениально»

СТИВЕН ФРАЙ

БЕЗМОЛВНЫЙ ПАЦИЕНТ

Только она
знает, что
случилось.

Только я могу
заставить ее
заговорить.

АЛЕКС МИХАЭЛИДЕС

Annotation

Жизнь Алисии Беренсон кажется идеальной. Известная художница вышла замуж за востребованного модного фотографа. Она живет в одном из самых привлекательных и дорогих районов Лондона, в роскошном доме с большими окнами, выходящими в парк. Однажды поздним вечером, когда ее муж Габриэль возвращается домой с очередной съемки, Алисия пять раз стреляет ему в лицо. И с тех пор не произносит ни слова.

Отказ Алисии говорить или давать какие-либо объяснения будоражит общественное воображение. Тайна делает художницу знаменитой. И в то время как сама она находится на принудительном лечении, цена ее последней работы – автопортрета с единственной надписью по-гречески «АЛКЕСТА» – стремительно растет.

Тео Фабер – криминальный психотерапевт. Он долго ждал возможности поработать с Алисией, заставить ее говорить. Но что скрывается за его одержимостью безумной мужеубийцей и к чему приведут все эти психологические эксперименты? Возможно, к истине, которая угрожает поглотить и его самого...

- [Алекс Михаэлидес](#)

-

-

- [Пролог](#)

- [Часть I](#)

- [Часть II](#)

- [Часть III](#)

- [Часть IV](#)

- [Часть V](#)

- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
-

Алекс Михаэлидес Безмолвный пациент

Alex Michaelides
THE SILENT PATIENT

© Alex Michaelides 2019

© Перевод на русский язык, О. Акопян, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Но отчего ж она молчит?

Еврипид «Алкеста»

Пролог

Из дневника Алисии Беренсон

14 июля

Не знаю, зачем я это пишу.

Впрочем, нет, пожалуй, знаю – просто не хочу себе признаваться. Даже не знаю, как назвать мое творение... Дневник? Слишком пафосно. Не то чтобы я собиралась рассказать нечто особенное. Одно дело – дневник Анны Франк^[1]. Или дневник Сэмюэла Пипса^[2]. Куда мне до них!.. Назвать свою писанину «журналом»? Слишком научно. Тогда придется вести его ежедневно, чего делать совсем не хочется: если это превратится в нудную обязанность, я все брошу.

Может быть, назову это «ничто». Пусть будет просто текст, который я время от времени стану дополнять. Так-то лучше. Стоит дать чему-то название, и вы сразу перестаете видеть картину целиком или понимать, почему это важно. Вы упираетесь в само слово. А ведь название – лишь крошечная часть явления, верхушка айсберга. Лично мне среди слов неуютно. Я всегда мыслю образами, мой стиль самовыражения – картины. Начать писать это я решила исключительно ради Габриэля.

С недавних пор я затосковала. Причин тому несколько. Я думала, что умело скрываю свое состояние, но он заметил. Конечно, заметил! От Габриэля ничего не скроется. Он спросил, как продвигается работа над картиной. Я ответила, что никак. Габриэль вручил мне бокал вина. Я уселась за столом на кухне, пока он готовил.

Обожаю смотреть, как Габриэль управляется на кухне. Его движения полны изящества: элегантны и

собранны, как у балетного танцовщика. Не то что я – у меня все превращается в беспорядок.

– Поговори со мной, – попросил Габриэль.

– Что тут говорить? Иногда я просто застреваю в собственной голове. Ощущение, что я пробираюсь через грязь.

– А ты записывай свои мысли. Начни вести что-то вроде дневника. В этом может быть польза.

– Наверное, ты прав... Надо попробовать.

– Это все рассуждения, дорогая. Просто возьми и сделай.

– Сделаю.

Габриэль продолжал ворчать по этому поводу, но я так и не начала вести записи. И тогда несколько дней спустя он подарил мне небольшую книжечку в черном кожаном переплете с чистыми белыми листами из плотной бумаги. Я провела пальцами по первой странице (бумага оказалась приятная и гладкая на ощупь), заточила карандаш и начала писать.

Естественно, Габриэль оказался прав. Мне уже легче. Перенос мыслей на бумагу – это своего рода отдушина, освобождение; тетрадь – место для выражения себя. Немного похоже на психотерапию. Хоть Габриэль ничего не говорит, я догадываюсь, что он беспокоится о моем состоянии. А если начистоту (думаю, я могу себе это позволить), настоящая причина, по которой я все-таки решилась вести дневник, – желание убедить Габриэля, доказать ему, что со мной все в порядке. Не могу допустить, чтобы он переживал. Не хочу, чтобы волновался, страдал или мучился из-за меня. Я очень люблю Габриэля. Несомненно, он мужчина всей моей жизни. Я люблю его так сильно, так сильно, что это меня пугает.

Иногда мне кажется... Нет. Такое я писать не стану. Здесь будут только позитивные идеи и образы – лишь то, что вдохновляет меня как художника и является

толчком для творчества. Тут появятся исключительно радостные, счастливые, нормальные мысли... И никакого безумия.

Часть I

Тому, кто обладает зрением и слухом, ясно, что ни один смертный не способен хранить секреты. Пусть на губах печать молчания, нервно пляшущие пальцы красноречивее слов: тайну предательски выдаст тело.

Зигмунд Фрейд

«Вводные лекции в психоанализ»

1

Алисии Беренсон было тридцать три, когда она убила своего мужа.

Они провели в браке семь лет. Оба связали свою жизнь с искусством – Алисия писала картины, а Габриэль был преуспевающим фотографом в сфере моды. В неподражаемом авторском стиле он запечатлевал полуголых анорексичных девушек в самых странных и невыгодных ракурсах. После смерти Габриэля цена на его работы подскочила до астрономических сумм.

Честно говоря, я назвал бы эти снимки пустыми. Никакого сравнения с лучшими работами Алисии – в них ощущается настоящий дар. Я, конечно, не эксперт в живописи, чтобы сказать, выдержат ли ее картины испытание временем. Жуткий поступок Алисии всегда будет бросать мрачную тень на ее талантливые творения, поэтому в данном случае трудно быть объективным. Кроме того, вы можете обвинить меня в

предвзятости. Это мое мнение, и только. Я считаю Алисию гениальной художницей. Помимо безупречной техники рисунка, ее картины обладают совершенно фантастической способностью сразу захватывать все внимание зрителя – прямо-таки брать за горло! – как в тиски.

Габриэля Беренсона убили шесть лет назад. Ему было сорок четыре. Это произошло двадцать пятого августа. То лето выдалось необычайно жарким – возможно, вы помните, столбик термометра порой достигал рекордно высоких отметок. А день убийства Габриэля Беренсона оказался самым жарким за весь год.

В тот роковой день Габриэль проснулся очень рано. В четверть шестого утра к их с Алисией дому на северо-западе Лондона в районе Хэмпстед-Хит подъехала машина, которая повезла его на съемку в Шордич^[3]. Габриэль провел целый день на крыше здания, фотографируя модели для журнала «Вог».

О том, что в это время делала его супруга, известно немного. У Алисии вскоре должна была состояться выставка, и она не успевала закончить одну из картин к открытию. Наиболее вероятно, что в тот день Алисия работала в расположенном в глубине сада летнем домике, который недавно переделала под мастерскую. Съемка затянулась, и водитель привез Габриэля домой около одиннадцати вечера.

Примерно полчаса спустя живущая по соседству Барби Хеллман услышала несколько выстрелов. Она позвонила в полицию, и в 23:35 туда с участка Хаверсток-Хилл был направлен дежурный наряд. Через три минуты полицейские приехали на место вызова.

Входная дверь в дом была открыта настежь, внутри зияла крошечная темнота. Выключатели не работали. Офицеры вошли в холл, а затем проследовали в

гостиную. Они пользовались карманными фонариками, освещая комнату прыгающими лучами. Наткнулись на Алисию, стоявшую у камина. Белое платье светилось, как у привидения. Казалось, ее совершенно не заботило присутствие полицейских. Молодая женщина стояла неподвижно, застыв, как вырезанная из куска льда статуя, со странной гримасой испуга на лице, будто столкнулась с невиданным ужасом.

На полу валялась винтовка. Чуть дальше в неоднородных тенях гостиной полицейские обнаружили неподвижно сидевшего на стуле Габриэля, привязанного к стулу; его щиколотки и запястья были крепко связаны прочным шнуром. Поначалу офицеры подумали, что он еще жив. Его голова свесилась набок, словно он был без сознания. Подняв луч фонарика, полицейские увидели, что Габриэль был убит несколькими выстрелами прямо в лицо. Пули навсегда уничтожили его красивые черты, оставив обожженное, черное, кровавое месиво. Стена позади головы убитого была покрыта разлетевшимися фрагментами черепных костей и мозга, клочьями волос – и кровью.

Кровь была повсюду: разбрызгалась на стенах, растеклась темными ручейками вдоль прожилок деревянных половиц. Офицеры полиции пришли к выводу, что кровь принадлежала Габриэлю. Однако ее было слишком много. Внезапно в свете фонаря блеснул какой-то предмет – на полу возле ног Алисии лежал нож. Второй луч высветил кровь, забрызгавшую ее белое платье. Один из офицеров взял Алисию за руки и направил на них фонарь – оба запястья распороли глубокие порезы, свежие и сильно кровоточащие.

Алисия сопротивлялась попыткам остановить кровотечение. Утихомирить ее удалось лишь силами троих полицейских. Спустя всего несколько минут Алисию увезли в Королевскую клиническую больницу.

Она рухнула, потеряв сознание по пути. Потеряла много крови, но выжила.

На следующий день в отдельной палате полицейские пытались задавать вопросы в присутствии адвоката Алисии, однако молодая женщина не проронила ни слова. Ее губы были белые, бескровные. Иногда они вроде бы начинали двигаться, но с них не слетело ни звука. Алисия не ответила ни на один вопрос. Она не могла и, видимо, не желала говорить. И никак не среагировала даже на обвинение в убийстве Габриэля. Во время ареста Алисия по-прежнему молчала, не признавая и не отрицая свою вину.

С тех пор Алисия так и не заговорила.

Безмолвие главной подозреваемой превратило убийство Габриэля из обычного преступления на бытовой почве в нечто гораздо большее – в загадочную трагедию, в тайну, которая мгновенно сделалась сенсацией и заняла умы широкой общественности на месяцы.

И все же Алисия сделала одно заявление – посредством картины. Художница начала работу над полотном после того, как ее выписали из больницы и поместили до суда под домашний арест. Кроме того, суд счел необходимым приставить к Алисии сиделку, специализирующуюся на уходе за душевнобольными. По сообщениям сиделки, ее подопечная едва ела, практически не спала и почти безостановочно рисовала.

Обычно проходили недели и даже месяцы перед тем, как Алисия бралась писать новую картину. Она долго топталась на подготовительной стадии – рисовала бесконечные эскизы, создавала и переделывала композицию, пробовала разные варианты цветовых решений и форм, – пока на полотно не ложился последний мазок. Однако в этот раз она резко изменила творческий процесс, завершив полотно всего за нескольких дней.

Для большинства людей этого было достаточно, чтобы осудить ее. Каким надо быть бессердечным человеком, чтобы спокойно вернуться в мастерскую сразу после гибели супруга! И не мучиться угрызениями совести! Алисия Беренсон – хладнокровная убийца!

Возможно. Однако не стоит упускать из виду одну немаловажную деталь: даже если Алисия и убийца, она еще и художник. И тогда все встает на свои места (по крайней мере, для меня). Алисия хватается за кисти и краски и переносит на холст терзающие душу чувства и переживания. Неудивительно, что на сей раз живопись приходит к ней с такой легкостью. Если горе можно назвать «легким»...

Картина представляла собой автопортрет. В левом нижнем углу Алисия нанесла на холст название светло-голубыми греческими буквами.

Всего одно слово: «*Алкеста*».

2

Алкеста – героиня греческой мифологии. С ней связана одна из самых печальных историй любви. Алкеста добровольно отдала свою жизнь ради супруга, Адмета, согласившись умереть вместо него, поскольку все остальные отказались. Казалось бы, какое отношение трогательная легенда о самопожертвовании имеет к Алисии? Истинное значение намека долгое время оставалось неясным и для меня. Но однажды правда вышла наружу...

Впрочем, я слишком тороплюсь и забегаю вперед. Начну с самого начала, и пусть события говорят сами за себя. Я не стану ничего приукрашивать, менять местами или перевирать. Пусть то, что случилось, предстанет перед вами постепенно, шаг за шагом.

С чего начать? Наверное, мне следовало бы представиться... Но нет, пожалуй, пока останусь в тени. Ведь рассказ не про меня. Главная героиня истории – Алисия Беренсон. Вот и начнем с нее. И с «Алкесты».

Картина, написанная Алисией сразу после убийства Габриэля, – это автопортрет. Художница изобразила себя дома, в своей студии, стоящей у мольберта с кистью. Алисия обнажена. Ее тело прорисовано в мельчайших деталях: по худощавым плечам рассыпались длинные пряди рыжих волос, сквозь бледную кожу просвечивают голубоватые вены, на обоих запястьях свежие шрамы от недавних порезов. В одной руке Алисия держит кисть, зажав ее между пальцами. С кончика кисти капает алая краска – или кровь? Алисия изобразила себя пишущей картину, и тем не менее холст нетронут. Он пуст, как и выражение ее лица. Алисия смотрит на зрителя через плечо, повернув голову назад. Губы разомкнуты, словно в беззвучном крике.

Пока шли судебные заседания, Жан-Феликс Мартен, управляющий небольшой галереей в Сохо, где выставлялись работы Алисии, принял неоднозначное решение показать «Алкесту». Это вызвало осуждение. Одни потом называли его поступок сенсационным, другие – чудовищным. Зато факт, что автор картины находилась в тот момент на скамье подсудимых по обвинению в убийстве собственного мужа, обеспечил галерее Мартена огромные очереди – впервые за всю историю ее существования.

Стоя рядом с другими такими же ценителями искусства, я терпеливо ждал. Над нами ярко горели красные неоновые огни вывески магазина интимных товаров, находящегося по соседству от галереи. Очередь двигалась медленно, люди по одному осторожно заходили внутрь. Оказавшись в самой галерее, посетители, словно под гипнозом, шли в

едином направлении, как возбужденная толпа на ярмарочной площадке, пробивающаяся через дом с привидениями. Наконец подошла моя очередь, и передо мной предстала «Алкеста».

Я уставился на картину. Смотрел в глаза Алисии, пытаюсь угадать, почему у нее такой взгляд, пытаюсь что-то понять, – но ничего не получалось. Портрет «молчал». Алисия безмолвно взирала на меня с холста. Пустая маска – непроницаемая и не поддающаяся прочтению. Как я ни силился, так и не смог определить по выражению лица, виновна она или нет.

Другие решили, что им это удалось.

– Настоящая злодейка, – прошипела женщина, стоявшая позади меня.

– Еще бы, – ответил ей мужчина. – Хладнокровная стерва.

«Ого! Категорично», – пронеслось у меня в голове. Ведь вина Алисии еще не доказана. Но благодаря усилиям желтой прессы общественное мнение было уже сформировано. Журналисты с самого начала повесили на Алисию ярлык злодейки: роковая женщина, «черная вдова», чудовище.

Факты же были просты. Полицейские застали Алисию в доме одну, с телом Габриэля. На винтовке обнаружены только ее отпечатки. Ни у кого не возникло ни малейшего сомнения – мужа застрелила именно Алисия. Зато вопрос, *почему* она это сделала, оставался без ответа.

Убийство Габриэля активно обсуждали в медиа. В газетах, по телевидению и на радио были выдвинуты самые разные теории на этот счет. Приглашенные специалисты обвиняли, оправдывали, объясняли. Она наверняка должна была стать жертвой бытового насилия со стороны мужа, чтобы ситуация зашла так далеко. Согласно другой теории, убийство – результат неосторожности в ходе сексуальных игр

супругов, ведь Габриэля обнаружили со связанными руками и ногами. Кто-то подозревал, что это самое обыкновенное убийство на почве ревности. Скорее всего, Габриэль завел любовницу. Однако на суде брат охарактеризовал убитого как преданного мужа, по-настоящему любящего жену. Тогда, возможно, мотивом послужили деньги? Но Алисия мало что выигрывала в результате смерти мужа. Она была обеспеченной женщиной, унаследовав большое состояние своего отца.

Так и продолжались бесконечные пересуды об убийстве Габриэля и последующем молчании Алисии. Ответы не находились, становилось лишь больше вопросов. Почему она отказывается говорить? И что это значит? А может, она пытается что-то скрыть? Или защитить кого-то? Если да, то кого? И почему?

Помню, я тогда поймал себя на мысли: в то время как все говорили, писали и спорили об Алисии, в эпицентре этого шумного и неистового вихря оставалась пустота – тишина. Вакуум. Загадка. На одном из заседаний судья Алверстоун довольно критично высказался об упорном отказе подсудимой говорить.

– Невинные люди не стесняются открыто заявить о своей невинности! – произнес он.

Однако Алисия Беренсон не только продолжала молчать, но и не выказала ни единого признака раскаяния. Из ее глаз не упало ни слезинки – этому факту журналисты придали особенное значение. Ее лицо было неподвижным, холодным, застывшим.

Представитель защиты решил пойти по единственному возможному пути и объявил о частичной вменяемости подсудимой. Он сказал, что проблемы с душевным здоровьем начались у Алисии очень давно, еще в детстве. Основную массу этих сведений судья Алверстоун отклонил как неподтвержденные. Однако

под конец заседания профессору Лазарусу Диомидису удалось несколько поколебать категоричность судьи Алверстоуна. Лазарус Диомидис был профессором судебной психиатрии в Королевском колледже, а также занимал должность руководителя клинических исследований в Гроув – охраняемой психиатрической больнице на севере Лондона. Так вот, он утверждал, что молчание Алисии является красноречивым свидетельством перенесенного сильнейшего стресса и это необходимо учесть при вынесении приговора. Если отставить витиеватые выражения, то фактически профессор высказал то, о чем психиатры очень не любят говорить прямо и открыто, а именно: *Алисия душевно больна.*

Это казалось единственным логичным объяснением всего случившегося. Иначе зачем ей связывать любимого супруга и стрелять ему в лицо в упор? И чтобы после такого не было раскаяния и объяснений? Она вообще не говорит. Сумасшедшая, не иначе.

В конце концов судья Алверстоун объявил, что принимает заявление защиты, и обратился к присяжным, чтобы это обстоятельство было ими учтено.

Было решено перевезти Алисию Беренсон в Гроув – под наблюдение профессора Диомидиса, заявление которого сыграло ключевую роль в решении суда. С другой стороны, если Алисия находилась в здравом уме и ее молчание было лишь умелым притворством, надо признать – хитрость удалась. Алисию приговорили к длительному тюремному заключению, однако в случае восстановления душевного здоровья через несколько лет ее могли бы досрочно освободить. И вот как раз сейчас Алисии бы самое время начинать «выздоровливать», верно? Пробормотать пару слов, сначала невнятно, потом еще и еще... Затем через силу выдавить слова раскаяния...

Ничего подобного! Шли недели, месяцы сменяли друг друга, минуло несколько лет – Алисия по-прежнему хранила молчание. Она не произнесла ни единого слова. Поскольку не последовало никаких откровений, постепенно интерес разочарованных журналистов к Алисии Беренсон иссяк. Для публики она стала очередной строчкой в длинном списке некогда известных преступников. Одной из тех, чьи лица большинство людей еще могут вспомнить, но имя уже забудут.

Большинство людей, однако не все. Некоторых, и меня в том числе, продолжало волновать загадочное дело молчаливой Алисии Беренсон. Как психотерапевт я не сомневаюсь, что во время убийства Габриэля ей пришлось перенести какую-то чудовищную душевную травму. И отказ говорить стал проявлением пережитого глубокого потрясения. Она не сумела свыкнуться с мыслью о совершенном ею убийстве, дрогнула и остановилась, будто сломанный автомобиль. Я мечтал помочь «запустить» ее снова, помочь ей рассказать свою историю, принять лечение и поправиться. Я хотел «починить» ее. Наверное, это прозвучит несколько самонадеянно, но я считал себя исключительно квалифицированным специалистом, способным помочь Алисии Беренсон. Я судебный психотерапевт и частенько имею дело с самыми надломленными и уязвимыми членами общества. И еще: кое-что в истории Алисии задело меня за живое. С самого начала я испытывал к ней искреннее сочувствие. К несчастью, в те дни я работал в Бродмуре^[4], и мысли о работе с Алисией так и остались бы лишь мечтами, если бы в дело неожиданно не вмешалась судьба.

Лет через шесть после того, как Алисию поместили в Гроув, там открылась вакансия судебного психотерапевта. Увидев объявление, я сразу понял, что

у меня нет выбора. Повинуясь интуиции, я отправил резюме в Гроув.

3

Я – Тео Фабер. Мне сорок два года. Судебным психотерапевтом я стал из-за того, что крупно облажался. И это чистая правда, хотя, конечно же, это не то, о чем я говорил на собеседовании.

– Что привело вас в психотерапию? – спросила Индира Шарма, буравя меня взглядом поверх массивных очков.

Индира работала в Гроуве консультирующим психотерапевтом. Хотя ей было сильно за пятьдесят, круглое лицо еще сохраняло привлекательность, а в длинных угольно-черных волосах лишь изредка проблескивало серебро. Индира слегка улыбнулась, давая понять, что этот вопрос не из разряда сложных – лишь формальный разогрев перед настоящей беседой.

Я медлил с ответом, физически ощущая на себе пристальные взгляды остальных членов комиссии. Старательно глядя им в глаза, я протараторил заранее приготовленный ответ: милую сказочку про то, как в юности подрабатывал в доме для престарелых и как это разожгло во мне интерес к психологии. Затем – аспирантура по специальности психотерапия, и пошло-поехало.

– Думаю, я просто хотел помогать людям, – пожимая плечами, заключил я.

Что было откровенной чушью.

Нет, я, конечно, хотел помогать людям. Однако это было второй моей целью, особенно когда я начал посещать практические занятия. Настоящая причина, по которой я ввязался в психотерапию, была сугубо эгоистическая. Я хотел помочь самому себе. Уверен,

большинство из тех, кто связал свою жизнь с лечением душевнобольных, пришли в профессию примерно так же. Она притягивает нас потому, что мы сами надломлены. И тогда изучение психологии становится попыткой излечить себя. Осознанной или неосознанной попыткой – это уже другой вопрос.

Самый ранний период развития человечества скрыт во тьме веков. Многие думают, что люди возникли из некоего первородного тумана полноценно сформированными личностями, подобно Афродите, вышедшей во всей красе из пены морской. Однако благодаря активно развивающимся исследованиям деятельности головного мозга мы знаем, что это далеко не так.

Мы рождаемся с наполовину сформированным мозгом, который представляет собой скорее комок глины, а не бога-олимпийца. Как сказал психоаналитик Дональд Уинникотт: «Отдельного понятия “младенец” не существует». Развитие человеческой личности происходит не в изоляции, а только в процессе взаимодействия друг с другом. Нас формируют и заканчивают этот процесс невидимые силы, которые мы не запоминаем, – наши родители. Страшновато, правда? Кто знает, каким унижениям и наказаниям мы подвергались в то время, когда память еще не сформировалась? Наша личность уже была сформирована, а мы даже не знали об этом.

Я рос нервным, легко возбудимым и пугливым ребенком. Повышенная тревожность появилась еще до того, как я осознал себя как личность, и совершенно от меня не зависела. Подозреваю, что источник этой психологической неустойчивости крылся в моих отношениях с отцом, рядом с которым я никогда не был в безопасности.

Случавшиеся у отца непредсказуемые, произвольные припадки сильнейшей ярости

превращали любую, даже самую благоприятную ситуацию в минное поле. Самая безобидная фраза или выражение малейшего несогласия могли спровоцировать целый ряд «взрывов» агрессии, спастись от которых было невозможно. Стены дома буквально сотрясались от его крика, пока он гнался за мной на второй этаж. Влетев в свою комнату, я проскальзывал подальше под кровать и изо всех сил прижимался к стене. Вдыхал пыльный воздух и молился, чтобы меня поглотила кирпичная кладка и я мог исчезнуть. В следующее мгновение отцовская рука крепко хватала меня и выволакивала из-под кровати, возвращая к реальности. Он срывал с себя ремень и замахивался. Ремень со свистом рассекал воздух, а дальше один за другим на меня сыпались жгучие косые удары, обжигая мне тело. Порка заканчивалась так же внезапно, как и начиналась. Отец отшвыривал меня прочь, и я валился на пол мятой кучей, словно тряпичная кукла, брошенная злым ребенком.

Я никогда не был уверен, что такого сделал, чтобы вызвать весь этот гнев, и заслуживал ли я наказания. Однажды я спросил маму, почему папа так часто на меня злится. В ответ она лишь пожала плечами и грустно проговорила: «Откуда я знаю? Твой отец – законченный псих». Говоря так, мама не шутила. Если бы моего отца сейчас обследовал психиатр, то наверняка диагностировал бы у него расстройство личности. Отец страдал от этой болезни всю жизнь, но никто его не лечил. В результате мои детские и юношеские годы прошли в мрачной атмосфере истерии и физического насилия: ругани, слез и битого стекла.

Конечно, были и счастливые моменты. Чаще всего – когда отца не было дома. Помню, как-то зимой он на месяц уехал в командировку в Америку. И на целых тридцать дней дом и сад оказались в нашем с мамой полном распоряжении, без него и его бдительных

взглядов. Декабрь в Лондоне выдался снежный, и весь сад скрылся под чистейшим белым покрывалом. Мы с мамой слепили снеговика. Уж не знаю, осознанно или нет, но мы сделали его похожим на отсутствующего главу дома – с огромным животом, двумя черными камешками вместо глаз и парой веточек, напоминавших грозно сдвинутые брови. Я назвал снеговика «Папа», и он действительно здорово смахивал на отца. В довершение иллюзии мы с мамой снабдили снеговика папиными перчатками, шляпой и зонтом. А потом от души бомбардировали его снежками, хихикая, словно расшалившиеся дети.

В ту ночь разыгралась сильная снежная буря. Мама подошла к моей кровати, я притворился, что уже сплю, а потом выскользнул из дома в сад и долго стоял под падающим снегом. Вытянув руки, я ловил падающие снежинки и смотрел, как они медленно тают на кончиках пальцев. Я радовался и грустил одновременно – и, по правде говоря, не мог выразить это словами. Мой словарный запас был слишком мал, чтобы поймать это сетью из слов. Наверное, ловить исчезающие снежинки – это как ловить счастье, когда овладение в итоге ничего тебе не дает. Это напомнило мне, что там, за пределами родительского дома, целый мир: огромный, непередаваемо красивый мир. Мир, который пока для меня недоступен. Снежная ночь в саду вставала перед моим мысленным взором еще много лет. Как если б невзгоды, которыми та жизнь была окружена, заставляли этот миг свободы гореть еще ярче – будто крохотный огонек посреди беспросветного мрака.

Я пришел к выводу, что единственный шанс выжить – побег. И в физическом, и в духовном смысле. Надо убираться отсюда, чем дальше – тем лучше. Только так я смогу быть в безопасности. И вот мне стукнуло восемнадцать, я получил достаточные

отметки и стал студентом. Без сожалений простившись с отчим домом в Суррее, я наивно полагал, что вырвался на свободу.

Как же я ошибался! Тогда я еще не знал этого, но было уже поздно: образ отца прочно засел внутри меня. Я внедрил его в себя, спрятав в области бессознательного. Куда бы я ни бежал, я нес его с собой. В голове звучал адский, неумолимый хор из размноженных голосов отца: *«Бестолочь! Позор! Ничтожество!»*

Во время экзаменационной сессии на первом курсе голоса стали настолько парализующими и громкими, что уже контролировали меня. Обездвиженный этим страхом, я был не в состоянии выйти на улицу, общаться, заводить знакомства. С тем же успехом я мог бы и не уезжать из дома. Я очутился в ловушке, угодил в патовую ситуацию без какой-либо надежды на спасение. Выхода не было.

Неожиданно подвернулось одно решение.

Я ходил из аптеки в аптеку, скупая парацетамол. Брал всего по несколько упаковок за раз, чтобы не вызвать подозрения. Впрочем, я напрасно тревожился. Никто не обращал на меня ни малейшего внимания. Наверное, я стал человеком-невидимкой. К слову сказать, именно так я себя и ощущал в то время.

В моей комнате было холодно. Дрожащими, неловкими пальцами я вскрыл упаковки парацетамола и, прикладывая неимоверные усилия, заставил себя проглотить их все. Я добился своего, и постепенно все они, одна за другой, очутились в моем желудке. Затем я улегся в свою узкую неудобную кровать, закрыл глаза и стал ждать смерти... Но она не пришла. Вместо этого нутро мое пронзила жгучая, выворачивающая боль. И тут меня, сложившегося пополам, вывернуло желчью вперемешку с полурастворившимися таблетками. Я

лежал в темноте, весь в блевотине, с полыхающим от боли желудком.

Казалось, прошла целая вечность. А потом я кое-что понял: на самом деле я не хотел умирать! Еще нет, ведь я и пожить толком не успел. Эта мысль вселила надежду, призрачную и неопределенную. Это подтолкнуло меня к осознанию, что в одиночку я не справлюсь. Мне нужна была помощь.

И я ее получил. В лице Рут, психотерапевта, к которому меня направила университетская служба консультаций. Рут, седая и пухлая, внешне напоминала милую бабушку. У нее была приятная улыбка, которой хотелось верить. Сначала Рут больше молчала: она слушала, а я говорил. Рассказывал ей про свой дом, про детство, про родителей. В ходе монолога я невольно отметил, что каких бы неприятных деталей ни касался, меня это вообще не задевало. Я был отрезан от эмоций, словно кисть, отрубленная от руки. Я говорил о болезненных воспоминаниях и суицидальных порывах, но при этом ничего не ощущал.

В какой-то момент я посмотрел на Рут и с удивлением заметил, что у нее в глазах стоят слезы. Возможно, то, что я сейчас скажу, трудно понять, но это были не ее слезы, а мои. Тогда я, конечно, не понял этого. Но именно так и работает психотерапия. Пациент перекладывает свои невыносимые переживания на психотерапевта. Врач принимает на свои плечи бремя того, что пациент боится ощущать, и переживает эти моменты вместо него. А потом, буквально по чайной ложечке, психотерапевт начинает возвращать пациенту его же чувства. И Рут потихонечку возвращала их мне.

Наши встречи длились несколько лет. Я и Рут. Она оставалась постоянной величиной в моей жизни. С помощью Рут я усвоил новый тип отношений с другим человеком: основанный на взаимном уважении, честности и доброте, а не на взаимных упреках, злобе и

насилии. Медленно, но верно я начал по-другому воспринимать себя. Я уже не чувствовал себя таким опустошенным. Я стал испытывать больше эмоций. И почти перестал бояться. Ненавистный хор все это время жил в моей голове, однако теперь я мог противопоставить ему голос Рут и постепенно стал меньше обращать на это внимания. И тогда жуткие голоса стали затихать, а порой и совсем пропадали. В такие моменты на меня снисходило невероятное умиротворение, почти счастье.

Сеансы психотерапии в прямом смысле спасли мне жизнь. И, что более важно, сделали ее лучше. Лечение с помощью беседы оказало на меня самое глубокое влияние. Фактически сеансы психотерапии определили мой дальнейший путь. Я увидел свое призвание.

По окончании университета я стал обучаться психотерапии в Лондоне, параллельно продолжая ходить к Рут. Она поддержала и ободрила меня, хотя и не преминула предостеречь, чтобы у меня не было заблуждений относительно выбранного пути. «Это не прогулка по парку», – сказала Рут. Действительно, работа с пациентами, копание в их «грязном белье» – такую работу язык не повернется назвать приятной.

Помню свой первый визит в психиатрическую лечебницу для преступников. Не успел я толком начать беседу, как мой пациент спустил штаны, присел прямо напротив меня и опорожнил кишечник. Просто уселся и навалил вонючую кучу. Потом было еще много случаев, не таких тошнотворных, но не менее драматичных – спонтанные и неудачные попытки убить себя или нанести себе травму, неконтролируемая истерия и горе. Возникало ощущение, что это больше, чем я могу вынести. Тем не менее каким-то волшебным образом мои внутренние резервы все не истощались. Постепенно мне стало легче.

Удивительно, как человек может привыкнуть к специфическому миру психиатрической лечебницы. Со временем перестает пугать сумасшествие, причем не только чужое, но и собственное. Уверен, все мы чокнутые, только каждый по-своему.

Вот почему – и как – я на самом деле связан с Алисией Беренсон. Я – один из тех, кому повезло. Благодаря грамотному и достаточно раннему вмешательству психотерапевта я сумел отойти от того края, за которым начинается мрак безумия. Я понимал, что все могло сложиться иначе: я мог сойти с ума и прозябать в закрытом спецучреждении, как Алисия Беренсон. И лишь по божьей милости мы с ней по разные стороны баррикад...

Естественно, я не мог сказать ничего из этого Индире Шарме в ответ на вопрос, почему выбрал профессию психотерапевта. В конце концов, это было собеседование при приеме на работу, и я прекрасно знал правила игры.

– А вообще, – произнес я вслух, – вне зависимости от причины, по которой человек пришел в профессию, настоящим психотерапевтом можно стать лишь благодаря практике.

– Вы совершенно правы, – понимающе закивала Индира. – Верно подмечено.

Собеседование прошло успешно. По словам Индиры, годы работы в Бродмуре дали мне хорошую профессиональную закалку, которая доказывает, что я способен справляться с действительно сложными случаями. По окончании собеседования мне предложили это место, и я согласился.

Месяц спустя я отправился в Гроув.

Я прибыл холодным январским утром. Голые деревья вдоль подъездной дороги напоминали скелеты, небо заволокли белые, тяжелые тучи, готовые разразиться снегом. Стоя у пропускного пункта, я достал из кармана сигареты. Я не курил больше недели, твердо пообещав себе, что в этот раз брошу навсегда. Но сейчас почему-то сдался. Зажег сигарету, раздраженный на самого себя. Среди психотерапевтов принято считать, что курение – это пристрастие, с которым должен уметь справляться любой хороший специалист. Чтобы от меня не несло табаком, я забросил в рот пару мятных подушечек и разжевывал их, пока курил.

Я прыгал с ноги на ногу и зябко ежился – больше от волнения, чем от холода. Меня внезапно одолели сомнения. Мой коллега из Бродмура заявил без обиняков, что я совершаю большую ошибку. Намекнул, чтобы я не обольщался насчет головокружительной карьеры в Гроуве: об этом заведении в целом и о профессоре Диомидисе в частности ходят неоднозначные слухи.

– Говорят, он не признает никаких канонов. Очень большое значение придает терапии в группе. Одно время даже работал с Фуксом^[5]. В восьмидесятые руководил сообществом альтернативных психотерапевтов в Хартфордшире. Денег с таким подходом особо не заработаешь, особенно сейчас. – Тут мой коллега ненадолго замолчал, прикидывая, стоит ли продолжать, потом все же добавил почти шепотом: – Пойми, Тео, я тебя не запугиваю, но есть информация, что в Гроуве намечаются серьезные сокращения. Через шесть месяцев тебя могут запросто лишить места. Подумай хорошенько, стоит ли игра свеч?

Я сделал вид, что задумался (исключительно из вежливости), и через пару мгновений ответил:

– Стоит. Я уверен.

– Загубишь ты себе карьеру... Но если ты уже все для себя решил... – произнес мой коллега, сокрушенно качая головой.

Я не стал откровенничать по поводу моей заветной мечты излечить Алисию Беренсон. Конечно, я мог бы сформулировать свой план в понятных коллеге терминах: например, что столь трудный случай обязательно выльется потом в книгу или научный труд. Впрочем, он все равно повторил бы, что я совершаю ошибку. Возможно, коллега прав... Вскоре все выяснится!

Я затушил окурок, заставил себя успокоиться и шагнул на проходную. Гроув располагался в самом старом крыле больницы Эджвер. Изначально это было викторианское здание из красного кирпича. Затем оно стало постепенно обрастать огромными уродливыми пристройками. В глубине этого комплекса и находился Гроув.

Единственным, что указывало на то, какие страшные пациенты содержались в его стенах, были многочисленные камеры, торчавшие на заборе, словно глазеющие хищные птицы. Вестибюль, где располагалась стойка регистратуры, постарались сделать уютным. Там стояли большие синие диваны, на стенах висели неловкие, будто детские, рисунки, выполненные пациентами. Здесь Гроув напоминал скорее детский сад, чем надежно охраняемую психиатрическую больницу для преступников.

Вскоре ко мне подошел высокий человек и с улыбкой протянул руку.

– Здравствуйте! Я – Юрий, старший медбрат. Добро пожаловать в Гроув! К сожалению, в роли встречающей делегации только я, – пошутил он.

Юрий отличался приятной внешностью и крепким телосложением. На вид я дал бы ему около сорока лет.

У него были темные волосы, над краем воротничка виднелась часть татуировки – выющийся вверх по шее этнический узор. От Юрия пахло табаком и приторным лосьоном после бритья. Несмотря на проскальзывающий в речи легкий акцент, английский старшего медбрата был безупречен.

– Я переехал сюда из Латвии семь лет назад, – рассказывал он. – Сначала ни одного слова по-английски не знал. А через год уже говорил и понимал без проблем.

– Ничего себе!

– Английский выучить легко. Попробовали бы вы освоить латышский! – Юрий рассмеялся и, сняв с пояса кольцо со звякающими друг о друга ключами, вручил мне. – Ключи от одиночных палат, а вот коды доступа к отделениям.

– Ого! В Бродмуре все было скромнее.

– Недавно нам пришлось серьезно повысить уровень защиты. С тех пор как сюда перевели Стефани...

– А кто такая Стефани?

Вместо ответа Юрий кивком указал на женщину, появившуюся из двери позади стойки регистрации. В чертах ее лица угадывалось карибское происхождение. Лет сорока пяти, безупречное боб-каре.

– Стефани Кларк, управляющая в Гроуве, – сухо улыбнувшись, представилась женщина.

Ее рукопожатие оказалось крепче и решительнее, чем у Юрия, и гораздо менее радушным.

– Как управляющая я уделяю первостепенное внимание безопасности, – заявила Стефани. – Это касается и пациентов, и персонала. Если вам не обеспечена должная безопасность, значит, она не обеспечена и пациентам. – Она выдала мне небольшое устройство (сигнализацию, на случай нападения). – Всегда держите под рукой: не нужно просто оставлять это в кабинете.

Я с трудом поборол в себе желание произнести «слушаюсь, мэ!»». С этой Стефани лучше не ссориться, иначе проблем не избежать. Я всегда придерживался подобной тактики со строгими начальницами: не спорил, не высывался, и все было прекрасно.

– Приятно с вами познакомиться, – с улыбкой произнес я.

Стефани кивнула, но не улыбнулась в ответ:

– Юрий вас проводит.

Затем она развернулась и, больше не взглянув на меня, ушла.

– Пойдемте, – позвал Юрий.

И я последовал за ним к массивной стальной двери, ведущей в само отделение. Тут же рядом с металлодетектором дежурил охранник.

– Думаю, вас учить не надо, – произнес Юрий. – Никаких острых предметов, ничего, что может быть использовано как оружие.

– Зажигалки тоже нельзя, – добавил охранник, выживая ее у меня из кармана и глядя с осуждением.

– Прошу прощения, совсем забыл! – извинился я.

– Я провожу вас в кабинет. – Юрий жестом пригласил следовать за ним. – Сейчас все на общем собрании, поэтому так тихо.

– Я могу к ним присоединиться? – спросил я.

– Не хотите сначала устроиться в кабинете? – изумился Юрий.

– До кабинета я могу дойти и потом. Вас не затруднит проводить меня на собрание?

– Как скажете. – Юрий пожал плечами. – Тогда нам сюда.

И мы пошли по длинным коридорам, отделенным друг от друга запертыми дверьми. Ритмично закрывались двери, лязгали и уезжали в пазы при открытии мощные штыри, поворачивались в замках

ключи. Мы продвигались вперед с черепашьей скоростью.

Судя по виду коридоров, ремонт здесь не проводили уже несколько лет: краска на стенах облупилась, помещения пропитались слабым затхлым запахом плесени и разложения.

– Мы пришли, – проговорил Юрий, останавливаясь перед одной из закрытых дверей. – Заходите.

– Благодарю.

Пару мгновений я собирался с мыслями, а потом открыл дверь и шагнул внутрь.

5

Собрание проходило в длинной комнате с высокими зарешеченными окнами, выходившими на глухую кирпичную стену. Пахло кофе и неизменным лосьоном Юрия. Примерно тридцать человек сидели по кругу. Почти все держали в руках картонные стаканчики с чаем или кофе и, позевывая, с трудом отгоняли утреннюю дремоту. Те, кто уже допил, возились со своими пустыми стаканчиками – бесцельно вертели их в руках, мяти, плющили или рвали на кусочки.

Собрание проводилось один или два раза каждый день и представляло собой нечто среднее между административным совещанием и сеансом групповой психотерапии. На повестке дня обсуждались насущные вопросы, касающиеся больницы в целом и лечения конкретных пациентов в частности. Это была, говоря словами профессора Диомидиса, попытка вовлечь пациентов в собственное лечение и побудить их нести ответственность за свое состояние. Не стоит и говорить, что этот метод не всегда работал.

Прошлое Диомидиса, связанное с сеансами групповой терапии, означало, что он любил проводить

разного рода собрания и особенно поощрял совместную работу. Видимо, Диомидису нравилось выступать перед аудиторией. В этом он напоминал театрального импресарио. Профессор поднялся со своего места и шагнул мне навстречу с распростертыми объятиями.

– Тео! Вот и вы! Добро пожаловать!

Диомидис говорил с едва уловимым греческим акцентом, который почти исчез за те тридцать лет, что он прожил в Англии. Статный, несмотря на свои шестьдесят с лишним лет, в этой энергичной, озорной манере он выглядел моложе и больше напоминал легкомысленного дядюшку, чем психотерапевта. Однако это не означало, что Диомидис не уделял должного внимания пациентам. Напротив, утром он приезжал в Гроув первым, еще до прихода уборщиц, и засиживался допоздна, после того как на дежурство заступала вечерняя смена, а то и ночевал у себя в кабинете на кушетке. Дважды разведенный профессор шутил, что самым удачным оказался третий брак, когда он связал свою жизнь с Гроувом.

– Присаживайтесь! – Глядя на меня, Диомидис махнул рукой на свободный стул рядом со своим. – Сюда-сюда-сюда!

После того как я уселся, он с некоторым пафосом произнес:

– Позвольте представить нашего нового психотерапевта! Его зовут Тео Фабер. Давайте поприветствуем нового члена нашей небольшой, но дружной семьи!

Пока Диомидис говорил, я скользил глазами по сидящим вокруг людям, выискивая Алисию. Увы, ее нигде не было. В отличие от профессора Диомидиса, одетого в безупречный костюм и галстук, остальные предпочли менее формальные рубашки с коротким рукавом или просто футболки. Было сложно сказать, где тут персонал, а где больные.

Вскоре обнаружилась пара знакомых лиц. Например, Кристиан, которого я знал по Бродмуру: темная борода, сломанный нос (парень увлекается регби), красивые, хоть и немного устрашающие черты лица. Он ушел из Бродмура вскоре после моего поступления на работу. Помню, Кристиан мне не особо понравился; впрочем, я толком ничего о нем не знал, потому что мы практически не работали вместе. Далее я заметил Индиру, которая проводила собеседование. Она улыбнулась мне, и я слегка приободрился – это было единственное дружелюбное лицо здесь.

Больные смотрели на меня с откровенным подозрением, что вполне понятно. Каждому пришлось пережить насилие: физическое, моральное или сексуальное. Пройдет еще много времени, прежде чем они научатся мне доверять. А кто-то так и не сумеет. Среди пациентов оказались только женщины – с грубоватыми морщинистыми лицами, у некоторых виднелись шрамы. У каждой из них была тяжелая жизнь. Страдания от всевозможных ужасов надломали их душевное здоровье, толкнув в чудовищный мир психического заболевания. Их пути отображались на лицах, что невозможно было не заметить.

Но где же Алисия Беренсон? Я еще раз безуспешно пробежался взглядом по лицам. И вдруг осознал, что смотрю прямо на нее: Алисия сидела напротив меня, с противоположной стороны круга! Я не видел женщину, потому что она была невидимой. Без сомнений, ее сильно накачали седативными препаратами. Тяжело развалившись на стуле, Алисия держала в трясущейся руке стаканчик с чаем. Жидкость тонкой струйкой стекала на пол. Я едва удержался, чтобы не подойти и не поправить стаканчик. Она была настолько не здесь, что не заметила бы, если б я это сделал.

Я не ожидал, что Алисия окажется в столь плачевном состоянии. Немногое сейчас напоминало в

ней ту красивую женщину, которую я помнил: глубокие синие глаза, идеальные пропорции лица. Сейчас Алисия страшно исхудала, выглядела неухоженной. Роскошная рыжая шевелюра превратилась в грязное слипшееся месиво вокруг плеч. Ногти на руках были сгрызены, местами до мяса. На обоих запястьях белели старые шрамы от порезов – эти отметины Алисия правдиво изобразила в своей «Алкесте». Ее пальцы дрожали не переставая – явный побочный эффект, возникший на фоне приема сильных наркотических препаратов вроде «Рisperидона» или других тяжелых антипсихотических средств. В уголках приоткрытого рта блестела слюна – неконтролируемое слюноотделение, к несчастью, еще один побочный эффект подобного лечения.

Неожиданно я поймал на себе взгляд профессора Диомидиса. Пришлось прекратить рассматривать Алисию и повернуться к нему.

– Расскажите про себя, Тео. Буквально пару слов. Думаю, у вас это получится лучше, чем у меня, – произнес профессор.

– Большое спасибо. – Я кивнул. – Вряд ли смогу что-нибудь добавить к уже сказанному, пожалуй, кроме одного: я очень рад, что работаю здесь. Волнуюсь и немного нервничаю, но полон надежд. И очень хочу познакомиться с каждым из вас поближе, особенно с пациентами. Я...

Внезапно мою речь прервал громкий звук распахнутой двери. В первое мгновение я подумал, что у меня начались галлюцинации. В комнату ворвалась исполинского роста женщина с двумя деревянными копьями, шипастыми на концах. Она подняла копья над головой, а потом швырнула в нас. Одна из больных закрыла лицо руками и закричала.

Я был почти уверен, что шипы проткнут нас насквозь – но они грохнулись на пол прямо посреди нашего круга. И только теперь увидел, что это вовсе не

шпы, а бильярдный кий, сломанный пополам. Эта крупная пациентка, темноволосая, по всей видимости турчанка, закричала:

– Как же меня это бесит! Кий сломан уже неделю, а нового так и нет ни хрена!

– Ну что за выражения, Элиф! – одернул великаншу Диомидис. – Я не стану обсуждать эту претензию, пока не решу, стоит ли допускать вас до участия в собрании, учитывая то, с каким опозданием вы сюда явились! – Профессор эффектно тряхнул шевелюрой и повернулся ко мне: – А вы что думаете, Тео?

Я не сразу нашелся, что ответить.

– Полагаю, важно уважать друг друга и приходить на собрание ко времени... – начал было я.

– Как ты, что ли? – раздался мужской голос.

Я повернулся в ту сторону и увидел, что ко мне обращается Кристиан. Он засмеялся, довольный собственной шуткой. Я выдавил натужную улыбку, снова посмотрел на Элиф и произнес:

– Он совершенно прав. Я сегодня тоже опоздал. Это станет уроком нам обоим.

– Что за хрень?! – пробасила великанша. – Ты вообще кто?

– Элиф, ну вот опять! – укоряюще произнес профессор. – Вы же не хотите попасть в черный список? Присядьте, пожалуйста.

Однако Элиф продолжала стоять.

– А что по поводу кия?

Вопрос она адресовала профессору Диомидису, но тот перевел взгляд на меня, приглашая ответить.

– Элиф, я вижу, вы очень расстроены из-за сломанного кия, – проговорил я. – Наверняка тот, кто его сломал, был сильно не в духе. Это приводит нас к вопросу: как мы все здесь поступаем, когда сталкиваемся с агрессией? Давайте задержимся на этом и обсудим ситуацию вместе. Садитесь!

Элиф раздраженно закатила глаза, но тем не менее уселась на стул. Индира с довольным видом едва заметно кивнула мне. И мы завели разговор о гневе, стараясь втянуть пациентов в дискуссию, чтобы они рассказали о своих приступах агрессии. По-моему, у нас с Индирой получалось неплохо. Я чувствовал взгляд профессора Диомидиса, оценивающего мое маленькое представление. Он выглядел довольным.

Я случайно бросил взгляд на Алисию и с удивлением обнаружил, что та смотрит на меня (или, по крайней мере, в мою сторону). У нее было такое выражение лица, как будто она изо всех сил пытается сфокусироваться и наконец увидеть что-то сквозь неясный туман. Если б сейчас мне сказали, что эта траченная оболочка когда-то была той самой блестящей Алисией Беренсон, которую ранее называли ослепительной, яркой и жизнерадостной, я бы просто не поверил. В тот момент я окончательно понял, что переход в Гроув был верным решением. Последние сомнения исчезли. Я вознамерился любой ценой добиться того, чтобы Алисия Беренсон стала моей пациенткой. Времени почти не оставалось: она ушла, ее личность безвозвратно угасла. И я был намерен отыскать ее.

6

Кабинет профессора Диомидиса находился в самом обветшалом крыле здания. По углам коридора висела паутина, работала лишь пара лампочек. Я постучал в дверь кабинета, и после секундной паузы оттуда донеслось: «Войдите!»

Я повернул ручку, отворил скрипнувшую дверь и в следующее мгновение с изумлением потянул носом воздух. Здесь не улавливалось характерных для

больницы едких ноток хлорки и лекарств. Как ни странно, в кабинете пахло почти как в оркестровой яме – деревом, струнами и смычками, мебельной полировкой и воском. Пару секунд глаза привыкали к полумраку, а потом я разглядел у стены небольшое пианино. Станный для психиатрической лечебницы предмет. В тени приютились примерно два десятка нотных пюпитров, на одном из столов громоздилась стопка нот – эта хрупкая на вид конструкция высилась чуть ли не до потолка. На другом лежала скрипка, а возле нее – гобой и флейта. Чуть поодаль располагалась арфа, огромная штука с красивой деревянной рамой и душем из струн. Я застыл на месте в полном замешательстве.

– Вас так удивили музыкальные инструменты? – рассмеялся сидевший за рабочим столом профессор Диомидис.

– Они ваши?

– Да. Музыка – мое увлечение. Хотя нет, вру, моя страсть! – Для пущего эффекта профессор поднял вверх указательный палец.

У Диомидиса была занятная манера говорить: его энергичная речь сопровождалась потрясающе богатой жестикуляцией, он подчеркивал фразы, словно дирижировал невидимым оркестром.

– Я руковожу любительской музыкальной группой. В наш коллектив могут вступать все, кто пожелает: и персонал, и пациенты. Я считаю музыку одним из сильнейших терапевтических средств. – Тут профессор сделал паузу и продекламировал немного нараспев: – «Лишь музыка способна дать покой встревоженной душе...»^[6] Вы согласны?

– Конечно.

– Владеете? – спросил Диомидис, прищурясь.

- Простите, чем именно? - непонимающе переспросил я.

- Игрой на каком-нибудь музыкальном инструменте. Хоть треугольником...

- Боюсь, у меня нет способностей. - Я покачал головой. - Единственный имеющий отношение к музыке инструмент, который я освоил еще в школе, - это магнитофон.

- Значит, вы сумеете читать ноты? Вы бы нас просто спасли... Выбирайте любой инструмент. Я научу!

- Увы, у меня не хватит терпения, - улыбнулся я, покачав головой.

- Отказываетесь? Кстати, терпение - главная добродетель хорошего психотерапевта! В юности я никак не мог решить, кем стать: музыкантом, священником или врачом. Теперь я совмещаю все три профессии. - Профессор засмеялся.

- Похоже на то.

- Между прочим, когда вас принимали на работу, мой голос оказался решающим, - проговорил Диомидис, резко сменив тему. - Я очень активно высказался в вашу пользу. Знаете почему? Я что-то увидел в вас, Тео... Вы напомнили молодого меня. Судьба - штука непредсказуемая, вдруг через несколько лет вы займете в Гроуве пост руководителя? - Он выдержал эффектную паузу, а потом добавил: - Если, конечно, больницу к тому времени не закроют.

- Думаете, могут?

- Пациентов слишком мало, персонала слишком много. Мы сейчас работаем в плотном контакте с управляющей компанией: пытаемся понять, можно ли увеличить рентабельность Гроува. За нами постоянно следят, наблюдают, иными словами - шпионят. Вы спросите: как вообще можно заниматься лечением в таких условиях? Выражаясь словами Уинникотта, «нельзя заниматься терапией в горящем здании». -

Профессор Диомидис покачал головой – и вдруг стал выглядеть на свой возраст, истощенным и уставшим. – По-моему, Стефани Кларк в сговоре с управляющей компанией, – прошептал он заговорщическим тоном. – В конце концов, они ей платят. Присмотритесь к Стефани повнимательнее и сами все увидите.

В тот момент мне показалось, что в словах профессора проскальзывают параноидальные нотки. Впрочем, его реакция была объяснима. Опасаясь сказать что-то не то, я тактично промолчал.

А потом вдруг сболтнул ни с того ни с сего:

– Я бы хотел спросить у вас об одной пациентке. Ее зовут Алисия.

– Алисия Беренсон? – Диомидис несколько напрягся. – Слушаю.

– Скажите, какие лечебные процедуры с ней проводятся? У нее индивидуальная программа?

– Нет.

– Есть какая-то особая причина?

– Пробовали, потом отменили.

– Почему? Кто работал с Алисией? Индира?

– Нет. – Диомидис отрицательно покачал головой. – Алисией занимался лично я.

– И что случилось?

Профессор пожал плечами.

– Она отказалась приходить ко мне в кабинет, и тогда я попробовал перенести сеансы прямо в палату. Увы, Алисия просто сидела на кровати, молча глядя в окно. Она не произнесла ни слова. Ни разу даже не взглянула на меня! – Диомидис раздраженно взмахнул руками. – В итоге я понял, что впустую трачу время.

– Наверное, вы правы. – Я кивнул. – Я подумал, что, возможно, мой перевод сюда...

– Продолжайте! – Диомидис пристально смотрел на меня.

– Существует вероятность, чисто теоретическая, что Алисия воспринимала вас в качестве представителя местной власти, к тому же наделенного карательной функцией. Не знаю, как складывались ее отношения с отцом, но...

Профессор слушал со снисходительной улыбкой, словно я рассказывал какой-то анекдот и вот-вот должен был настать самый смешной момент.

– Вы считаете, что Алисия могла бы пойти на контакт с человеком более молодого возраста? Дайте-ка угадаю... – Диомидис хитро прищурился. – Ей нужен кто-то вроде вас? Думаете, что сумеете помочь Алисии, Тео? Спасти бедняжку? Добиться, чтобы она заговорила?

– Насчет спасения не уверен, но хотел бы помочь ей. Я хотел бы попытаться.

– Вы не первый. – Ситуация явно забавляла Диомидиса. – Я и сам искренне верил, что смогу излечить ее. Мой мальчик, Алисия – молчаливая сирена, которая заманивает нас к скалам, где наша уверенность в собственном высоком профессионализме разбивается в щепки. Алисия преподавала мне ценный урок, заставив принять поражение. Вероятно, вам тоже стоит попробовать этот горький плод.

– Только в случае поражения! – дерзко ответил я.

Профессор перестал улыбаться, и на его лице появилось загадочное выражение. Он помолчал немного, а потом решительно произнес:

– Вот и посмотрим. Для начала вам нужно познакомиться с Алисией. Вас ей еще не представляли?

– Пока нет.

– Обратитесь к Юрию, он организует встречу. И обязательно доложите потом о результатах.

– Хорошо. Так и сделаю, – сказал я, стараясь не выдать охватившего меня радостного волнения.

Сеансы терапии проводились в маленькой комнате, узеньком прямоугольнике, как тюремная камера или жилище бедняка. Окно было закрыто и зарешечено. Единственным притягивающим взгляд пятном была яркая розовая коробочка с салфетками, стоящая на столе. Скорее всего, ее туда поместила Индира. Не могу представить Кристиана, протягивающего пациенту салфетку.

Я уселся на одно из двух обшарпанных кресел с выцветшей обивкой. Время шло. Алисия не появлялась. Может, она и не собирается приходить? Не желает меня видеть? Имеет на это право.

Пребывая в нетерпении и тревоге и даже нервничая, я вскочил с кресла и уставился в зарешеченное окно. Тремя этажами ниже виднелся двор размером с теннисный корт, обнесенный по периметру высокой стеной из красного кирпича. Слишком высокой, чтобы на нее можно было забраться, хотя, уверен, попытки побегов все же случались. Каждый день после обеда пациенты полчаса толпились в тесном дворе – на свежем воздухе. Причем желания самих пациентов не учитывались. И в такую морозную погоду я понимал, почему многие отказывались. Одни стояли поодиночке, что-то бормоча себе под нос; другие, словно зомби, бесцельно бродили туда-сюда, никуда толком не направляясь; третьи собирались в группки, дискутировали, общались, курили. До меня доносились голоса, выкрики и экзальтированный смех пациентов.

Алисию я разглядел не сразу. Она стояла в одиночестве у дальней стены – застыла без движения, будто статуя. Я заметил, что к ней направляется Юрий. Он обратился к дежурившей неподалеку медсестре. Та

кивнула, и Юрий пошел к Алисии, медленно, осторожно, словно приближался к дикому животному.

Я попросил его позвать Алисию ко мне, просто сообщив, что ее хочет видеть новый психотерапевт. И особенно подчеркнул, что приглашение должно звучать как просьба, а не как приказ. Юрий говорил, Алисия безучастно стояла. Ни единым жестом она не дала понять, что восприняла или хотя бы услышала его слова. Юрий некоторое время постоял возле Алисии, затем развернулся и пошел обратно.

«Вот и всё! Она не придет, – подумал я тогда. – На что я, черт возьми, надеялся?! Перевод сюда был тратой времени». И тут, к моему изумлению, Алисия сделала шаг в сторону Юрия. Пошатываясь и слегка подволакивая ноги, она последовала за ним через весь двор, и вскоре обе фигуры скрылись в стенах лечебницы.

Итак, Алисия придет! Я постарался взять себя в руки и расслабиться. Усилием воли приглушил хор из голосов моего отца, кричавший, что я не подхожу для этой работы, что я ничтожество и жалкий обманщик. «Заткнитесь! – мысленно приказал я. – Заткнитесь, кому говорю!»

Через пару минут раздался негромкий стук в дверь.

– Войдите! – отозвался я.

Дверь отворилась. В коридоре стояли Алисия и Юрий. Я попытался заглянуть ей в глаза, но Алисия смотрела себе под ноги.

– Пришла, – гордо сообщил Юрий.

– Да, вижу. Благодарю вас, – ответил я. – Здравствуйте, Алисия!

Она никак не среагировала.

– Зайдете? – спросил я.

Юрий склонился к Алисии, будто собираясь подтолкнуть ее, однако вместо этого лишь тихо проговорил:

– Не бойся, милая. Заходи и садись.

Пару секунд Алисия колебалась, а потом, взглянув на Юрия, медленно и неуверенно вошла в комнату. Тихо, как кот, опустилась в кресло и положила дрожащие руки на колени.

Я протянул руку, чтобы закрыть дверь, однако Юрий не тронулся с места.

– Дальше я справлюсь сам, – едва слышно сказал ему я.

– Но я не имею права... И потом, профессор сказал... – встревоженно начал Юрий.

– Под мою полную ответственность. Поверьте, все в порядке. – Я незаметно показал ему брелок с кнопкой сигнализации на случай атаки. – Брелок со мной, впрочем, защита не понадобится.

Я взглянул на пациентку. Едва ли она вообще меня слышала.

– Если что, я за дверью, – произнес он, явно не разделяя моего энтузиазма.

– Это лишнее, но все равно спасибо.

Наконец Юрий удалился. Я закрыл дверь, выложил брелок на стол и сел в кресло напротив Алисии. Она по-прежнему глядела вниз. Я смотрел на ее пустое, застывшее лицо и сгорал от желания узнать, что же скрывается под маской дурмана от лекарств.

– Спасибо, что согласились прийти на встречу, – произнес я вслух.

Не рассчитывая услышать ответ, тем не менее сделал паузу. Через несколько мгновений продолжил:

– Так получилось, что я о вас знаю больше, чем вы обо мне. Я много о вас наслышан. Как о художнице, разумеется. Я поклонник вашего творчества.

Никакой реакции.

– Я попросил у профессора Диомидиса разрешения увидеться с вами, и он позволил организовать эту встречу, – сказал я. – Спасибо, что пришли.

Я помолчал в ожидании какого-либо знака со стороны Алисии – может, она прищурится, кивнет или нахмурит брови... Ничего. Я попытался представить, о чем она сейчас думает. Возможно, Алисию так накачали препаратами, что она вообще не в состоянии думать. Вспомнилась Рут. Интересно, что бы она предприняла на моем месте? Рут говорила, что в личности каждого человека кроются два начала: хорошее и плохое. Здоровый рассудок способен выдерживать эту двойственность и жонглировать хорошим и плохим одновременно. Суть психической болезни в нарушении этого баланса – мы теряем контакт с нежелательными (плохими) частями своего «я».

Для того чтобы вылечить Алисию, надо отыскать те фрагменты себя, которые она заперла где-то глубоко внутри, за границей своего сознания. А затем точно связать элементы ландшафта ее психического «я». И только потом станет ясен контекст ужасающих событий той роковой ночи, когда Алисия убила мужа. Процесс реабилитации будет медленным и трудоемким.

Начиная работу с новым пациентом, я обычно не тороплюсь, ничто не ограничивает меня в выборе терапевтических методик. Как правило, все начинается с бесед – так проходит много месяцев. В идеальной ситуации пациент рассказывает о себе, о своей жизни, о детстве. А я слушаю, постепенно собирая из кусочков целое, – достаточно долго, чтобы разобраться и даже сделать кое-какие полезные заметки. Однако в случае с Алисией беседы не будет. Слушать нечего. И нужную мне информацию придется добывать по крупицам из невербальных источников, включая *контрперенос*^[7] – чувства, которые Алисия вызовет во мне во время наших сеансов, – и любые зацепки, почерпнутые мною из других источников.

Иными словами, я собирался лечить Алисию, не имея в голове четкого плана действий. Я должен преуспеть, не только для того, чтобы доказать что-то профессору Диомидису, но – и это более важно – чтобы исполнить свой врачебный долг перед Алисией и помочь ей.

Я сидел в кресле и смотрел на нее, пребывающую в наркотическом дурмане, со слюной, скопившейся вокруг губ, и руками, мелко вздрагивающими, как крылья мотыльков. Внезапно мое сердце сжалось от пронзительной тоски. Мне стало очень жаль Алисию и подобных ей. Я жалел всех нас – израненных и потерянных.

Разумеется, я не стал произносить свои мысли вслух. Вместо этого сделал то, что сделала бы Рут, – мы с Алисией просто сидели в тишине.

8

Я разложил на столе папку с историей болезни Алисии.

– Обязательно изучите мои записи, – проговорил Диомидис, отдавая документы. – Они помогут вам.

Я не испытывал ни малейшего желания разгребать заметки профессора: точка зрения Диомидиса была и так понятна. Я же хотел составить собственное мнение. И тем не менее спорить не стал.

– Спасибо за ценную помощь, – вежливо поблагодарил я, принимая папку.

Мой маленький кабинет был обставлен лишь самым необходимым и находился в дальнем конце здания, возле пожарного выхода. Я выглянул в окно: маленький дрозд клевал клочок смерзшейся травы – уныло и без особой надежды. Я зябко поежился. Как же холодно в кабинете! Небольшая печка под окном была сломана. Юрий обещал ее починить, однако правильнее будет

обратиться с этим к Стефани, а если она не сможет наладить процесс, обсудить этот вопрос на собрании. С сочувствием вспомнил об Элиф и ее упорной борьбе за замену сломанного кия.

Я просматривал папку профессора без особенных ожиданий. Почти все необходимые сведения имелись в электронной базе данных. Тем не менее Диомидис, как и большинство сотрудников старшего возраста, предпочитал делать записи от руки и, игнорируя указания Стефани работать в электронной базе, делал все по-своему. Папка постепенно пополнялась листами с загнутыми уголками – и теперь лежала передо мной. Я перелистывал потрепанную историю болезни. Записи профессора с его старомодными интерпретациями сеансов не вызывали интереса. Я решил остановиться на ежедневных отчетах медсестер, из которых мог бы понять, как менялось поведение Алисии изо дня в день. Отчеты я изучил самым тщательным образом, выделяя факты, детали и упоминания конкретных лиц. Я хотел точно знать, во что ввязываюсь, с чем мне придется работать и какие меня могут ждать сюрпризы.

К сожалению, особо ценных сведений почерпнуть из папки не удалось. Я выяснил, что по прибытии в Гроув Алисия дважды пыталась резать себе вены на запястьях и травмировала себя всем, что попадалось под руку. Первые шесть месяцев для круглосуточного дежурства к ней были приставлены две медсестры; потом надзор ослабили, оставив только одну. Алисия не пыталась контактировать с другими пациентами или с персоналом. Она вела себя очень замкнуто и отстраненно. Постепенно больные оставили Алисию в покое. Ведь если человек молчит, даже когда вы обращаетесь к нему, и никогда не заговорит первым, в итоге окружающие просто забывают о его существовании. Алисия быстро превратилась в часть обстановки, ее перестали замечать.

Из этого ряда событий выбивался единственный инцидент. Он произошел в столовой, через несколько недель после появления Алисии в лечебнице. Элиф заявила, что Алисия села на ее место. Из отчетов не очень ясно, что именно случилось, но конфликт разгорелся быстро. Алисия пришла в неистовство и, разбив тарелку, попыталась острым краем перерезать горло Элиф. Ее быстро скрутили, вкололи большую дозу седативных препаратов и перевели на изолированное содержание.

Я и сам не понимал, чем меня зацепил случай в столовой, но чувствовал в нем что-то странное. Я решил расспросить Элиф, что же произошло в тот день. Вырвал из блокнота листок и взял ручку. Старая привычка, еще со времен университета, – ведение записей на бумаге помогает мне привести разум в порядок. Мне всегда было сложно сформулировать свою точку зрения, пока я не выражал ее в письменном виде.

И я начал набрасывать идеи, цели, заметки – создавать план действий. Приступая к лечению Алисии, сначала нужно было понять, что она за человек и как относилась к Габриэлю. Любила ли его? Или ненавидела? Что подтолкнуло Алисию к убийству мужа? Почему она отказывалась говорить – и об убийстве, и о чем-либо еще? Ответов я не находил, пока нет; появлялись лишь новые вопросы.

Я написал посередине строки имя *Алкеста* и подчеркнул, смутно чувствуя, что автопортрет сыграл во всей истории важную роль. Стоит понять почему – и многое прояснится. Здесь крылся ключ к разгадке тайны. Картина являлась посланием души Алисии, ее свидетельством в суде. Оно что-то значило, и мне еще лишь предстояло расшифровать его. Я сделал в блокноте пометку посетить галерею еще раз. Также записал: «*Детство*». Для того чтобы понять мотивы убийства, я должен разобрать не только события той

ночи, но и то, что происходило с Алисией много лет назад. Возможно, зерна того, что случилось в те минуты, когда она стреляла в мужа, были посеяны глубоко в прошлом. Убийственная ярость, гнев, доводящий до преступления, – не сиюминутные явления. Все это появляется еще до памяти, в далеком мире детства, где насилие и жестокое отношение, которые взрослые вправе причинять маленькому ребенку годами, копятся, пока не происходит взрыв, зачастую направленный не на ту цель.

Я собирался выяснить, какой облик придало ей детство. И если Алисия не может или не желает рассказать мне об этом, я найду того, кто это сделает. Кого-то, кто знал Алисию до убийства, кто поможет понять: ее историю, какой она была раньше и что спровоцировало ее и привело к надлому.

В графе «ближайшие родственники» значилась некая Лидия Роуз, приходившаяся Алисии тетей. Лидия вырастила ее, заменив мать, погибшую в автокатастрофе. Алисия также была в той машине, но сумела выжить. Безусловно, авария сильно повлияла на психику маленькой девочки. Оставалось надеяться, что Лидия сможет мне что-нибудь рассказать об этом.

Вторым – и последним – контактным лицом был адвокат Алисии, Макс Беренсон. Макс приходился Габриэлю братом, а значит, мог наблюдать семейные отношения супругов на более «личном» уровне. Неизвестно, захочет ли Беренсон откровенничать со мной, но это уже отдельный вопрос.

Несанкционированные контакты психотерапевта с семьей пациентки – это, мягко говоря, весьма нетрадиционный подход. Я подозревал, что Диомидис не одобрит мою инициативу, и поэтому решил действовать самостоятельно, на свой страх и риск. Оглядываясь назад, я понимаю, что это был мой первый ошибочный шаг в работе с Алисией, послуживший

началом цепи прискорбных событий. Там мне следовало бы остановиться; впрочем, даже тогда поворачивать назад было уже поздно. Я не знал, что уже обречен, – как в греческой трагедии^[8].

Я позвонил Максу Беренсону в офис по указанному в папке телефону. Ответили не сразу.

– «Эллиот, Барроу и Беренсон», – раздался в трубке охрипший голос сильно простуженной секретарши.

– Будьте любезны мистера Беренсона, – попросил я.

– Как вас представить?

– Меня зовут Тео Фабер. Я психотерапевт в лечебнице Гроув. Я хотел бы побеседовать с мистером Беренсоном. Буквально пару слов, насчет его невестки.

После незначительной паузы девушка ответила:

– Я вас поняла. Дело в том, что мистера Беренсона не будет до конца недели. Один из клиентов вызвал его в Эдинбург. Можете оставить свой номер, и я передам мистеру Беренсону, чтобы он связался с вами, когда вернется.

Я продиктовал девушке свой телефон и, дав отбой, набрал номер Лидии Роуз, тети Алисии. На сей раз трубку взяли мгновенно.

– Слушаю! В чем дело? – раздался недовольный старческий голос. Пожилая дама тяжело дышала.

– Это миссис Роуз?

– Вы кто?

– Я звоню по поводу вашей племянницы, Алисии Беренсон. Я психотерапевт из...

– Пошел к черту! – отрезала миссис Роуз и бросила трубку.

Я хмуро уставился на телефон. Начало не задалось.

Страшно хотелось курить. Выйдя с работы, я стал лихорадочно рыться в карманах куртки в поисках сигарет, но их там не оказалось.

– Что-то потеряли?

Я чуть не вздрогнул от неожиданности: позади почти вплотную ко мне стоял Юрий. Я и не слышал, как он подошел, и был поражен обнаружить его так близко.

– Вот, держите! – Медбрат с улыбкой протянул мне пачку сигарет. – Нашел на сестринском посту. Наверное, выпали у вас из кармана.

– Спасибо.

Я закурил одну и протянул ему пачку.

– А я не курю. По крайней мере, не сигареты... – Юрий засмеялся. – По-моему, вам не помешало бы выпить. Пойдемте, угощу вас пивом!

Я медлил. Инстинкт подсказывал отказаться от приглашения. Не люблю сближаться с коллегами по работе. К тому же у нас с Юрием мало общего. Впрочем, он наверняка знает Алисию лучше всех в лечебнице и сможет рассказать о ней что-нибудь любопытное.

– Почему бы и нет, – наконец отозвался я.

И мы отправились в ближайший паб под названием «Жертвенный агнец». Внутри оказалось темно и грязно. И само заведение, и его посетители, клюющие носом над полупустыми бокалами с пивом, явно видали лучшие времена. Юрий взял нам по пинте^[9], и мы уселись за столик в дальнем конце зала.

Медбрат сделал большой глоток и вытер ладонью рот.

– Ну, рассказывайте про Алисию! – попросил он.

– Про Алисию?

– Как она вам?

– К сожалению, пока никак.

– Алисия не спешит раскрываться, – заметил Юрий, глядя на меня с загадочной улыбкой. – Прячется, как

улитка в раковине.

– Вижу, она вам небезразлична.

– Да, у меня к ней особенное отношение. Никто не знает ее лучше, чем я. Даже профессор Диомидис.

В голосе Юрия зазвучали тщеславные нотки. Почему-то мне это не понравилось. Действительно ли он знал Алисию настолько хорошо или просто решил похвастаться?

– Как по-вашему, почему она молчит? Что это означает? – спросил я у Юрия.

– Думаю, для Алисии еще не настало время общаться. – Он пожал плечами. – Когда будет готова, заговорит.

– Готова к чему? – удивился я.

– Готова к правде, друг мой.

– И к какой же правде?

Юрий внимательно посмотрел на меня, слегка наклонив голову набок.

– Тео, вы женаты? – неожиданно спросил он.

– Да. – Я кивнул.

– Я так и подумал. Я тоже был женат. Мы вместе переехали сюда из Латвии. Однако супруга не сумела приспособиться к местной жизни. Она и не старалась, не хотела учить язык. В любом случае этот брак... Я не был с ней счастлив, но не желал признаваться в этом самому себе, пытался убежать от правды... – Юрий допил пиво и закончил: – А потом влюбился.

– Если я правильно понимаю, в другую женщину?

– Конечно! – Юрий засмеялся. – Она жила неподалеку. Настоящая красавица. Это была любовь с первого взгляда... Я увидел ее на улице и все никак не решался подойти и заговорить. Часто шел следом, смотрел на нее исподтишка, стоял возле ее дома и вглядывался, надеясь увидеть в окне знакомый силуэт...

Мне стало неловко слушать эту исповедь. Я допил пиво и взглянул на часы, думая, что Юрий поймет

намек. Но он не заметил моих знаков и продолжал рассказ:

– Однажды я решился заговорить с ней. И оказалось, что мое чувство не взаимно. Я пытался несколько раз, и все напрасно. В конце концов она попросила, чтобы я прекратил преследовать ее.

Я начинал понимать несчастную женщину и уже собирался вежливо попрощаться и уйти, однако Юрий не умолкал.

– Отказ я принял нелегко. Ведь я искренне верил, что мы созданы друг для друга. Она разбила мне сердце. И тут я разозлился на нее. Прямо взбесился.

– И что произошло? – не удержался я.

– Ничего.

– Ничего? То есть вы остались с женой?

– Нет. – Юрий отрицательно покачал головой. – Наш брак окончательно распался. Но лишь влюбившись в другую женщину, я на самом деле увидел правду о себе и своей жене. Иногда человек долго прячет голову в песок – тут нужно время и мужество.

– Вот оно что... Вы считаете, что Алисия не готова признать правду о своем браке? Возможно, так и есть, – задумчиво произнес я.

– А невеста у меня все-таки появилась, – улыбнулся Юрий. – Она из Венгрии. Работает в спа-салоне, прекрасно владеет английским. Мы отлично подходим друг другу, и нам вместе не скучно.

Я кивнул и, снова бросив взгляд на часы, решительно взял пальто.

– Ну мне пора. Супруга уже наверняка заждалась.

– Без проблем. Кстати, как зовут вашу жену?

По какой-то неизвестной причине я не хотел говорить ему ее имя. Не хотел, чтобы Юрий знал о ней что-либо.

– Кэтрин, – нехотя сказал я, понимая, что веду себя глупо. – Я зову ее Кэти.

– Вот что я скажу вам, Тео. Идите к жене. Идите к Кэти. Она любит вас. И выбросьте Алисию из головы. – Юрий загадочно улыбнулся.

10

Мы с Кэти встречались в кафе Национального театра на южном берегу Темзы. Труппа театра часто собиралась там после репетиций. Кэти сидела в глубине зала с парой коллег-актрис и что-то рассказывала, а те внимательно слушали. Они глядели на меня, когда я приблизился к их столику.

– У тебя, наверное, уши горят, да? – засмеялась Кэти, целуя меня.

– Должны гореть?

– Я рассказывала девочкам о тебе.

– Серьезно? Мне уйти?

– Ты все шутишь! Садись, ты как раз вовремя. Я только что добралась до момента, когда мы познакомились.

Я уселся, и Кэти продолжила свой рассказ. Она обожала эту историю. Время от времени поглядывала на меня, улыбаясь и как бы вовлекая в процесс, однако это было чистой формальностью. Это была ее история, не моя.

– Сажу я за барной стойкой, и, о чудо, появляется ОН! Я уже окончательно поставила на личной жизни крест и вдруг вижу: в бар заходит мужчина моей мечты! Лучше поздно, чем никогда! Вы же помните, я думала, что к двадцати пяти выйду замуж, а к тридцати обзаведусь двумя детьми, маленькой собакой и огромным ипотечным кредитом. И вот мне тридцать три, и весь мой план полетел к черту! – с озорной улыбкой протараторила Кэти и хитро подмигнула подругам. – Я тогда встречалась с австралийцем по

имени Дэниел. Но свадьба и дети в его план не вписывались, и я понимала, что только теряю время. Мы с Дэниелом решили сходить вечером в бар, и тут на сцене появляется Мистер Мечта... – Кэти повернулась ко мне и договорила: – *с девушкой!!!*

Дальше следовало вести рассказ очень деликатно, чтобы не потерять симпатию аудитории. Дело в том, что на момент нашей судьбоносной встречи мы с Кэти были несвободны. Двойная неверность – не самое красивое начало отношений. Фактически нас представили друг другу экс-партнеры. Они знали друг друга. Сейчас я уже не припомню деталей: кажется, Марианна пару раз встречалась с соседом Дэниела по квартире. Я не запомнил, как нас представляли, зато момент, когда я впервые увидел Кэти, прочно врезался в мою память. Меня словно током ударило: длинные темные волосы, пронзительный взгляд зеленых глаз, и эти губы... Фантастически красивая, утонченная девушка. Ангел!

Кэти выдержала паузу и с улыбкой взяла меня за руку.

– Помнишь, Тео, как мы заговорили друг с другом? Ты сказал, что учишься на психиатра. А я ответила, что мне как раз нужно вправить мозги, а значит, мы просто созданы друг для друга.

Подруги отреагировали громким хохотом. Кэти тоже засмеялась.

– Дорогой, ведь это была любовь с первого взгляда, правда? – спросила она, с искренним чувством глядя мне в глаза.

Настал мой выход на сцену.

– Ну конечно, милая. Настоящая любовь, – произнес я и поцеловал Кэти в щечку.

Подруги смотрели на нас с умилением. Причем я не играл на публику. Кэти очень верно выразилась. Я действительно пал жертвой любви с первого взгляда. Жертвой страсти – уж точно. В тот вечер я пришел с

Марианной, но не мог отвести глаз от Кэти, исподтишка поглядывая на зеленоглазую красавицу. Они с Дэниелом о чем-то горячо спорили. И вдруг я прочел по губам Кэти: «Да пошел ты!» – и понял, что они ссорятся. Дело пахло керосином. Дэниел поднялся из-за стола и вышел из бара.

– Ты сегодня и рта не раскрыл, – заметила Марианна. – Что-то случилось?

– Нет. Всё в порядке.

– Пойдем домой. Я устала.

– погоди, – возразил я, едва слушая. – Лучше выпьем еще.

– Но я хочу домой.

– Если хочешь, иди.

Марианна кинула на меня обиженный взгляд, схватила куртку и удалилась. Я знал, что потом неизбежно разразится скандал, но в тот момент мне было все равно. Я пересел поближе к Кэти.

– Дэниел вернется? – спросил я.

– Нет, – Кэти покачала головой. – А Марианна?

– Тоже нет. Выпьем еще по одной?

– Да, спасибо.

Мы застряли у барной стойки. Помню, я рассказывал про свои занятия по психотерапии, а Кэти говорила про учебу в театральном училище. Учеба оказалась недолгой: в конце первого же курса Кэти заметил агент и предложил работу. С тех пор она выступала на сцене. И я поймал себя на мысли, что Кэти, должно быть, очень талантливая актриса.

– Учеба не для меня, – призналась она. – Я рвалась в бой!

– В смысле, на сцену?

– Нет. В настоящую жизнь! – Кэти склонила голову набок и лукаво поглядела на меня своими изумрудными глазами. – Как у тебя хватает терпения учиться, Тео?

– Может, я просто не хочу начинать «жить». Может, я трус.

– Трус ушел бы домой вслед за подружкой, – с озорным смехом заключила Кэти.

Мне дико хотелось сгрести ее в охапку и поцеловать. Я никогда раньше не испытывал такого сильного, переполняющего физического желания. Я мог думать только об одном: как притяну Кэти к себе, прижмусь к губам, почувствую жар ее тела...

– Прости, – спохватилась Кэти. – Сорвалось с языка. Вечно болтаю первое, что придет в голову. Я предупреждала, что немного «ку-ку».

Кэти еще не раз повторяла про себя, что она «того», «не в себе», «чокнутая», но я ей не верил. Она смеялась слишком свободно и часто и никак не могла пострадать от той жуткой черноты, которую когда-то пережил я. В Кэти чувствовалась непосредственность, легкость – она любила жизнь и искренне радовалась каждому дню. Что бы ни говорила Кэти, я твердо знал: она – самый душевно здоровый человек из всех моих знакомых. Более того, рядом с Кэти и я чувствовал себя адекватнее.

Кэти была американка. Она родилась и выросла в Верхнем Вест-Сайде^[10] на Манхэттене. Ее мать, англичанка, оформила дочери двойное гражданство. Однако Кэти совсем не походила на жительниц Англии. И дело даже не в том, как она говорила, а в мировосприятии, в ее системе ценностей и установок. Кипящая энергия, оптимизм, уверенность в себе – я видел такого человека впервые.

Мы вышли из бара, я поймал такси и назвал водителю адрес своей квартиры. Недолгая поездка прошла в тишине. Когда мы очутились у двери квартиры, Кэти нежно прижала свои губы к моим. Я не мог больше сдерживаться и рывком притянул ее к себе.

Не переставая целоваться с Кэти, кое-как открыл ключом дверь. Едва мы зашли в прихожую, как тут же начали срывать друг с друга одежду, спотыкаясь, добрались до спальни и рухнули на кровать.

Та ночь стала самой чувственной, самой невероятной в моей жизни. Я изучал тело Кэти часами. Мы занимались любовью всю ночь, до рассвета. Помню везде белый цвет: яркие лучи раннего солнца, прорывающиеся сквозь щели в шторах, белые стены, белые простыни, белки глаз Кэти, ее кожа, улыбка. Я и не подозревал, что кожа может быть такой белой, почти прозрачной, с нежным оттенком слоновой кости и голубоватыми линиями вен, заметными прямо под тонкой кожей, струящимися, словно цветные капли в мраморе. Как будто статуя великолепной греческой богини ожила у меня в руках.

Мы лежали, обнявшись. Ее глаза были так близко, что все расплывалось. Я смотрел в зеленое море.

– Ну, и?.. – подала голос она. – Что насчет Марианны?

– Марианны?

На губах Кэти мелькнула улыбка.

– Твоей девушки, Марианны...

– Да. – Я помолчал, полный сомнений. – Я не знаю, что теперь с ней делать... А как же Дэниел?

– Забудь про него! Лично я – уже, – заявила Кэти.

– Ты серьезно?

Вместо ответа я получил поцелуй. Перед тем как уйти, Кэти зашла в душ. А я в это время позвонил Марианне. Я хотел встретиться с ней, чтобы сообщить о разрыве лично. Однако Марианна настаивала, чтобы я сказал все немедленно, по телефону. Она не подозревала, что я собираюсь закончить наши отношения. Однако именно это я и сделал, в самых деликатных выражениях. Марианна стала плакать. Мои слова разозлили и обидели ее. В итоге мне пришлось

повесить трубку. Грубо и невежливо, да. Я не горжусь тем разговором. Но тогда только такой поступок и казался порядочным. Я до сих пор не знаю, что мог сделать иначе.

* * *

На нашем первом официальном свидании мы с Кэти отправились в Ботанический сад. Место предложила она, узнав, что я ни разу там не был.

– Ты шутишь? И в оранжереи не заходил? – вытаращив глаза, переспросила Кэти. – Вон в той, самой большой, выращивают разные тропические орхидеи. Там жутко жарко, как в печке. Когда я занималась в училище, частенько туда прибегала, просто чтобы погреться... Давай встретимся там, когда ты освободишься? – Она вдруг нерешительно замолчала. – Или тебе слишком далеко туда добираться?

– Ради тебя, дорогая, хоть на край света! – с улыбкой заявил я.

– Дурачок, – шепнула Кэти и поцеловала меня.

Вечером, когда я добрался до входа в Ботанический сад, она уже стояла там в своем огромном пальто и шарфе. Завидев меня, замахала рукой, как перевозбужденный ребенок.

– Давай скорее! Сюда! – торопила Кэти.

Мы пошли по застывшей грязи к большому стеклянному сооружению, в котором выращивались тропические растения. Кэти решительно толкнула дверь и потащила меня внутрь. В оранжерее царила настоящая тропическая жара и высокая влажность. Я поскорее сдернул шарф и избавился от пальто.

– Я же говорила, тут как в сауне! Здорово, правда? – радовалась она.

С пальто в руках мы бродили по дорожкам, держась за руки, и любовались экзотическими цветами. Я с изумлением осознал, что счастлив просто находиться рядом с Кэти. Словно она открыла тайную дверь и привела меня в волшебный мир тепла, света и ярких красок, где сотни цветущих орхидей – как синие, красные и желтые конфетти.

Я медленно плавился от жары; тело становилось мягким, немного ватным. Я чувствовал себя черепахой, высунувшей из панциря голову после долгой зимней спячки, моргая и пробуждаясь. Это чудо сотворила Кэти – она стала моим приглашением к жизни, и я ухватился за него обеими руками.

Помню, как тогда осознал, что влюбился. Я ни секунды не сомневался, что это любовь. Такого чувства я не испытывал ни разу в жизни. Предыдущие мои романы протекали быстро и неудовлетворительно для обеих сторон. Девственности я лишился в университете. Накачавшись для храбрости алкоголем, переспал со студенткой с факультета социологии – канадкой по имени Мередит. Она носила на зубах брекеты, и во время поцелуев металлические конструкции больно впивались в мои губы. Затем последовало несколько ничем не примечательных романов. Казалось, я никак не мог встретить ту самую девушку, которую страстно желал повстречать. Я считал себя слишком дефективным, не способным на серьезные чувства.

Зато теперь каждый раз, когда до моих ушей доносился заразительный смех Кэти, меня пронизывало радостное возбуждение. Я, как губка, впитывал брызжащий из нее оптимизм, раскованность и веселье. Я соглашался на любые причуды Кэти. Я не узнавал себя, но мне нравился новый бесстрашный Тео, которого она пробудила к жизни. Мы не вылезали из кровати. Я сгорал от постоянного, жгучего желания. Я не мог насытиться близостью с Кэти. И постоянно

хотелось касаться ее – я как будто не мог оказаться достаточно близко к ней.

В том же декабре Кэти переехала в мою однокомнатную квартиру в районе Кентиш-таун^[11]. Мое скромное обиталище находилось на цокольном этаже – здесь постоянно чувствовалась сырость, полы были закрыты коврами; окна имелись, но ни о каких приятных видах и речи не было. Наше первое совместное Рождество мы жаждали провести как полагается: на праздничном базаре возле метро купили елку, навесили на нее кучу украшений и специально приобретенную электрическую гирлянду. Я помню, как сейчас, запах еловой хвои, дерева и горящих свечей, и Кэти, смотревшая на меня своими изумрудно-зелеными глазами, в которых отражался блеск пламени свечей и мерцание гирлянды.

– Выходи за меня, – выпалил я не задумываясь. Слова сами собой слетели с языка.

– Чего? – изумилась Кэти.

– Я тебя люблю. Выходи за меня, – повторил я.

Кэти засмеялась и, к моей величайшей радости, тут же ответила:

– Я согласна!

На следующий же день мы пошли в ювелирный магазин, и она выбрала кольцо. И тут я наконец осознал: отныне мы жених и невеста. Как ни странно, первыми, о ком я подумал, были родители. Я хотел представить им Кэти. Пусть увидят, что их сын счастлив. Я мечтал показать, что мне удалось вырваться из-под их контроля и стать свободным! Мы сели на поезд в Суррей. Теперь я понимаю, что сглупил. Это была дурацкая затея, обреченная на провал.

Отец приветствовал меня все с той же враждебностью.

– Ну и вид, Тео... Кожа да кости! Что за стрижка? Почему так коротко? Ты похож на преступника.

– Спасибо, пап. Я тоже рад тебя видеть, – ответил я.

Мама выглядела еще более подавленной, чем обычно. Она словно съежилась, стала тише, как будто на самом деле ее там не было. Присутствие отца было гораздо более давящим, неприветливым, бросающимся в глаза, безрадостным. Он все время буравил Кэти тяжелым взглядом. Я еле пережил обед в родительском доме. Кэти не особенно понравилась родителям, и они не радовались за меня. Не знаю, почему меня это даже не удивило.

После обеда отец удалился в кабинет и больше оттуда не выходил. Во время прощания мама обнимала меня слишком долго, и это было слишком близко для меня. Она с трудом держалась на ногах. Меня вдруг накрыло тихое отчаяние. Когда мы уехали оттуда, я знал, что часть меня так и осталась там – вечным ребенком, словно в ловушке. Я ощущал полную беспомощность, безнадежность, и глаза жгло от подступивших слез. И тут меня в очередной раз удивила Кэти. Она крепко обняла меня и прошептала: «Теперь я все поняла. И люблю тебя еще сильнее!» – и больше ничего не стала объяснять. Да этого и не требовалось.

* * *

В апреле мы с Кэти расписались в маленьком регистрационном бюро неподалеку от Юстон-сквер. Мы не пригласили родителей. И никакого Бога. Кэти не хотела устраивать венчание в церкви, поэтому я мысленно произнес краткую молитву, пока нас регистрировали в бюро. И возблагодарил Господа за неожиданное счастье, которого я не был достоин. Теперь я прозрел и четко видел Его великую цель. Бог

вовсе не покидал меня в детстве, одинокого и напуганного. Нет, он, как ловкий маг, хранил Кэти, словно козырь, чтобы «достать» ее из рукава, когда придет время.

Я был переполнен ощущением смирения и благодарил небо за каждую секунду, проведенную рядом с ней. Я понимал, что вытянул счастливый билет. Мне выпал невероятный, очень редкий шанс повстречать такую любовь! Я осознавал, как редко такое случается. Остальным повезло меньше. Большинство моих пациентов никто не любил. И Алисию Беренсон не любили.

Сложно представить двух менее схожих женщин, чем Кэти и Алисия. Кэти вызывала во мне мысли о свете, тепле, ярких красках и смехе. Алисия – только о пропасти, темноте и печали. И молчании.

Часть II

Подавленные эмоции никуда не деваются. Их хоронят заживо, но со временем они обязательно прорвутся наружу в куда более отвратительном виде.

Зигмунд Фрейд

1

Из дневника Алисии Беренсон

16 июля

Вот уж не думала, что буду мечтать о дожде. Четвертую неделю стоит жара – погода устроила нам тест на выносливость. Каждый день кажется жарче предыдущего. Неужели это Англия? Больше похоже на Грецию или какую-нибудь другую южную страну. Я пишу сейчас в парке Хэмпстед-Хит. Газоны и скамейки усеяны расprostертыми на полотенцах полуголыми людьми с обгоревшими до красноты лицами. Напоминает пляж или поле битвы.

Сижу на скамейке в тени. Сейчас шесть часов вечера, и раскаленный воздух начинает понемногу остывать. На золотистом небе низко висит красноватое солнце. В этот час парк выглядит иначе – тени глубже, цвета ярче. Трава будто в огне... огненные всполохи под моими ногами...

По дороге сюда я сняла обувь и шла босиком. Совсем как в детстве, когда играла во дворе. А потом вспомнилось такое же жаркое лето, когда погибла мама. Мы с Полом носились на велосипедах по полям,

покрытым золотым ковром диких маргариток, залезали в заброшенные дома и населенные призраками сады. В моей памяти то лето длится вечно. Я помню маму и те цветастые топы, которые она носила, с желтыми тянущимися бретельками, такими тонкими и изящными, как и она сама. Мама была хрупкой, словно маленькая птичка. Она часто включала радио, брала меня на руки, и мы танцевали под поп-музыку. До сих пор отчетливо помню мамин запах: шампунь, сигареты, крем для рук от «Нивеа» и неприменный легкий оттенок водки. Сколько ей тогда было? Двадцать восемь? Двадцать девять? Меньше, чем мне сейчас. Надо же...

По пути сюда я заметила на тропинке возле корней дерева крохотную птичку. Я подумала, что она вывалилась из гнезда. Птичка не шевелилась – видимо, бедняжка поломала крылья. Я тихонько погладила пальцем ее головку. Птичка не шевелилась. Тогда я осторожно взяла ее в руки и повернула. Нижняя часть тельца отсутствовала напрочь – плоть была съедена червями: белые, толстые, скользкие черви извивались, крутились и лезли друг на друга. Мой желудок болезненно сжался, я испугалась, что меня вывернет. Это было так грязно, отвратительно – и слишком сильно напоминало о смерти. И до сих пор стоит у меня перед глазами.

17 июля

Я спасаюсь от жары в итальянском кафе «Л'Артиста»^[12] на главной улице. Здесь на всю мощность работают кондиционеры и холодно, как в морозилке. Сажу за своим любимым столиком у окна и потягиваю кофе со льдом. Иногда читаю, делаю зарисовки или пишу заметки. Но бóльшую часть времени просто наслаждаюсь прохладой, позволяя себе ни о чем не думать. За кассой скучает красивая

девушка. Она что-то смотрит в телефоне, поглядывает на часы и вздыхает. Вчера вечером ее вздохи показались мне особенно тяжелыми. Судя по всему, девушка ждет, когда же я попрошу счет, чтобы закрыть кафе и пойти домой, и я неохотно ухожу.

Идти по жаре – все равно что брести сквозь густую грязь. Все тело ноет, как будто меня били, сил нет совершенно. Мы не готовы к столь экстремальным температурам. Это же Англия! У нас в доме нет кондиционеров. Интересно, у кого они есть? Ночью невозможно уснуть, приходится сбрасывать все покрывала и лежать на кровати нагишом, утопая в поту. Мы открываем окна настежь, но в воздухе нет и намека на ветерок – только мертвая раскаленная духота.

Вчера я купила электрический вентилятор, поставила у изножья кровати и направила прямо на нас.

– Он слишком громко гудит. Так мы никогда не уснем, – стал жаловаться Габриэль.

– Мы в любом случае не уснем. С вентилятором хотя бы не придется потеть, как в сауне.

Габриэль проворчал нечто невнятное – и уснул раньше меня. А я лежала и вслушивалась в гудение вентилятора. Мне нравится звук вращающихся лопастей. Он убаюкивает. Можно закрыть глаза, поддаться мелодии и незаметно провалиться в сон.

Теперь я ношу за собой этот вентилятор из комнаты в комнату – то выдергиваю, то втыкаю вилку электропитания. Сегодня решила взять его в мастерскую в глубине сада. С вентилятором это терпимо, и все равно соображаю с трудом – работа не ладится. Я отстаю от графика, но жара так давит, что у меня нет сил переживать по этому поводу.

Наметился небольшой прорыв: я наконец поняла, что не так с изображением Иисуса. Почему на меня это не действует. Дело не в композиции: Иисус распят на кресте. Проблема в том, что на картине изображен не

Иисус. Мы не знаем, как Он выглядел, но у меня получился не лик Христа. Это лицо Габриэля. Ума не приложу, как я раньше не заметила. Сама не знаю, как и почему я нарисовала на кресте своего мужа: его лицо, его тело... Я схожу с ума? Видимо, придется оставить все как есть и довести работу над картиной до конца.

Всякий раз, когда у меня появляется идея, замысел того, что это должно быть, я не в силах воплотить его в жизнь. В итоге выходит нечто пустое, безжизненное. Но если действительно не спешить и вникнуть, я иногда слышу шепот, который указывает, куда двигаться дальше. И если я следую за ним, как будто это предопределено, он приводит меня к чему-то неожиданному, не к тому, что я задумывала, но потрясающе живому и прекрасному. И результат совершенно не зависит от меня – полотно приобретает собственную жизненную силу!

Должна признаться, меня пугает вот так отдаваться неведомому. Я предпочитаю знать, куда двигаюсь. Именно поэтому я всегда начинаю работу с огромного количества предварительных набросков, желая максимально точно представлять конечный результат на холсте. Неудивительно, что в итоге они так и остаются набросками – ведь я совершенно не представляю себе, что в те моменты происходит передо мной. Нужно *открыть глаза* – и наконец *увидеть* реальность, когда происходит это «настоящее», а не то, как мне хотелось бы это видеть.

Теперь, осознав, что у меня вышел портрет Габриэля, я могу вернуться к началу, сделать все заново. Попрошу его попозировать мне. Давно он не помогал мне в этом. Надеюсь, Габриэль оценит идею и не скажет, что это святотатство. А то его иногда переклинивает.

18 июля

Сегодня утром я прошла до Кэмденского рынка^[13]. Я там сто лет не была. Последний раз мы ходили туда с Габриэлем, когда он решил вспомнить юные годы. Подростком Габриэль с друзьями часто болтался на Кэмденском рынке – чудесное время бессонных ночей, танцев, выпивки и бескончаемых разговоров. Мальчики заглядывали на рынок ранним утром: посмотреть, как торговцы раскладывают товар. Иногда удавалось разжиться «травкой» – она всегда имелась у растаманов, ошивавшихся на мосту возле кэмденских шлюзов. Однако мы с Габриэлем никаких дилеров там не встретили.

– Здесь все изменилось до неузнаваемости. Теперь это чистенький туристический маршрут, – огорченно произнес он тогда.

Сегодня, гуляя по рынку, я подумала: а ведь дело не столько в том, что изменился рынок, сколько в том, что изменился сам Габриэль. Здесь и по сей день полно шестнадцатилетних подростков. Вот они, загорают на обоих берегах канала под ярким солнцем. Куча оголенных тел: раздетые по пояс мальчики с закатанными покороче шортами, девчонки в лифчиках или узеньких купальных топиках. Повсюду обнаженная плоть, сгорающая под немилосердными солнечными лучами. Бьющая ключом сексуальная энергия – их ненасытная, нетерпеливая жажда жизни. Мощный импульс задел и меня: я ощутила сильное желание заняться любовью с Габриэлем. Мне дико захотелось почувствовать его мускулистое тело, сильные ноги, его бедра – сверху, на мне.

Занимаясь с Габриэлем любовью, я всегда чувствую этот неутолимый голод; это ни с чем не сравнимое чувство целостности, когда мы сливаемся воедино. Чего-то большего, чем просто я, чем мы оба. Этого не описать словами – какое-то таинство.

Неожиданно мое внимание привлек бездомный. Он сидел на тротуаре неподалеку и смотрел на меня. Брюки мужчины держались на веревке, подметки были примотаны к ботинкам скотчем. Кожа на лице пестрела растрескавшимися волдырями. Меня вдруг накрыло унынием и отвращением. От него разило застарелым потом и мочой. На мгновение показалось, что бездомный обращается ко мне. Потом я поняла, что он просто бормочет ругательства себе под нос: «чертово» то да «чертово» это. Я нащупала в сумке мелочь и подала мужчине. А затем побрела домой, медленно, шаг за шагом поднимаясь на наш холм.

Сейчас дорога показалась гораздо круче. Как будто шла вечность под изнуряющим пеклом. По какой-то причине мысли о несчастном бездомном не выходили из головы. Помимо чувства жалости, было что-то еще, необъяснимое, похожее на страх. Я представила бедолагу младенцем у матери на руках. Могла ли несчастная вообразить, что ее сын превратится в грязного, воняющего мочой, полубезумного оборванца, который станет коротать дни, сидя на тротуаре и бормоча ругательства?

Я задумалась о своей матери. Была ли она сумасшедшей? Почему она это сделала? Почему пристегнула меня к пассажирскому креслу своей желтой «Мини» и на полном ходу въехала в стену из красного кирпича? Я обожала мамину машину такого веселого канареечно-желтого цвета. Такой же оттенок есть у меня в коробке с красками. С тех пор я возненавидела желтый цвет. Каждый раз, когда приходится его использовать, я думаю о смерти.

Почему мама так поступила? Этого я уже никогда не узнаю. Раньше я думала, что мама хотела совершить самоубийство. А теперь расцениваю ее поступок как попытку убийства. Ведь, помимо мамы, в салоне машины находилась еще и я. А может, она собиралась

убить только меня, а не нас обеих? Впрочем, нет. Это уже слишком. С чего бы ей желать смерти собственной дочери?

Еще когда я поднималась на холм, на глаза навернулись слезы. Я плакала не по матери, и не по себе, и даже не по тому несчастному бездомному. Я оплакивала всех нас. Вокруг столько боли, а мы просто закрываем на это глаза... Правда в том, что мы все боимся. Мы в ужасе друг от друга. Я боюсь самой себя и того, что во мне от матери. Унаследовала ли я ее безумие? Вдруг да? Неужели и я...

Нет! Хватит! Пора остановиться. Я не собираюсь писать об этом. Ни за что.

20 июля

Вчера вечером мы с Габриэлем ужинали не дома. Мы часто ходим куда-нибудь по пятницам. «Романтический вечер», как говорит Габриэль со своим дурацким американским акцентом. Он не выставляет чувства напоказ и нарочито высмеивает все то, в чем заподозрит «розовые сопли». Габриэль предпочитает думать о себе как о циничном и лишенном сентиментальности человеке. На самом же деле он очень романтичный – в глубине души, не на словах. Поступки гораздо красноречивее слов, верно? А поступки Габриэля заставили меня влюбиться в него по уши.

– Куда хочешь пойти? – спросила я.

– Угадай. У тебя три попытки.

– «У Аугусто»?

– С первого раза в точку!

«У Аугусто» – итальянский ресторанчик, расположенный неподалеку. Ничего особенного в нем нет, но это наше с Габриэлем излюбленное место, там мы провели массу незабываемых вечеров. Из дома вышли около восьми часов. Кондиционеры в ресторане

не работали, поэтому мы выбрали столик у распахнутого окна и, сидя в душном, густом, влажном воздухе, потягивали охлажденное белое сухое вино. Я здорово захмелела, мы много смеялись, зачастую без повода. Мы целовались, выйдя из ресторана, и занялись любовью дома.

Слава богу, Габриэль не стал возражать против вентилятора, хотя бы пока мы в постели. Я поставила его перед нами, и мы лежали под прохладным ветерком в объятиях друг друга. Габриэль нежно провел пальцами по моим волосам и поцеловал меня. «Я люблю тебя», – прошептал он. Я не ответила. К чему слова? Габриэль и так знает, что я к нему чувствую.

И тут я одной неловкой идиотской фразой разрушила все волшебство, спросив, не согласится ли Габриэль побыть моделью для моей картины.

– Я хочу тебя нарисовать, – сказала я.

– Снова? Ты уже рисовала.

– С тех пор прошло четыре года. Я хочу нарисовать тебя еще раз.

– Давай, – вяло произнес он. – Что задумала изобразить?

Я помедлила, а потом призналась, что хочу написать распятого Христа.

Габриэль рывком сел в кровати и сдавленно засмеялся.

– Алисия, ты серьезно?

– Вполне.

– Я не уверен, что подхожу на эту роль, любовь моя. – Габриэль покачал головой.

– Почему нет?

– А ты как думаешь? Нарисовать меня распятым на кресте? Что скажут люди?

– С каких пор тебя стало заботить мнение окружающих?

– Мне плевать на него по многим пунктам, но ты хоть понимаешь, что могут подумать? Они вообразят, будто так видишь меня ты!

– Я не считаю тебя сыном Бога! – Я расхохоталась. – Это лишь образ. Получилось само собой, когда я писала картину. Я даже не задумывалась об этом.

– А стоило бы задуматься.

– Почему? Это не аллегория на тебя или наш брак!

– Тогда что же это?

– Откуда я знаю?!

– Ладно, черт с ним. Уговорила! – со смехом объявил Габриэль. – Если ты этого хочешь, давай попробуем. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

В его словах не прозвучало особой поддержки, но я знаю, что Габриэль верит в меня и мой талант. Если б не муж, я так и не начала бы писать картины. Только благодаря его подталкиваниям, колким шуточкам и словам одобрения я сумела преодолеть несколько бесплодных лет после художественного училища. В то время я пробавлялась лишь тем, что расписывала стены с Жан-Феликсом.

К моменту встречи с Габриэлем я потеряла себя. Я не знала, куда двигаться. Я совершенно не скучаю по вечно пребывающим под кайфом «приятелям», с которыми проводила бесконечные вечера. Я разменяла третий десяток. Так называемые «друзья» исчезали с рассветом, словно вампиры, боящиеся солнечного света. Когда я встретила Габриэля, вся эта шушера, которая крутилась вокруг меня, растворилась в мгновение ока. Я даже не заметила как. Я в их компании больше не нуждалась. Отныне мне не был нужен никто, кроме Габриэля. Он спас меня – совсем как Иисус. Наверное, именно поэтому я подсознательно нарисовала Габриэля в роли Спасителя.

Габриэль для меня – всё. С первого дня нашей встречи и до сих пор. Что бы он ни сделал, что бы ни

произошло, я буду его любить. Как бы он меня ни расстроил, в каком бы грязном или неопрятном виде ни предстал передо мной, как бы эгоистично или бездумно ни поступил, я буду его любить. Я принимаю Габриэля таким, какой он есть. До тех пор пока смерть не разлучит нас.

21 июля

Сегодня Габриэль пришел ко мне в мастерскую и позировал для картины.

– Только давай сразу договоримся: целыми днями я сидеть у тебя не смогу, – предупредил он. – Сколько сеансов понадобится?

– Уж точно не один. Надо сделать все как следует.

– Ищешь предлог проводить больше времени вдвоем? Тогда предлагаю перейти сразу к делу, то есть в спальню, – подшучивал Габриэль.

– Может быть, позже. – Я хихикнула. – Только если ты будешь вести себя хорошо и перестанешь вертеться.

Я расположила мужа напротив вентилятора. Пряди волос надо лбом Габриэля слегка развевались.

– Как мне лучше встать? – спросил он, принимая утрированно героическую позу.

– Просто стой, как тебе удобно. Не нужно никого изображать.

– Вероятно, мне следует изобразить на лице мучения?

– Не думаю, что на лице Христа отражались мучения. Я вижу его другим. Не надо никаких гримас. Просто стой там и не шевелись.

– Как скажешь, начальник.

Габриэль вытерпел минут двадцать. А затем пожаловался, что устал.

– Тогда садись, – предложила я. – Но не разговаривай. Я сейчас прорабатываю лицо.

Он послушно сел на стул и не раскрывал рта, пока я делала эскиз. С каким удовольствием я рисовала лицо Габриэля! У него очень красивые черты: сильная челюсть, высокие скулы, аристократический нос. Сидя на стуле в мастерской с выставленным освещением, он напоминал греческую статую. Изваяние одного из легендарных героев.

И все же работа не ладилась. Я не могла понять, в чем дело, – возможно, не стоило так усердствовать. Никак не получалось верно передать ни разрез глаз, ни их оттенок. Первое, что я заметила, глядя Габриэлю в глаза, – это их блеск; словно в радужке прятался крохотный бриллиантик. Но почему-то я никак не могла поймать этот блеск сейчас. Наверное, у меня не хватает мастерства, а может, во взгляде Габриэля есть нечто особенное, что невозможно «запечатать» в картину. Как я ни билась, глаза Габриэля по-прежнему оставались пустыми, безжизненными. Я начинала злиться.

– Черт возьми! Не получается, – раздраженно пробормотала я.

– Сделаем перерыв?

– Видимо, да.

– Предлагаю секс!

– Я «за»! – ответила я со смешком.

Габриэль подскочил, порывисто обнял меня и прижался губами к моему рту. Мы занялись любовью прямо там, на полу мастерской. И все же я ни на секунду не могла отвлечься от мертвых глаз на неоконченном портрете. Эти глаза преследовали меня, испепеляли. Пришлось отвернуть мольберт в сторону, но я все равно ощущала на себе пристальный взгляд...

После встречи с Алисией я отправился к профессору с отчетом. Диомидис оказался у себя в кабинете: рассортировывал нотные листы с партитурами.

– Как прошла беседа? – не поднимая головы, подал голос профессор.

– Честно говоря, мы не беседовали, – признался я.

Диомидис перестал рыться в нотах и непонимающе уставился на меня.

– Перед тем как приступить к работе с Алисией, необходимо для начала вернуть ей способность мыслить и чувствовать, – помедлив, произнес я.

– Согласен. Так в чем же дело?

– Невозможно добиться устойчивого контакта с человеком, который находится под воздействием тяжелой седации. Алисия словно глубоко под водой.

– Я бы так не сказал, – нахмурился профессор. – Не скажу точно, на какой она дозировке...

– Я уточнил у Юрия. Шестнадцать миллиграмм «Рисперидона». Лошадиная доза!

– Да, немало... – Диомидис приподнял бровь. – Это и в самом деле немало. Думаю, можно уменьшить дозировку. Кристиан возглавляет команду, которая занимается Алисией. Вам стоит переговорить об этом с ним.

– Полагаю, было бы лучше, если б распоряжение исходило от вас.

– Вы ведь знакомы с Кристианом еще по Бродмуру, верно?

– Очень поверхностно.

Диомидис задумался. Затем взял из вазочки на письменном столе миндальный орешек в сахаре и жестом предложил мне угоститься. Я отрицательно мотнул головой. Пристально глядя на меня, профессор закинул миндалинку в рот и с хрустом разгрыз.

– Скажите-ка, Тео, все ли гладко между вами с Кристианом? – наконец произнес он.

- Странный вопрос. Что навело вас на эту мысль?
- Я ощущаю между вами некоторую враждебность.
- Только не с моей стороны.
- А с его?
- Тут лучше спросить Кристиана. У меня с ним проблем нет.
- Хммм... Возможно, мне кажется, но я определенно улавливаю напряжение. Тут надо осторожнее. Ведь любые конфликты или конкуренция мешают рабочему процессу. Вам обоим следует работать вместе, а не друг против друга.
- Знаю.
- Итак, вопрос о медикаментах для Алисии нужно также обсудить с Кристианом. Вы хотите, чтобы к ней вернулась способность ощущать. Понимаю. Только помните: увеличивая чувствительность, мы увеличиваем риски.
- И кто же рискует?
- Алисия, естественно! Имейте в виду, - Диомидис направил на меня указательный палец, - в первое время она неоднократно пыталась покончить с собой. А седативные препараты приводят ее в стабильное состояние. Благодаря им Алисия до сих пор жива. Если мы снизим дозу, высока вероятность того, что на бедняжку снова нахлынут чувства, с которыми она не сможет справиться. Готовы ли вы так рисковать?
- Слова профессора произвели на меня сильное впечатление. Однако я не собирался поворачивать назад.
- Придется пойти на риск, профессор, - решительно сказал я. - Иначе нам до Алисии не достучаться.
- В таком случае я поговорю с Кристианом, - пожал плечами Диомидис.
- Большое спасибо.
- Посмотрим, что он скажет. Психиатры терпеть не могут, когда им указывают, как нужно лечить

пациентов. Безусловно, я могу принудить Кристиана подчиниться, но я не сторонник подобных мер. Я аккуратно прозондирую почву, а потом сообщу вам его мнение.

– Если можно, не упоминайте в разговоре мое имя, – попросил я.

– Понимаю. Что ж, договорились, – и профессор кивнул с загадочной улыбкой.

Он извлек из ящика письменного стола небольшую коробочку и аккуратно сдвинул крышку. Внутри лежали сигары. Диомидис предложил мне взять одну. Я снова отказался.

– Вы не курите? – В голосе профессора слышалось удивление. – Странно... Глядя на вас, я решил, что вы курильщик.

– Нет-нет. Я не курю. Так, балуюсь изредка. Но пытаюсь бросить.

– Молодец! Правильно. – Диомидис распахнул окно. – Знаете анекдот, почему психотерапевт не должен курить? Потому что иначе он хреновый спец! – Профессор ухмыльнулся и сунул сигару в рот. – Мы тут все немного того. Одно время в кабинетах появились таблички с забавной надписью: «Не нужно быть психом, чтобы работать здесь, но это помогает». Помните такие?

Диомидис рассмеялся. Я с завистью смотрел, как он поджег кончик сигары и раскурил ее. Комната наполнилась дымом.

3

После обеда я метался по коридорам в поисках выхода. Отчаянно тянуло закурить. Но не успел я выбраться на улицу, как у пожарного выхода меня заметила Индира. И решила, что я заблудился.

– Не волнуйтесь, Тео, – успокаивающе проговорила она, беря меня за руку, – я месяцами плутала, пока не разобралась в этом лабиринте. Иногда кажется, что здесь вообще нет выхода. До сих пор путаюсь, куда идти, хотя работаю в Гроуве уже десять лет.

Не дожидаясь ответа, прежде чем я смог что-либо возразить, Индира поволокла меня пить чай в «аквариум».

– Сейчас поставлю чайник. Ну и погодка! Черт-те что... Пошел бы уж наконец снег, и дело с концом! – болтала она. – Кстати, снег очень символичен, не находите? Например, «начать с чистого листа». Замечали, как часто пациенты говорят про снег? Обратите внимание. Любопытный момент.

Неожиданно Индира выудила из сумки большой кусок торта, аккуратно обернутый в пищевую пленку, и вручила мне:

– Держите. Ореховый торт. Вчера испекла специально для вас, Тео.

– Ох, большое спасибо! Я...

– Знаю, это против правил, но я всегда в начале сеанса угощаю сложных пациентов кусочком торта. И работа сразу идет на лад!

– Еще бы! – Я расхохотался. – По-вашему, я сложный пациент?

– Нет. – Индира засмеялась. – Между прочим, мой хитрый прием отлично работает и на трудных сотрудниках, к которым вы, слава богу, не относитесь. Немножко сладкого для улучшения настроения не повредит! Раньше я пекла торты для нашей столовой, а потом пришла Стефани и устроила скандал. Видите ли, санитарные правила запрещают приносить еду извне. Чушь какая! Будто я напильник сюда пронесла, честное слово!.. Я все равно потихоньку пеку сладкое. В знак протеста против ее тирании. Попробуйте кусочек! – не терпящим возражений тоном проговорила Индира.

Я откусил немного. Торт оказался и вправду вкусным: сочный, с насыщенным ореховым вкусом, сладкий.

– Думаю, эта штука запросто может настроить пациентов на нужную волну, – невнятно проговорил я, прикрывая набитый рот ладонью.

Индира заулыбалась с довольным видом. И тут я понял, почему она мне понравилась, – ее окружала аура материнского тепла и спокойствия. Она напоминала Рут, моего давнего терапевта. Я не мог представить Индиру злой или раздраженной.

Пока она возилась с чаем, я решил осмотреться. Сестринский пост традиционно считается сердцем, центральной частью любого отделения в больнице: отсюда и сюда постоянно курсирует персонал, ежедневное руководство отделением происходит именно здесь. На сестринском посту решаются важнейшие практические вопросы. Пост прозвали «аквариумом», потому что он огорожен панелями из армированного стекла: так персоналу удобнее приглядывать за пациентами, находящимися в комнате отдыха. Теоретически. На практике получалось ровно наоборот: пациенты застывали у прозрачных стен и пялились на нас, и в итоге под пристальным наблюдением оказывались мы сами. Места в «аквариуме» было мало, стульев раз-два и обчелся, да и те занимали медсестры, печатающие отчеты. Поэтому остальным приходилось жаться, стоя в центре тесного помещения или облокотившись о стол. Создавалось ощущение, что «аквариум» постоянно набит до отказа, даже если там находилось не очень много народу.

– Держите, мой хороший, – проворковала Индира, вручая мне кружку с чаем.

– Спасибо.

В «аквариум» зашел Кристиан. Мы обменялись кивками. Сильно пахнуло его излюбленной мятной

жвачкой. Помню, в Бродмуре он много курил, как и я, – то единственное, что нас объединяло. Вскоре после нашего знакомства Кристиан уволился из Бродмура, потом женился, а недавно у него родилась дочка. Интересно, какой из него вышел отец? Кристиан не производил впечатление особенно ласкового человека.

– Те же и там же. Забавно, – с холодной улыбкой процедил он.

– Мир тесен.

– Если говорить о специалистах по психиатрии, то да.

Видимо, Кристиан намекал, что у него имеются и другие интересы, помимо работы. Любопытно какие? Если честно, я мог представить его лишь в «качалке» или в жесткой схватке^[14] на поле для регби.

Пару секунд Кристиан молча смотрел на меня в упор. Я совсем отвык от его манеры делать паузы, зачастую весьма продолжительные, вынуждающие собеседника ждать, пока он соизволит ответить. Внутри опять поднималась волна раздражения, совсем как это было в Бродмуре.

– Ты присоединяешься к коллективу в неудачное время, – наконец произнес Кристиан. – Над Гроувом занесен дамоклов меч.

– Все настолько плохо?

– Это лишь вопрос времени. Рано или поздно управляющая компания закроет клинику. Отсюда вопрос: что здесь делаешь *ты*?

– В смысле?

– Ну обычно крысы бегут с тонущего корабля. Они не лезут на борт.

Меня поразила неприкрытая агрессия Кристиана, но я решил не лезть на рожон.

– Возможно. Я не крыса, не знаю, – пожал плечами я.

Ответить Кристиан не успел. Оглушительный грохот заставил нас подскочить от неожиданности. Снаружи «аквариума» стояла Элиф и молотила по одной из прозрачных стен исполинскими кулаками. Она сильно прижалась лицом к стеклу – так, что расплющился нос, а искаженные черты напоминали жуткую маску.

– Я больше не намерена глотать это дерьмо! – орала она. – Ненавижу твои чертовы таблетки, понял?

Кристиан приоткрыл небольшое окошко в прозрачной стене и ответил разбушевавшейся пациентке:

– Поговорим потом, Элиф.

– Я тебя предупредила! Я не буду больше пить таблетки! Мне от них плохо!

– Я заканчиваю разговор. Пожалуйста, запишитесь ко мне на прием, и мы все обсудим. Отойдите от стекла, – произнес Кристиан.

Элиф помедлила и через мгновение отлепилась от стекла, оставив на нем мутный след от прижатых носа и щек.

– Ничего себе характер, – пробормотал я, глядя ей вслед.

– Трудный, – буркнул Кристиан.

– Бедняжка Элиф, – сочувственно произнесла Индира.

– За что она тут? – поинтересовался я.

– Двойное убийство, – ответил Кристиан. – Задушила мать и сестру, пока те спали.

Я снова посмотрел на Элиф. Она подошла к группе пациентов, возвышаясь над ними, словно башня. Кто-то сунул ей в руку смятую денежную купюру, и женщина быстро убрала ее в карман.

А потом я заметил Алисию. Она одиноко сидела в другом конце коридора, глядя в окно. Я задержал на ней взгляд. Кристиан заметил это.

– Кстати, я недавно беседовал с профессором об Алисии. Хочу снизить ей «Рисперидон» до пяти миллиграммов, – заявил Кристиан.

– Понятно.

– Думаю, тебе стоит знать. Слышал, ты пытался провести с Алисией сеанс.

– Верно.

– Сейчас с нее глаз нельзя спускать. Посмотрим, как она отреагирует на изменение. И еще: в следующий раз, когда тебе вздумается корректировать лечение моих пациентов, советую обращаться непосредственно ко мне, а не ябедничать втихаря Диомидису, – отчеканил Кристиан, придавив меня взглядом.

– А я не ябедничал, – проговорил я, улыбаясь Кристиану. – И я вполне могу поговорить с тобой напрямую.

Повисла неловкая пауза. Он кивнул, видимо приняв какое-то решение.

– Надеюсь, ты понимаешь, что у Алисии пограничное расстройство личности?^[15] Это не лечится. Не трать время впустую.

– Откуда такая уверенность в диагнозе, если она не может говорить?

– *Не желает* говорить.

– Хочешь сказать, она симулирует?

– Да, если уж на то пошло.

– А если она притворяется, то при чем здесь пограничное расстройство личности?

Кристиан раздраженно смотрел на меня. В разговор вмешалась Индира:

– При всем уважении, хочу заметить, что общие понятия вроде «пограничного расстройства личности» напускают туману и не несут в себе никакой полезной информации. Мы с Кристианом часто дискутируем по этому поводу, – мягко произнесла она.

– А что вы думаете о состоянии Алисии? – поинтересовался я.

– У меня к ней скорее материнские чувства, – немного помедлив, ответила Индира. – Это мой *контрперенос*: вот что она во мне вызывает. Думаю, Алисии просто необходимо, чтобы о ней позаботились. – Тут Индира с ласковой улыбкой взглянула на меня. – И теперь у нее наконец-то появился шанс. У нее появились вы, Тео.

Кристиан резко засмеялся.

– Уж простите за непонятливость, но как вы представляете лечение Алисии, если она не разговаривает? – едко проговорил он, обращаясь к Индире.

– Терапия не ограничивается беседой, – спокойно пояснила она. – В первую очередь нужно создать безопасную среду. А что касается общения, основной поток коммуникации происходит через невербальные источники – это вы и без меня прекрасно знаете.

– Удачи, приятель, – буркнул Кристиан, вскинув на меня недобрый взгляд. – Она тебе понадобится.

4

– Добрый день, Алисия! – поздоровался я.

Прошло лишь несколько дней с тех пор, как ей снизили дозу седативного препарата, но эффект был очевиден. Движения стали быстрее, с глаз словно спала пелена – взгляд сделался четче и яснее. Алисия превратилась в совершенно другого человека.

Она стояла на пороге кабинета с Юрием и смотрела на меня во все глаза, словно видела впервые: изучала каждую мою черточку, явно прикидывая, что я за человек. Интересно, что в тот момент творилось у Алисии в голове? Судя по всему, вердикт мне вынесли

положительный: она решилась зайти внутрь и даже села в кресло без приглашения. Я кивнул Юрию, давая понять, что он свободен. Медбрат еще немного постоял в кабинете, а потом вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Мы с Алисией сидели друг напротив друга. И какое-то время молчали. За окном шел дождь, и в полной тишине было слышно, как по стеклу барабанят капли.

– Как вы себя чувствуете? – спросил я.

В ответ не раздалось ни звука. Широко распахнутые глаза Алисии смотрели на меня в упор, не мигая. Я уже собрался задать очередной вопрос, когда меня осенило: нужно перебороть соблазн заполнить пустоту словами. Просто поддерживать молчание, сидя рядом. Я должен наладить общение с Алисией другим, невербальным, путем. Необходимо донести до нее мысль, что говорить не обязательно, что мы можем вот так спокойно сидеть рядом, что здесь безопасно и я не причиню ей вреда. Только завоевав доверие Алисии, я смогу двигаться дальше. И это займет время, процесс не будет рутинным. Дело пойдет. Медленно, но в итоге мы сдвинемся с мертвой точки, как ледник.

Мы с Алисией сидели в молчании. В висках у меня неприятно пульсировало. Первый вестник начинающейся головной боли. Красноречивый симптом. На ум пришла фраза Рут: «Хороший психотерапевт восприимчив к чувствам пациентов, но не удерживает их в себе. Это не его ощущения, и присваивать их нельзя». Получалось, что пульсация в моей голове – не моя головная боль. Она принадлежала Алисии. И тут на меня накатил волна тоски, осталось единственное желание – умереть, умереть, умереть... Я понимал, что и это не мои переживания. Я ощущал то, что происходит с Алисией. Сидел и молчал, а голова раскалывалась от боли, желудок скручивался в тугую

узел... Казалось, прошла целая вечность. Наконец я взглянул на часы: пятьдесят минут истекли.

– На этом мы пока завершим, – произнес я.

Алисия опустила голову и уставилась на колени. И я не выдержал.

– Я здесь, чтобы помочь! – горячно, искренне прошептал я. – Пожалуйста, доверьтесь мне! Я хочу открыть вам глаза!

«Вы не сможете помочь мне! – кричали в ответ ее глаза. – Взгляните на себя: вы едва справляетесь с самим собой! Притворяетесь таким мудрым, будто знаете все на свете, а на самом деле лечить надо вас! Безумец! Обманщик! Лжец! Лжец...»

Я смотрел в глаза Алисии – и внезапно понял, что весь сеанс не давало мне покоя. Психотерапевты довольно быстро учатся распознавать признаки душевного расстройства: от особенностей поведения до речи и нехорошего блеска в глазах. Мы сразу подмечаем слишком тревожный взгляд, страх, помешательство. В случае с Алисией, несмотря на годы лечения, на все то, что она сделала и пережила, ее глаза оставались чистыми, словно небо в ясный летний день. Алисия не была сумасшедшей! Так что же с ней случилось? Что читалось во взгляде этих синих глаз? Я никак не мог подобрать верного слова. Ее глаза...

Прежде чем я сумел сформулировать свою мысль, Алисия вскочила с кресла и бросилась на меня, хищно вытянув руки. Я не успел отодвинуться в сторону, и мы упали на пол. Я с грохотом стукнулся затылком. Алисия, обрушившись сверху всем весом, в исступлении схватила мою голову руками и начала бить об пол: еще, и еще, и еще. Потом стала царапать мое лицо, давала пощечины. Пришлось напрячь все силы, чтобы сбросить ее с себя.

Я отполз к столу и наконец добрался до портативного датчика сигнализации. Однако нажать на

кнопку не успел – она выбила устройство из моих рук.

Ее пальцы, будто клещами, сдавливали мое горло, душили.

– Алисия... – просипел я, тщетно пытаюсь дотянуться до заветной кнопки.

Ее руки сильнее сомкнулись на моей шее. Я тянулся к устройству, но не мог достать его. Ее пальцы сжались еще сильнее – не получалось дышать. И вдруг мне каким-то чудом удалось извернуться. Я схватил устройство и нажал на кнопку. Оглушительно взвыла сирена. Будто сквозь вату я услышал, как открылась дверь и Юрий прокричал, что нужна помощь. Алисию оттащили, разомкнув ее руки, и я жадно глотнул воздуха.

Чтобы скрутить Алисию, понадобилось четыре медсестры – она извивалась, дралась и брыкалась, как одержимая. В тот момент Алисия ничем не напоминала человека – скорее дикого зверя, чудовище. В кабинет ворвался Кристиан и сделал ей укол. Алисия потеряла сознание. Наконец все стихло...

5

– Сейчас немного пощиплет, – предупредил Юрий, открыв флакон и пропитывая жидкостью марлевую салфетку.

Мы сидели в «аквариуме», и он собирался обработать мои кровоточащие царапины. Едкий запах напомнил мне о школьном медицинском кабинете, куда я часто попадал с содранными локтями и коленками после «сражений» на игровой площадке. До сих пор помню ощущение чудесного тепла и уюта, когда школьная медсестра обрабатывала и забинтовывала мои боевые раны, а потом в подарок за храбрость вручала леденец из жженого сахара.

Обжигающая боль от антисептика резко вернула меня к действительности. Увы, мои нынешние раны оказались несколько серьезнее.

– Такое ощущение, будто я получил по голове молотком, – кривясь от боли, пожаловался я.

– Да, у вас на затылке большая гематома, – с участием произнес Юрий. – Завтра вырастет шишка. Надо понаблюдать. Нельзя было оставлять вас с ней наедине! – горестно вздохнул он.

– Я настаивал.

– Да уж, – проворчал он.

– Отдельное спасибо за то, что не добиваете меня фразой «а я предупреждал».

– Не беспокойтесь, вы еще услышите ее от профессора. Кстати, он просил вас зайти к нему в кабинет.

– Ясно.

– Не хотел бы я оказаться на вашем месте.

Покряхтывая, я поднялся со стула.

– Не спешите, – посоветовал Юрий, внимательно глядя на меня. – Подождите минутку. Вы уверены, что можете идти? Если почувствуете тошноту или головную боль, немедленно дайте знать!

– Я в порядке, честное слово.

Я, конечно, немного лукавил, но, говоря по совести, мой вид был гораздо плачевнее самочувствия. Глубокие царапины на коже, гематомы там, где ее пальцы сдавливали мое горло, и запекшаяся кровь от глубоко впившихся ногтей – все это выглядело ужасно.

Я постучал в дверь кабинета профессора. При виде меня глаза Диомидиса чуть не выскочили из орбит.

– Ох-ох-ох, – забормотал он в растерянности. – Вам нужно наложить швы?

– Нет-нет, что вы. Я в порядке.

Профессор недоверчиво оглядел меня и провел внутрь.

– Проходите, Тео. Садитесь.

В кабинете Диомидиса собрался весь руководящий состав Гроува. Кристиан и Стефани стояли, возле окна сидела Индира. Судя по строгости обстановки, можно было подумать, что меня собирались уволить. Диомидис уселся за свой стол и жестом указал на единственный свободный стул. Я послушно сел. Некоторое время профессор не говорил ни слова; он молча барабанил пальцами по столу, раздумывая, что и как сказать. Однако его опередила Стефани.

– Печальный инцидент, – сказала она, буравя меня глазами. – Очень печальный. Безусловно, мы все вздохнули с облегчением, увидев, что вы остались живы. И тем не менее произошедшее поднимает ряд вопросов. Во-первых, каким образом вы оказались с Алисией наедине?

– Это моя ошибка, – признался я. – Я попросил Юрия уйти. Ответственность за случившееся несу только я.

– На каком основании вы решили изменить установленный порядок работы с пациентами? Если б один из вас серьезно пострадал...

– Пожалуйста, не стоит излишне драматизировать, – перебил Диомидис. – На наше счастье, никто не пострадал. Пара царапин – еще не повод для судебного разбирательства. – Профессор махнул в мою сторону рукой.

– Вряд ли в данный момент приемлемы шутки, – с каменным лицом процедила Стефани.

– Какие шутки? Я совершенно серьезен. Тео, поведайте нам, что произошло?

Все в комнате уставились на меня. Решив, что следует обращаться к профессору, я произнес, тщательно подбирая слова:

– Алисия на меня набросилась. Вот, пожалуй, и все.

– Это очевидно. Но почему? Вы же ее не провоцировали?

– Нет. По крайней мере, осознанно не провоцировал.
– А подсознательно?
– Без сомнений, в какой-то степени Алисия на меня реагировала. Уверен, сегодняшний инцидент показывает, как сильно она нуждается в общении.
– Это, по-твоему, попытка общения? – засмеялся Кристиан.

– Да. – Я решительно кивнул. – Ярость – один из самых красноречивых способов общения. Остальные пациенты – живые мертвецы, которые тупо бродят туда-сюда, накачанные препаратами; они давно сдались. Но Алисия – нет! Сегодняшнее нападение – явное свидетельство того, о чем она не говорит вслух: боль, отчаяние, душевные муки. Алисия пыталась сообщить, чтобы я не отказывался от нее. Просила дать ей еще один шанс.

– Если без лирики, то пациентке снизили дозу и у нее снова снесло крышу, – заявил Кристиан. – А ведь я предупреждал вас, профессор, – сказал он, глядя на Диомидиса. – Я говорил, что мы сильно рискуем, снижая дозу.

– Серьезно, Кристиан? – не выдержал я. – Разве это не твоя идея?

Он лишь кинул на меня возмущенный взгляд. Как настоящий психиатр Кристиан не жаловал психоаналитический подход, рассматривая пациентов и их поведение исключительно с точки зрения биологии и химии. К лечению он подходил с чисто практической позиции, трижды в день скармливая Алисии горсть таблеток. Ледяной взгляд Кристиана недвусмысленно говорил, что обсуждать со мной лечение Алисии он не собирается.

Зато во взгляде Диомидиса я прочел некоторое сочувствие.

– Выходит, атака Алисии вас не сломила, Тео? – заинтересованно спросил он.

– Наоборот, я полон решимости!

– Очень хорошо. – Профессор кивнул с довольным видом. – Согласен, столь яркая реакция на вас стоит того, чтобы продолжать работу. Не сдавайтесь, Тео!

– Ни в коем случае! – не выдержала Стефани.

Диомидис продолжил говорить, словно ничего не произошло.

– Думаете, вы сможете разговорить Алисию? – спросил он, внимательно глядя на меня.

Я раскрыл рот, чтобы ответить, но вместо этого за моей спиной неожиданно раздался голос:

– Уверена, у него все получится. – Это была Индира.

Моя неожиданная союзница до сих пор не вмешивалась в разговор, и я почти забыл, что она тут.

– На самом деле, – продолжила Индира, – Алисия уже начала говорить. Она передала сообщение через Тео, сделав его своим доверенным лицом. Процесс пошел.

Диомидис кивнул. Некоторое время он раздумывал. Я догадывался, что происходит у него в голове: Алисия Беренсон – известная пациентка, и успешное лечение могло бы стать серьезным козырем в разговоре с управляющей компанией. Если б удалось показать явное улучшение в состоянии Алисии, мы получили бы отличный шанс спасти Гроув от закрытия.

– Сколько времени вам понадобится? – наконец спросил меня профессор.

– Сложно сказать заранее. Вы понимаете это не хуже меня. Процесс лечения всегда индивидуален. Полгода. Год. Может, больше. Возможно, лечение займет несколько лет.

– У вас шесть недель, – отрезал Диомидис.

Стефани вышла на середину комнаты и воинственно скрестила руки на груди.

– Я – управляющий Гроува и запрещаю...

- А я - руководитель клинических исследований Гроува, - жестко перебил ее профессор, - и это мое решение! Не ваше! Я беру на себя полную ответственность за все возможные травмы, от которых в ходе работы может пострадать наш терпеливый психотерапевт, - произнося последние слова, Диомидис весело мне подмигнул.

Стефани сверкнула на нас с профессором глазами, а потом, не говоря ни слова, вышла из кабинета.

- Так-так! Похоже, вы только что нажили врага в лице Стефани. Вот незадача! - Диомидис весело посмотрел на Индиру, а потом, посерьезнев, повернулся ко мне: - Шесть недель. Под моим личным контролем. Понятно?

А какой у меня был выбор? Конечно, соглашаться.

- Шесть недель. - Я кивнул.

- Вот и договорились.

Кристиан выглядел очень недовольным.

- Алисия не заговорит ни через шесть недель, ни через шестьдесят лет. Вы зря теряете время, - раздраженно выпалил он и вышел из кабинета.

Интересно, почему Кристиан был так уверен в неудаче? Впрочем, это лишь сильнее раззадорило меня.

6

Домой я приехал, едва держась на ногах от усталости. В прихожей чисто механически нажал на клавишу включения света, но ничего не произошло: лампочка перегорела. Мы давно собирались заменить ее на новую, да все руки не доходили. Я сразу понял, что дома никого нет. Было тихо - явление, совершенно не совместимое с Кэти. Я не хочу сказать, что у меня слишком шумная супруга, просто ее постоянно сопровождает какой-то звуковой фон: Кэти

разговаривает по телефону, читает вслух роли, смотрит телевизор, слушает и подпевает каким-то неизвестным мне группам. Однако сейчас в квартире царила гробовая тишина. Я позвал Кэти. Тоже по привычке. Или уступая чувству вины, которое подталкивало убедиться в том, что я один, перед тем как согрешу.

– Кэти?

Никто не ответил. Я на ощупь пробрался в гостиную и зажег свет. Обстановка комнаты в очередной раз ошеломила меня, как это всегда бывает, пока не привыкнешь к новой мебели: новые стулья, новые шторы, непривычные цвета – красное и желтое вместо черного и белого. На столе стояла ваза с розовыми лилиями – любимыми цветами Кэти. Их навязчивый мускусный аромат уплотнял воздух, и становилось тяжело дышать.

Я взглянул на часы: половина девятого. Где же Кэти? Задержалась на репетиции? В театре готовили новую постановку «Отелло», которую продюсировала сама «Королевская шекспировская компания», однако дела пока шли не очень хорошо. Бесконечные репетиции изматывали актеров. Кэти сильно осунулась, выглядела более уставшей и бледной, чем обычно, постоянно мерзла. «Черт возьми, я все время чувствую себя больной. Сил нет», – жаловалась она. И это было заметно. Репетиции заканчивались все позже и позже. Бедняжка возвращалась домой в полумертвом состоянии и тут же валилась в кровать. Скорее всего, вернется через пару часов, не раньше. И я решил рискнуть: извлек из тайника горшочек с «травкой» и стал сворачивать косяк^[16].

Я пристрастился к марихуане еще в университете. Помню, на первом курсе одиноко топтался на вечеринке для новичков, из-за болезненной стеснительности не решаясь заговорить ни с кем из окружающих меня

приятных и уверенных в себе студентов. И уже собирался потихоньку уйти, когда стоявшая неподалеку девчонка сунула мне в руку какой-то предмет. Сначала я подумал, что это обычная сигарета, но потом в ноздри ударил пряный аромат дыма. Скромность не позволила мне отказаться, и я поднес косяк к губам. Его плохо свернули, и кончик уже почти раскрылся. Другой край самокрутки был влажный и с отпечатком ее красной помады. Я затянулся. Вкус отличался от обычной сигареты: богаче, резче, экзотичнее. Я глотнул густой дым и постарался не закашляться. Сначала почувствовалась лишь небольшая легкость в ногах, и я подумал, что с марихуаной, как и с сексом, одна история – все сильно преувеличивают эффект. А потом, через минуту или около того, что-то произошло, нечто невероятное. Меня с головой захлестнула мягкая, теплая волна счастья! Из мышц ушло напряжение, я ощутил невероятное чувство безопасности, исчезла стеснительность, зато появились раскованность и даже некоторый кураж.

Вскоре я курил «травку» ежедневно. Марихуана стала моим лучшим другом, источником вдохновения и утешением. Свернуть, облизнуть, поджечь – я повторял эти действия бесконечное количество раз. Меня накрывало от одного лишь шелеста сигаретной бумаги и предвкушения кайфа.

Существует масса теорий о возникновении зависимости. Пристрастие порождается разными причинами: генетическими, химическими, психологическими. Марихуана не только умиротворяла, но и кардинально меняла то, как я переживал эмоции. Выкурив косяк, я ощущал себя словно любимое дитя под надежной материнской защитой. Иными словами, марихуана унимала мою душевную боль.

Психоаналитик У. Р. Блон выдвинул термин «контейнирование»^[17] (эмоциональная поддержка) для описания способности матери унять боль плачущего малыша. Помните, младенчество – вовсе не период блаженства, а период страха! Новорожденные – это узники в страшном, непонятном мире; они толком не могут видеть. Собственное тело для них загадка. Ветер, холод, голод, движения внутренних органов невероятно пугают, заставляя испытывать шквал эмоций. На малыша немилосердно обрушивается действительность. Младенец нуждается в матери, чтобы его успокоили и помогли понять, что с ним происходит. Получая от нее помощь и защиту, он постепенно учится справляться с эмоциональными и физическими состояниями самостоятельно.

Однако способность человека к самостоятельному переживанию эмоций напрямую зависит от того, получалось ли у его матери выполнять функцию этого самого «контейнера». Что, в свою очередь, зависит от ее собственной матери, и так далее. Если мама никогда не помогала новорожденной дочери переживать эмоции, то как последняя может научить тому, чего сама не умеет? Бедолаги, которых не научили переживать эмоции, обречены испытывать жесточайший стресс до конца жизни. Эти пугающие чувства Блон обозначил термином «безымянный ужас». Люди, страдающие от него, ищут источник эмоциональной поддержки вовне. Они любят пропустить рюмочку или затянуться косячком – чтобы *снять напряжение*, приглушить тревожность. Вот источник моей зависимости от марихуаны.

Я часто говорил Рут о марихуане. Я не желал бросать курить и удивлялся, почему сама мысль о расставании с «травкой» вызывала у меня панику. Рут объяснила, что принуждением и силой ничего хорошего

добиться нельзя. И вместо того чтобы заставлять себя отказаться от курения марихуаны, лучше начать с другого. А именно – признать свою зависимость от нее. Осознать, что я не желаю или не могу бросить курить «травку». По мнению Рут, пока марихуана помогает мне, я не смогу от нее отказаться. А потом, когда необходимость в ней отпадет, я с легкостью избавлюсь от этого пристрастия.

Рут оказалась права. Когда я встретил Кэти, надобность в марихуане тут же отпала. Я испытывал настоящий кайф от влюбленности и не нуждался в искусственных стимуляторах. Мне очень повезло, что Кэти не курила «травку». Любителей марихуаны она считала слабовольными лентяями, которые жили на замедленных оборотах – ткнешь в такого, а вскрикнет он только через неделю. С тех пор как Кэти переехала жить в мою квартиру, я ни разу не курил «травку». Все случилось так, как и предсказывала Рут: стоило мне ощутить счастье и успокоиться, тяга к марихуане отпала само собой, как сухая грязь с ботинка.

Наверное, я никогда больше не притронулся бы к травке, если б мы с Кэти не пошли на прощальную вечеринку ее подруги Николь, которая уезжала в Нью-Йорк. Кэти сразу взяли в оборот ее коллеги из театра, а я остался в одиночестве. И тут ко мне подошел невысокий мужчина с отросшей щетиной и в очках ядовито-розового цвета.

– Затянуться хочешь? – спросил он, протягивая косяк.

Я уже хотел отказаться, но что-то меня остановило. Даже не знаю, что. Минутная слабость? Или подсознательное желание насолить Кэти за то, что сначала притащила меня на эту идиотскую вечеринку, а потом бросила одного? Я посмотрел вокруг. Кэти как сквозь землю провалилась. «Да пошло оно все!» – подумал я и поднес косяк к губам.

Первая же затяжка отбросила меня далеко назад. Как будто и не было никакого перерыва в курении. Все это время мое пристрастие к марихуане тихо пряталось в укромном уголке, терпеливо поджидая срыва, как преданный пес. Я не рассказал об этом Кэти и выбросил случившееся из головы. На самом деле я просто ждал подходящей возможности. И через шесть недель она представилась: Кэти на неделю улетела в Нью-Йорк к Николь. Без поддержки Кэти мне стало скучно и одиноко. И я поддался искушению. Контакты с прежним моим дилером были потеряны, а потому я решил отправиться на Кэмденский рынок.

Как только я вышел на нужной станции, в ноздри ударил запах марихуаны, смешанный с ароматами благовоний и жареного лука, идущими от торговых рядов. Я подошел к мосту рядом с кэмденскими шлюзами и стоял там, не зная, что делать дальше. Меня пихали и толкали нескончаемые туристы и подростки, снующие туда-сюда по мосту. Я начал рассматривать толпу. Здесь не было никого из «стареньких», а ведь раньше они стояли вдоль моста и подзывали желающих. Среди людей резко выделялись двое патрульных полицейских в ярко-желтых форменных куртках. Они двигались от моста по направлению к станции.

– Исес «травку», приятель? – раздался тихий шепелявый голос откуда-то снизу.

Я опустил голову. Рядом стоял человек очень невысокого роста. Сначала я принял его за ребенка – очень уж хрупкая и тоненькая была у незнакомца фигура. А потом мой взгляд упал на его лицо, изборозженное морщинами вдоль и поперек. Казалось, передо мной преждевременно состарившийся мальчик. Два передних зуба у него отсутствовали, что придавало дикции характерный свист.

– Исес «травку»? – повторил карлик.

Я молча кивнул. Карлик также кивком пригласил следовать за ним. Он протиснулся сквозь толпу, повернул за угол и вывел меня на заднюю улицу. Потом нырнул в старый паб. Зал был почти пустой, с тусклым освещением и грязными неопрятными столиками; пахло блевотиной и застарелым сигаретным дымом.

– Пиво заказь. – Карлик махнул рукой в сторону барной стойки, которая высилась над ним, как неприступная скала.

Я нехотя взял ему полпинты. Мы уселись за столик в углу. Карлик украдкой огляделся и вытащил из-под стола небольшой сверток, замотанный в целлофановый пакет. Я осторожно передал ему деньги.

Добравшись до дома, я уже не сомневался, что меня обманули. Однако стоило развернуть упаковку, и в ноздри ударил знакомый едкий аромат. Внутри лежали крошечные зеленые, с золотистыми прожилками, бутоны. Сердце колотилось, словно я встретил давно потерянного друга... И, правду говоря, так оно и было... С тех пор пошло-поехало: как только я хотя бы на несколько часов оставался в квартире один и точно знал, что Кэти вернется не скоро, в моих руках тут же оказывался косяк.

Усталый и опустошенный, я приоткрыл в ванной окошко и выпускал туда дым. Но затягивался я слишком часто и слишком сильно, поэтому меня здорово накрыло – полный нокаут. Я так накурился, что еле передвигал ноги, будто брел сквозь густую жижу. Затем постарался замести следы, проделав весь ритуал: побрызгал в ванной освежителем воздуха, почистил зубы, принял душ и, с трудом дойдя до гостиной, в изнеможении рухнул на диван.

Огляделся в поисках пульта от телевизора, но нигде его не заметил. А потом увидел, что на кофейном столике из-за открытой крышки ноутбука Кэти торчит краешек пульта. Я потянулся к пульту, однако «трава»

настолько затуманила мой мозг, что ноутбук полетел на пол. Я вернул его обратно и открыл крышку. От моих действий экран ноутбука ожил: Кэти просматривала почту и не вышла со страницы. По какой-то причине я продолжал пялиться на страницу с электронной почтой жены. Меня как будто загипнотизировали. Ее почта притягивала к себе мой взгляд, манила. И я никак не мог отвернуться. Вдруг глаза выхватили часто повторяющиеся в заголовках писем слова «сексуальный» и «шлюшка». Писем оказалась целая вереница, и все от некоего «ХУЛИГАН22».

И зачем я полез дальше! Почему не встал с дивана и не ушел?

Я навел мышку на самое свежее письмо и открыл.

Re: маленькая мисс шлюшка

От: Катерама_1

Кому: ХУЛИГАН22

Еду в автобусе. Дико хочу тебя. Кожа пахнет тобой. Чувствую себя грязной девчонкой. Целую.

Отправлено с iPhone

Re: re: re: маленькая мисс шлюшка

От: ХУЛИГАН22

Кому: Катерама_1

Ну ты и шлюха. ШУТКА. Еще увидимся? После репетиции?

Re: re: re: re: re: маленькая мисс шлюшка

От: ХУЛИГАН22

Кому: Катерама_1

Ладно. Посмотрим, во сколько я освобожусь. Напишу.

Отправлено с iPhone

Re: re: re: re: маленькая мисс шлюшка

От: Катерама_1

Кому: ХУЛИГАН22

Ок. 8:30? 9? хх

Отправлено с iPhone

Я переложил ноутбук жены себе на колени и еще долго не мог оторвать взгляд от экрана. Не знаю, сколько я так просидел. Десять минут? Двадцать? Полчаса? Понятия не имею. Я потерял ощущение времени. Я изо всех сил пытался осознать, что это было, но из-за марихуаны голова вообще не работала. Действительно ли я прочел письма на компьютере или мне привиделось? Или это просто розыгрыш, который я не понимаю, потому что разум одурманен травой?

Я заставил себя прочесть еще одно письмо. И еще. В итоге я ознакомился со всей перепиской Кэти с ХУЛИГАНОМ22. Некоторые ее послания звучали фривольно, местами даже похабно. Другие оказались длиннее, эмоциональнее – в них Кэти изливала душу. Возможно, она была пьяна и печатала их поздно ночью, когда я уже спал. Перед мысленным взором возникла яркая картина: я в нашей спальне в кровати, а Кэти сидит здесь и шлет неприличные письма этому незнакомцу. Незнакомцу, с которым регулярно трахается.

Наконец наркотический дурман выветрился, и время снова понеслось вскачь. Голова неожиданно прояснилась, я почувствовал ослепляющую, болезненную трезвость. Желудок скрутился в узел, и я, отбросив ноутбук, помчался в ванную; упал на колени

рядом с унитазом, и мои внутренности сотряс рвотный спазм.

7

– Сегодня все по-другому, – заметил я.

Ответа не последовало. Алисия сидела в кресле напротив меня, слегка повернув голову в сторону окна. На ее теле не дернулась ни одна мышца, спина была вытянута в струнку, как у виолончелиста или у солдата на параде.

– Я все думаю о том, как закончился наш предыдущий сеанс: вы на меня набросились, и я был вынужден вызвать на помощь медсестер.

Снова молчание. Я помедлил.

– Вот интересно, что именно вы хотели для себя выяснить? К примеру, не робкого ли я десятка? Надеюсь, теперь понятно, что меня не так-то просто напугать. Кидайтесь сколько угодно – я выдержу.

Алисия смотрела сквозь зарешеченное окно на свинцово-серое небо. Я сделал небольшую паузу, затем продолжил:

– Я должен кое-что вам рассказать, Алисия. Пожалуйста, поймите, что я не враг вам. Очень надеюсь, что однажды вы это поймете. Безусловно, чтобы добиться доверия, нужно время. Мой собственный психотерапевт любила говорить, что тесная связь требует наличия аналогичного опыта, тогда можно получить ответы. И такие вещи в один миг не случаются.

Алисия уставилась на меня своим непроницаемым взглядом. Шли минуты. Это больше напоминало тест на выносливость, чем психотерапевтический сеанс. С какой бы стороны я ни пытался зайти, везде неизменно упирался в тупик. Возможно, я действительно тратил

время впустую. Похоже, Кристиан верно отметил, что крысы первыми бегут с тонущего корабля. Что же я тут делаю? Зачем карабкаюсь на борт этой развалины, да еще и привязываюсь к мачте? Чтобы погибнуть на дне морском? Ответ на все мои вопросы, как вы понимаете, находился в кресле напротив. Говоря словами профессора Диомидиса, Алисия, словно молчаливая сирена, манила меня к верной гибели.

Я дошел до точки. От отчаяния хотелось прокричать ей: «Ну, скажите хоть что-нибудь!!! Что угодно!!! Просто говорите!!!» Но я поступил иначе, рискнув нарушить правила ведения сеанса. Мне надоело ходить вокруг да около, и я перешел непосредственно к делу.

– Предлагаю поговорить о вашем молчании, – заявил я. – Что оно значит? Каково это – все время держать рот на замке? И самое главное: почему вы перестали разговаривать?

Алисия смотрела куда-то в сторону. Интересно, слушала ли она меня?

– Сижу я тут с вами, а в голове все время маячит картинка: человек, до боли кусающий кулак, чтобы только не заорать, лишь бы сдержать рвущийся наружу крик. Помню, когда я сам начинал ходить к психотерапевту, то очень старался не заплакать. Я дико боялся, что не выдержу и утону в собственных слезах, когда «плотину» наконец прорвет. Возможно, и вас булеревают схожие чувства. Вот поэтому я готов ждать, пока вы не почувствуете себя в безопасности рядом со мной, пока не поймете, что не утонете в водовороте вырвавшихся из-под контроля эмоций. Я буду топтаться в этом бурном потоке здесь, вместе с вами.

Тишина.

– В работе я придерживаюсь релятивистского подхода^[18], – проговорил я. – Вы знаете, что это означает?

И снова молчание.

– Это означает, что Фрейд кое в чем ошибался. Вопреки его убеждению, психотерапевт никак не может быть «чистым листом». Мы всё время невольно выдаем о себе массу информации: например, по цвету моих носков или по тому, как я сижу и разговариваю, обо мне можно узнать очень многое. Несмотря на все мои попытки не раскрываться, я тем не менее показываю вам, кто я такой на самом деле.

Алисия посмотрела на меня. Она смотрела в упор, ее подбородок слегка подрагивал. Неужели в этих синих глазах светился вызов? По крайней мере, она отреагировала!

Я уселся в кресле поудобнее и продолжил:

– Вопрос в том, что с этим делать. Можно не обращать на этот факт внимания. Или напрочь отрицать. Или вообще притвориться, что в этом курсе главное – вы. Или мы можем допустить, что психотерапия – двусторонний процесс, и начать работать в данном формате. Тогда мы действительно получим шанс сдвинуться с мертвой точки.

Я поднял руку, демонстрируя Алисии обручальное кольцо на пальце.

– Вот это кольцо здесь не просто так, верно? И оно говорит вам о чем-то, не так ли?

Взгляд Алисии медленно переместился в сторону руки с кольцом.

– Оно говорит о том, что я женатый мужчина. А значит, у меня есть жена. Мы женаты почти девять лет.

Ответа не последовало. Но Алисия по-прежнему смотрела на кольцо.

– Вы прожили в браке почти семь лет, так? – уточнил я.

Она по-прежнему хранила молчание.

– Я очень люблю свою жену. А вы любили своего мужа?

Глаза Алисии метнулись к моему лицу. Мы уставились друг на друга.

– В любви мы испытываем разные чувства, согласны? И хорошие, и плохие. Я люблю свою жену – к слову, ее зовут Кэти, – но иногда злюсь на нее. А временами... *ненавижу*.

Алисия не отрывала глаз от моего лица. Я чувствовал себя кроликом в свете фар, не мог шелохнуться или отвести взгляд. Устройство сигнализации лежало на столе, возле руки. Я едва сдерживался, чтобы не взглянуть на кнопку. Я понимал, что надо остановиться, захлопнуть рот. Но это было выше моих сил. И я навязчиво продолжал:

– Говоря, что ненавижу ее, я не имею в виду, что вся моя личность ненавидит ее. Лишь часть меня. Хитрость в том, чтобы держаться сразу за оба конца. Одна ваша часть любила Габриэля, а другая ненавидела, – заключил я.

Алисия отрицательно мотнула головой. Быстрое, едва уловимое движение... Ответная реакция! Наконец-то! Я задрожал от волнения. Вот тут бы и прервать сеанс, но нет, я решил идти до конца.

– Какая-то часть вас ненавидела Габриэля, – произнес я более решительно.

Она еще раз мотнула головой. Глаза Алисии прожигали меня насквозь. Она начинала сердиться.

– Это правда. Иначе вы его не убили бы.

И тут Алисия вскочила с кресла. Я инстинктивно напрягся в ожидании нападения. Вместо этого она шагнула к двери и набросилась на нее, стала молотить по ней кулаками. Послышался скрежет ключа в замочной скважине, и через мгновение Юрий резко распахнул дверь. Увидев, что Алисия меня не душит, он немного расслабился. Воспользовавшись открытым проходом, она шмыгнула мимо медбрата и побежала по коридору.

– Тише, тише, не спеши, милая! – крикнул ей вслед Юрий, а потом быстро повернулся ко мне: – Всё в порядке? Что случилось?

Я не ответил. Он сделал озадаченную гримасу и побежал догонять Алисию, а я остался в кабинете один. Идиот! Редкостный недоумок! Что я натворил? Какого черта стал давить? Слишком сильно, слишком рано... Я хотел все и сразу. Крайне непрофессионально и даже глупо. Вместо того чтобы заниматься пациенткой, я вывалил на нее свои проблемы! Вот что делала с нами Алисия... Ее молчание, подобно зеркалу, показывало наше собственное отражение. И зачастую оно выглядело не лучшим образом.

8

Не нужно быть психологом, чтобы догадаться: Кэти оставила ноутбук открытым, желая (по крайней мере, подсознательно) дать мне в руки доказательства своей неверности. Что ж, теперь я их получил. Теперь я знал все наверняка. Вечером, когда Кэти вернулась, я не стал устраивать сцену – притворился спящим, а утром ушел на работу, пока она еще не проснулась. Я избегал Кэти – точнее, избегал самого себя. Находился в состоянии шока. Я понимал, что нужно срочно взглянуть правде в лицо – даже если потеряю себя. «Возьми себя в руки!» – бормотал я, сворачивая очередной косяк. Выкурил его в приоткрытое окошко, а потом, слегка под кайфом, отправился на кухню за вином.

Бокал выскользнул из рук, я попытался подхватить его во время падения, однако не успел. От удара о столешницу бокал разбился, и я по инерции приложился рукой к острому осколку стекла, порезав палец. Все вокруг тут же оказалось в крови. Кровавое пятно алело на разбитом бокале, кровь текла по моей руке и

смешивалась с лужицей белого вина, пролитого на стол. Я кое-как оторвал кусок бумажного полотенца и попытался потуже обмотать палец, чтобы остановить кровотечение. Затем поднял руку над головой и смотрел, как вдоль запястья к локтю бежали тонкие алые ручейки: они сливались и расходились, имитируя сложный узор вен.

Я задумался о Кэти. Случалась ли в моей жизни катастрофа или просто что-то болело, я всегда обращался за поддержкой к жене. Мне было нужно, чтобы она присматривала за мной. Вот и сейчас я чуть не позвал ее на помощь. Не успела эта мысль промелькнуть в голове, как перед мысленным взором возник образ двери, которую я быстро захлопываю и запираю на ключ, надежно отделяя от себя Кэти. Отныне моя супруга исчезла. Ее больше нет. Жутко хотелось заплакать, но слезы не шли: боль спряталась глубоко внутри, под толстым слоем грязи и дерьма.

– Черт, – бормотал я, – черт...

В какой-то момент я уловил тиканье часов. Звук показался непривычно громким. Я нарочно стал вслушиваться, чтобы остановить бешеный водоворот своих мыслей. Тик-так, тик-так... Хор голосов в моей голове постепенно набирал мощь. С чего я взял, что Кэти никогда мне не изменит? Это было неизбежно. Кто я такой, чтобы она хранила мне верность? Это в любом случае произошло бы. Я никогда не был достаточно хорош для нее. Я всего лишь бесполезный, ни к чему не пригодный урод – пустое место. Ясное дело, рано или поздно она устала бы. Я не заслуживал Кэти. Я не заслуживал хорошей жизни в принципе... Адский хор орал снова и снова, обрушивая на меня одну ужасную мысль за другой.

Оказывается, я плохо знал свою жену. Прочитав ее письма, я понял, что живу с незнакомым человеком. Наконец-то я разглядел истинное положение дел: Кэти

не спасала меня. Она вообще не могла никого спасти. Она – не героиня, достойная восхищения, а испуганная девчонка, живущая враньем и уловками. Красивая легенда про *нас*, которую я сочинил, радости и горести, планы на будущее, то общее, что в нас было, и наши различия, и наша жизнь, которая казалась такой устойчивой и защищенной, – все рассыпалось в один миг, словно карточный домик от дуновения ветра.

В памяти всплыла неудавшаяся попытка самоубийства в университете: я разрываю неловкими от холода пальцами упаковки с парацетамолом. Сейчас меня накрыла такая же беспросветная тьма. Хотелось одного – свернуться клубочком и умереть. Я подумал о матери. Может, позвонить? Обратиться за помощью в момент отчаяния и нужды? Я представил, как она отвечает на звонок, говорит дрожащим голосом. То, как сильно дрожал голос матери, зависело от настроения отца и от того, пила ли она. Она, конечно, выслушает с сочувствием, но мыслями будет не со мной: одним глазом мама вынуждена присматривать за отцом, следить за ним. Чем она может мне помочь? Как одна тонущая крыса может спасти другую?

Мне нужно было выбраться из квартиры. Я задышался – здесь, в этом месте, наполненном вонью этих розовых лилий. Вон отсюда! На свежий воздух!

Засунув руки в карманы и опустив голову, я быстро шагал по улицам. Метался по городу без цели, прокручивая в голове наши с Кэти отношения. Внимательно анализировал, припоминал малейшие подробности и все искал зацепку. Думал о некоторых странностях в поведении Кэти: резкие перепады настроения, внезапные поездки, как часто она в последнее время возвращалась домой очень поздно. А еще на память пришли адресованные мне ласковые записки, которые Кэти прятала в самых неожиданных местах, моменты нежности и настоящей, неподдельной

любви. Возможно ли это? Неужели она все время притворялась? Любила ли она меня хоть когда-нибудь?

Вспомнилось мимолетное сомнение, закравшееся в душу во время встречи с подругами жены. Все они были актрисы. Громкие, самовлюбленные, наряженные. Одна за другой сыпали рассказами о себе или других не известных мне людях. Я будто перенесся на много лет назад и вновь одиноко топтался возле школьной игровой площадки, глядя на то, как играют другие дети. Тогда я убедил себя, что Кэти вовсе не такая, как ее друзья. Но на деле оказалось, что я себя обманывал. Если б я впервые увидел Кэти в окружении подруг, в тот первый вечер в баре, оттолкнуло бы это меня от нее? Вряд ли. Ничто не могло помешать нам стать парой: я знал, что Кэти предначертана мне, с того момента, как увидел ее.

Что же теперь делать? Разумеется, открыто высказать ей недовольство! Поведать обо всем, что я увидел. Поначалу она, конечно, станет отпираться. А потом, осознав, что правду не утаишь, признается в своих грехах и упадет на колени, обуреваемая угрызениями совести. Будет молить о прощении. Ведь так? А если нет? А если она обольет меня презрением? Если рассмеется мне в лицо, развернется и уедет навсегда? Что тогда?!

Из нас двоих в случае разрыва я потеряю больше. Это очевидно. Кэти наверняка выживет. «Я кремень», – часто говорила она. Кэти снова встанет на ноги, отряхнет с души, словно пыль, воспоминания о прошлом и уверенно забудет обо мне. Зато я ее не забуду. Разве я смогу? Без Кэти меня снова ждут пустота и одиночество, жалкое существование, которое я влачил раньше. Я никогда не найду такую, как Кэти, больше не испытаю волшебство особой связи с другим человеком, не переживу те глубочайшие эмоции, которые возникают, только если любишь по-настоящему. Кэти –

любовь всей моей жизни. Моя *жизнь!*.. Я понял, что не готов отказаться от нее. Еще не готов. Пусть Кэти и предала меня, я все равно любил ее. Наверное, я сошел с ума...

Над головой пронзительно крикнула птица. Вздвогнув от неожиданности, я остановился и посмотрел вокруг. Оказалось, что я ушел дальше, чем планировал. Я с удивлением сообразил, куда именно привели меня ноги: через пару улиц находился дом Рут. В критический момент я неосознанно потянулся к своему психотерапевту, что неоднократно делал в прошлом. Здорово же меня накрыло – ведь я почти готов позвонить в звонок и попросить о помощи... А почему бы и нет? Да, я вел себя непрофессионально, так не делается, но я был в отчаянии и очень нуждался в совете.

Вскоре я стоял у знакомой зеленой двери и жал на кнопку звонка. Через пару секунд послышались шаги, в прихожей вспыхнул свет, и Рут приоткрыла дверь, оставив наброшенной цепочку. Она постарела. Наверное, ей уже за восемьдесят. Она похудела, стала меньше ростом и немного сгорбилась. Поверх розовой ночной сорочки Рут набросила серый кардиган.

– Кто здесь? – спросила она, подслеповато вглядываясь в темноту.

– Привет, Рут, – отозвался я, шагнув ближе к свету.

Она тут же узнала меня. На лице пожилой женщины отразилось недоумение.

– Тео, что ты здесь... – Ее глаза метнулись от моего лица к пораненному и наспех замотанному пальцу. Сквозь повязку сочится кровь. – Ты в порядке?

– Не совсем. Можно я зайду? Мне очень нужно с вами поговорить.

Рут ни мгновения не колебалась.

– Конечно. Входи. – Она кивнула с обеспокоенным лицом и, сняв цепочку, распахнула дверь.

Я шагнул внутрь.

9

– Чаю хочешь? – заботливо спросила Рут по пути в гостиную.

Комната осталась точно такой, как я ее запомнил: ковер, плотные шторы, на каминной полке тикают серебряные часы, рядом кресло и кушетка с выцветшей синей обивкой. Сразу стало спокойнее.

– Если честно, я сейчас не отказался бы от чего-нибудь покрепче, – сообщил я.

Рут кинула на меня быстрый внимательный взгляд, но не отказалась угостить выпивкой, чего я втайне почти ожидал. Она налила стакан шерри^[19] и вручила мне. В силу привычки я уселся на дальний левый край кушетки, а руку положил на подлокотник, как делал каждый раз, когда приходил сюда на сеанс психотерапии. Ткань на подлокотнике истерлась от нервно трепавших ее пальцев многочисленных пациентов Рут.

Вино оказалось теплым, приторным до тошноты, однако я допил до дна. Я отчетливо ощущал на себе взгляд Рут – пристальный, но не давящий, не создающий неловкости. За двадцать лет нашего знакомства она ни разу не заставила меня почувствовать дискомфорт. Вот и сейчас терпеливо ждала, пока я молча глотал шерри.

– Странное чувство: сижу здесь со стаканом вина. Знаю, что не в ваших правилах предлагать пациентам алкоголь, – наконец подал голос я.

– Ты мне больше не пациент, а просто друг. И, похоже, тебе самому сейчас не помешает помощь друга.

– Я настолько плохо выгляжу?

– К сожалению, да. Судя по всему, причина серьезная. Иначе ты не пришел бы без приглашения в одиннадцатом часу вечера.

– Вы правы. Я... Мне больше не к кому пойти.

– Рассказывай, Тео. Что случилось?

– Даже не знаю, с чего начать.

– Давай-ка с самого начала.

Я сделал глубокий вдох и стал рассказывать Рут обо всем, что произошло. Признался, что вновь начал курить марихуану, что делал это втихаря, и как под кайфом прочел переписку Кэти и узнал об измене. Я спешил и задыхался, стремясь поскорее скинуть камень с души – будто на исповеди.

Рут с непроницаемым выражением лица слушала не перебивая. Было сложно понять что-либо по выражению ее лица.

– Мне очень жаль, Тео, что так случилось, – наконец сказала она. – Я знаю, как много для тебя значит Кэти. Как ты ее любишь.

– Да, я люблю... – Тут я запнулся, не в силах произнести имя жены. Мой голос дрожал.

Рут быстро приподнялась и протянула мне коробочку с салфетками. Раньше я очень злился, когда она так делала. Я обвинял Рут в том, что она вынуждает меня плакать. Обычно у нее получалось. Но не сегодня. Сейчас мои слезы замерзли, превратившись в кусок льда.

Я посещал сеансы психотерапии Рут задолго до знакомства с Кэти и три года после. Когда мы с Кэти начали встречаться, помню, Рут сказала: «Выбирать любимого человека – примерно то же, что выбирать психотерапевта. А именно – прямо ответить на несколько вопросов: будет ли этот человек честен со мной, адекватно ли воспримет критику, сумеет ли признать свои ошибки и не станет ли давать неисполнимые обещания?» Я пересказал эти мудрые

слова Кэти, и мы поклялись никогда не врать друг другу, сохранять верность и искренность в отношениях.

– Что же случилось? – спросил я у Рут. – Что пошло не так?

Она ответила не сразу, но то, что я услышал, меня поразило.

– Думаю, ты и сам знаешь, в чем дело. Осталось только признаться себе в этом.

– Нет. – Я затряс головой. – Не знаю.

Я возмущенно замолчал, а потом вдруг перед глазами возник образ Кэти, строчащей все эти послания, такие страстные и запретные. Казалось, она получала кайф от самого процесса переписки, от того, что вступила с тем мужчиной в тайные отношения. Кэти с наслаждением вралась и скрывалась. Она словно играла роль, только не на сцене, а в жизни.

– Думаю, Кэти стало скучно, – заключил я.

– Почему ты так решил?

– Потому что она жаждет эмоций, драмы. Она всегда была такой. Некоторое время назад Кэти стала жаловаться, что мы больше не веселимся, что я вечно натянут, как струна, и слишком много работаю. Мы ссорились, и Кэти часто употребляла слово «фейерверк».

– Фейерверк?

– Да. Мол, раньше наши отношения были похожи на фейерверк, а теперь – нет.

– Ясно. – Рут кивнула. – Мы с тобой говорили об этом, ведь так?

– Про фейерверк?

– Про любовь. О том, как часто мы принимаем серьезное чувство за «фейерверк» – из-за разрушительных острых ощущений. Мы забываем, что настоящая любовь приносит покой и умиротворение. Человеку, живущему страстями, подобное затишье может показаться скучным. Любовь глубока, спокойна –

и постоянна. Наверняка именно такими чувствами ты и окружил Кэти. Способна ли она ответить взаимностью, быть на одной с тобой волне – уже другой вопрос.

Я сидел, уставившись на коробочку с салфетками. Мне не нравилось, куда клонила Рут.

– Вообще-то ошибки совершали мы оба, – попытался возразить я. – Я тоже врал Кэти. Она не знает про марихуану.

– Один человек предает другого духовно и физически, а другой иногда балуется «травкой»... Это для тебя равноценно? Еще одно доказательство, насколько вы разные: тот, кто часто и ловко врет, способен предать партнера, не мучаясь угрызениями совести.

– Вы не знаете этого, – с чувством воскликнул я. – Может, Кэти сейчас на грани срыва!

Произнеся эти слова, я понял, что сам себе не верю. Не поверила и Рут.

– Вряд ли, – с печальной улыбкой проговорила она. – Подобное поведение выдает в Кэти неполноценную личность. Ей не хватает способности сопереживать, целостности и элементарной доброты – всего того, что с избытком даровано тебе.

– Но это не так, – сопротивлялся я.

– Так, Тео. – Рут помедлила, прежде чем продолжить. – Задумайся, ты опять наступаешь на те же грабли.

– С Кэти?

– Нет. – Рут отрицательно покачала головой. – Я имею в виду ситуацию с твоими родителями. Возможно, ты подсознательно повторяешь устоявшуюся в детстве модель поведения.

– Нет, конечно. – Я чувствовал, как внутри растет раздражение. – То, что происходит между мной и Кэти, не имеет ни малейшего отношения к моему детству!

– Неужели? – удивилась Рут. – Бесконечные попытки утешить человека с непредсказуемым поведением, взрывными эмоциями, недоброго, эгоистичного... Старания сделать его счастливым, завоевать любовь... Ничего не напоминает, Тео?

Я до боли сжал кулаки. Рут осторожно продолжила:

– Я знаю, ты сейчас в отчаянии. Но я хочу, чтобы ты признал: ты испытывал это отчаяние задолго до встречи с Кэти. Ты носишь его в себе много лет. Труднее всего, Тео, осознать, что нас не любили тогда, когда мы больше всего в этом нуждались. Ужасное ощущение – боль человека, которого не любили.

Я осознал, что Рут права. Я не мог подобрать слов, чтобы описать отвратительное чувство, вызванное предательством близкого человека, когда внутри зияет огромная ноющая дыра, – и тут Рут просто сказала: «Боль человека, которого не любили». Я увидел, как эта формулировка предельно четко описывала мое недавнее состояние и является одновременно моим прошлым, настоящим и будущим. Дело было не в Кэти, а в отце и моем идущем из детства чувстве ненужности. Мое горе вызвано сожалением о том, чего у меня никогда не было, и внутренним убеждением, что этого, видимо, уже никогда не будет. По мнению Рут, именно это и заставило меня выбрать Кэти – человека, не способного любить. Тем самым в очередной раз доказывая правоту отца, считавшего меня недостойным любви ничтожеством.

Я накрыл голову руками.

– Получается, мои отношения с Кэти были с самого начала обречены? Хотите сказать, что я сам все для этого сделал? Выходит, все безнадежно, черт возьми?

– Нет, не безнадежно. Тео, ты больше не мальчик, ищущий расположения своего отца, ты взрослый мужчина, у которого есть выбор. Какой сделать из случившегося вывод, зависит только от тебя: либо

решишь, что действительно недостоин любви, либо порвешь наконец с прошлым и перестанешь повторять одни и те же ошибки, – ответила Рут.

– Как мне это сделать? Расстаться с Кэти?

– Ситуация непростая.

– Но вы считаете, что будет лучше, если я расстанусь с Кэти? – допытывался я.

– Ты слишком много отдал этим отношениям, чтобы вернуться к жизни, где тебя предают, выказывают равнодушие и унижают. Пойми, ты заслуживаешь лучшего, *гораздо* лучшего!

– Скажите. Просто скажите это, Рут. Вы думаете, мне нужно расстаться с Кэти?

Она посмотрела на меня долгим внимательным взглядом.

– Я считаю, ты просто *обязан* порвать с ней. Я говорю это не как твой психотерапевт, а как твой старый друг. Не думаю, что ты сможешь делать вид, будто ничего не произошло, даже если очень постараться. Ну протянешь еще пару месяцев, а потом опять случится нечто подобное, и ты снова окажешься здесь, на этом диване. Будь честен с собой, Тео, – насчет Кэти и ситуации в целом, – и вся эта шелуха из вранья и хитростей перестанет застилать тебе глаза. Запомни, Тео: любовь всегда основана на честности, иначе это не любовь.

Из моей груди вырвался тяжкий вздох. Я чувствовал себя словно выпотрошенным. Навалились усталость и тоска.

– Большое спасибо за искренность, Рут. Я это очень ценю.

Я поднялся с кушетки и пошел на выход. В прихожей Рут обняла меня. Раньше она никогда так не делала. Какая же Рут была маленькая и хрупкая! От нее исходил едва уловимый цветочный аромат, смешанный с запахом шерсти кардигана. Жутко захотелось

расплакаться, но мои глаза остались сухими. Слезы не шли.

Я попрощался и ушел не оборачиваясь. Домой доехал на автобусе. Уселся возле окна и, глядя на улицу, думал о Кэти: о ее белоснежной коже и невероятных изумрудных глазах. Со щемящей тоской вспоминал сладкий вкус ее нежных губ... Рут права. *«Любовь всегда основана на честности, иначе это не любовь»*. Мне придется высказать Кэти все. И расстаться с ней.

10

Дома я застал Кэти. Она сидела на диване и что-то быстро печатала на телефоне.

– Где пропадал? – спросила она, не отрывая глаз от экрана.

– Так, прогулялся... Как репетиция?

– Как всегда. Утомительно.

Я смотрел на пальцы Кэти, гадая, кому же она пишет. Пора было начинать серьезный разговор. *Я знаю, что у тебя роман на стороне. Я хочу развестись.* Я открыл рот, чтобы произнести заготовленную фразу, но так и не сумел издать ни звука. Пока я пытался обрести голос, Кэти меня опередила.

– Тео, есть разговор, – заявила она, отложив телефон.

– О чем?

– Ты ничего не хочешь мне сказать? – В голосе Кэти зазвучали металлические нотки.

Я избегал смотреть ей в глаза, опасаясь выдать свои мысли. Я стоял перед Кэти пристыженный, виноватый – будто именно у меня имелась позорная тайна. И, как вскоре выяснилось, я не ошибался. Кэти протянула руку за спинку дивана, и у меня екнуло сердце. Она

вытащила оттуда заветный горшочек, где я хранил марихуану. Порезав палец, я совершенно забыл переставить его в тайник.

– Что это? – спросила Кэти, держа горшочек передо мной.

– «Травка».

– Я в курсе. Почему она здесь?

– Потому что я купил. Очень хотелось.

– Очень хотелось словить кайф? Ты серьезно?!

Я пожал плечами, глядя в пол, как напакостивший мальчишка.

– Какого черта! Нет, ну надо же! – Кэти душила ярость. – Порой мне кажется, что я совсем тебя не знаю!

Я еле сдержался, чтобы не ударить ее. Дико хотелось броситься на Кэти и молотить кулаками! Я представлял, как разворочу всю комнату, буду бить мебель о стены. А потом крепко обниму Кэти и завою. Но я не двинулся с места.

– Пора спать, – отрезал я и удалился из комнаты.

Мы молча зашли в спальню. Кэти быстро заснула, а я лежал с открытыми глазами, ощущая тепло ее тела. «Почему ты ничего не сказала? Почему закрылась? – мысленно вопрошал я Кэти. – Я же твой лучший друг. Одно слово! Хотя бы одно слово, и мы бы все решили! Почему ты промолчала? Я ведь рядом. *Я здесь!*»

Я хотел прижать Кэти к себе и не отпускать... Я хотел обнять ее. И не мог. Она исчезла. Той Кэти, которую я любил, больше нет. Вместо нее теперь чужой человек. К горлу подступили рыдания. А потом по щекам полились горячие слезы. Я тихо плакал в темноте.

Утром мы поднялись с кровати, и началась обычная рутина. Кэти отправилась в ванную, а я готовил кофе. Она вошла в кухню, и я вручил ей дымящуюся чашку.

– Ты ночью издавал странные звуки, – проговорила Кэти. – Бормотал что-то.

– Что именно?

– Я не поняла. Бессмыслицу какую-то. Видимо, «травка» еще не выветрилась, – ехидно проговорила она и, взглянув на наручные часы, добавила: – Мне пора, а то опоздаю.

Кэти допила кофе, поставила чашку в раковину и быстро клюнула меня в щеку, я едва не отодвинулся от нее. Услышав, как за ней хлопнула входная дверь, побрел в душ. Выкрутил кран горячей воды почти на максимум, а потом долго стоял, подставив лицо под обжигающие струи, и рыдал. Рыдал, не сдерживаясь, как маленький ребенок. После, вытираясь, случайно увидел свое отражение в зеркале. Я выглядел ужасно: серая кожа, усталое, морщинистое лицо старика. Будто прибавил за одну ночь три десятка лет. Я был старым, измотанным, моя энергичность испарилась без следа. И тогда я принял важное решение. Расстаться с Кэти – все равно что отрезать себе руку или ногу. Я просто не был готов так себя покалечить. Плевать на мнение Рут. Она тоже может ошибаться. Кэти – не мой отец, и я вовсе не обречен раз за разом проигрывать сценарий из детства. Я приложу все усилия, чтобы изменить наше с ней будущее. Однажды мы сумели обрести счастье, значит, сумеем и вновь. Рано или поздно Кэти осознается, сама мне обо всем расскажет, и я ее прощу. Мы переживем трудные времена. Я не отпущу Кэти и ничего не стану ей говорить. Прикинусь, будто не читал ее переписку. Забуду. Похороню это. У меня просто нет выбора, кроме как продолжать. В конце концов, я не имею права уступить этому, я отказываюсь сдаться и развалиться на части. Я ведь несу ответственность не только за

себя, но и за пациентов, как быть с ними? От меня зависят люди. И я не могу их подвести.

11

– Я ищу Элиф, – сообщил я. – Не знаете, где она?

– А зачем она вам понадобилась? – Юрий посмотрел на меня с любопытством.

– Просто хочу поздороваться. Я хотел бы коротко представиться каждому пациенту. Сообщить, кто я и каковы мои обязанности.

– Понятно. Готовьтесь: с Элиф порой тяжело. Ничего личного. – Юрий взглянул на часы. – Сейчас половина – значит, у нее только что закончилась арт-терапия. Идите в комнату отдыха, не ошибетесь.

– Спасибо.

Комната отдыха представляла собой большое круглое помещение, где стояли диваны с потертой обивкой, журнальные столики и книжный шкаф со старыми книгами, которые никто не читал. Мебель пропиталась запахами застоявшегося чая и сигаретного дыма. За одним из дальних столов двое пациентов играли в нарды. Элиф в одиночестве стояла возле бильярдного стола.

– Привет, Элиф! – поздоровался я и, приближаясь, улыбнулся.

Она подняла на меня испуганные, недоверчивые глаза.

– Чего тебе?

– Не волнуйтесь, всё в порядке. Я на минутку.

– Ты не мой врач. Мне уже одного назначили.

– А я и не врач. Я психотерапевт.

– И этот имеется, – презрительно буркнула Элиф.

Я улыбнулся, в глубине души радуясь, что с ней работает Индира, а не я. Вблизи Элиф выглядела еще

более устрашающе. И дело было не в ее огромных размерах, а в неистовстве, которым дышала каждая черта лица: неизменно хмурый вид, полные злобы черные глаза, по тому, как она смотрела, явно читалось психическое отклонение. От Элиф разило потом и самокрутками, которые она без конца курила, отчего кончики пальцев на руках почернели, а зубы и ногти приобрели темно-желтый оттенок.

– Если позволите, я хотел бы задать пару вопросов об Алисии, – сказал я.

Элиф с грохотом бросила кий на стол и начала устанавливать шары для новой партии. Внезапно она замерла, просто застыла без движения, глядя в пустоту бессмысленным взглядом.

– Элиф?

Ответа не последовало. По выражению ее лица я понял, что творилось.

– Элиф, вы сейчас слышите голоса?

Подозрительный взгляд в мою сторону. Пожатие плеч.

– Что они говорят?

– Говорят, что тебе нельзя доверять. И что за тобой нужно присматривать.

– Правильно. Вы меня не знаете, поэтому так решили. Пока еще рано. Может, со временем все изменится.

Судя по взгляду, Элиф весьма в этом сомневалась.

– Любите бильярд? – произнес я, кивнув на стол.

– Не-а.

– А почему?

– Второй кий сломался, и его до сих пор не заменили.

– Вы поделитесь со мной кием, если мы сыграем?

Я потянулся к лежащему на сукне кию, но великанша резко его схватила.

– Отвали, это мой кий! – гаркнула она.

Я невольно отшатнулся, пораженный интенсивностью ее реакции. Она с ощутимой силой ударила кием по шару. Некоторое время я понаблюдал за ее игрой, потом предпринял вторую попытку.

– Может, все-таки расскажете, что случилось в первые дни по прибытии Алисии в Гроув? Не припомните?

Элиф отрицательно помотала головой. Я продолжал:

– В ее личном деле указано, что в столовой между вами произошел конфликт. Это она на вас напала?

– Да, помню... Пыталась убить меня. Черт возьми, она мне чуть горло не вскрыла!

– Согласно отчету, сначала вы что-то шепнули Алисии. Скажите, что именно?

– Ничего я ей не шептала. – Элиф яростно затрясла головой.

– Я не утверждаю, будто вы ее спровоцировали. Мне просто любопытно, что это были за слова.

– Ну я ей задала один вопрос.

– Какой именно?

– Я спросила: «Он заслужил?»

– Кто?

– Хахаль ейный. – Элиф улыбнулась. Вот только это скорее была не улыбка, а уродливая гримаса.

– В смысле, муж Алисии? То есть вы спросили Алисию, заслуживал ли ее муж смерти? – переспросил я, не уверенный, что правильно все понял.

Элиф кивнула и ударила кием по очередному шару.

– А потом я спросила, как этот мужик выглядел. Она ж в него пальнула: череп вдребезги, мозги на стене... – И она захохотала.

Я ощутил сильнейшее отвращение. Наверняка слова Элиф породили и у Алисии подобную реакцию. Элиф вызвала омерзение и ненависть – это была ее патология. Именно такие чувства передала

новорожденной Элиф ее мать. Она заставила маленькую дочь ощущать себя мерзкой и ненавистной. И та неосознанно побуждала окружающих испытывать ненависть в свой адрес – надо сказать, весьма успешно.

– А как сейчас? У вас с Алисией хорошие отношения?

– О да. Мы очень близки. Прямо лучшие подруги, – Элиф загоготала.

В кармане неожиданно завибрировал телефон. Я взглянул на экран: номер неизвестный.

– Прошу прощения, я должен ответить на звонок. Большое спасибо за помощь! – откланиваясь, произнес я.

Элиф что-то неразборчиво пробормотала и вернулась к игре.

* * *

В коридоре я ответил на звонок:

– Алло!

– Тео Фабер?

– Да. Кто это?

– Макс Беренсон. Секретарь передала ваше сообщение.

– Ах да! Спасибо, что перезвонили. Я хотел бы переговорить с вами об Алисии.

– А что? Что-то случилось? Какие-то неприятности?

– Нет. Точнее, не совсем. Алисия – моя пациентка, и вы очень помогли бы мне, если б согласились ответить буквально на пару вопросов. В любое удобное время.

– Я так понимаю, это не телефонный разговор? Вообще-то, я очень занят.

– Я предпочел бы встретиться лично, если вы не против.

Макс Беренсон издал тяжкий вздох и, прикрыв трубку, обратился к кому-то у себя в кабинете, а потом

снова ко мне:

– Завтра в семь вечера подходите сюда.

Я собирался уточнить адрес, но он уже повесил трубку.

12

Секретарь Макса Беренсона, вдрызг простуженная, поднесла к носу бумажную салфетку и громко высморкалась.

– Говорит по телефону. Освободится через минуту, – прогундосила она, жестом указывая, куда присесть.

Я кивнул и опустился в одно из кресел. Зона ожидания ограничивалась несколькими неудобными креслами с прямой спинкой и кофейным столиком со стопкой старых журналов. Я поймал себя на мысли, что уголки для посетителей везде выглядят одинаково. С тем же успехом я мог бы сидеть в приемной у врача, директора бюро ритуальных услуг или адвоката.

Наконец дверь в дальнем конце приемной распахнулась и в проеме возникла фигура Макса Беренсона. Взмахом руки он пригласил меня войти и тут же исчез в недрах кабинета. Я поднялся с кресла и последовал за ним. Судя по свойственной Максу жесткой манере общения по телефону, я был готов к тому, что меня ждет довольно неласковый прием. Однако, как ни странно, он начал с извинений:

– Прошу прощения, если во время телефонной беседы я был несколько резок. Неделя выдалась трудная, да еще и неважно себя чувствую... Присядете?

Я сел на стул для посетителей, приставленный к его рабочему столу с противоположной стороны.

– Благодарю вас. И спасибо, что согласились на встречу.

– Честно говоря, сначала я решил, что не стоит этого делать. Принял вас за очередного журналиста, который пытается вытянуть из меня сведения об Алисии. Но потом связался с Гроувом и выяснил, что вы действительно там работаете.

– Вот оно что... Скажите, и часто вас одолевают журналисты?

– Теперь уже нет. А раньше мы не знали, куда от них деться. С тех пор и осталась привычка перепроверять...

Беренсон хотел добавить что-то еще, однако не сдержался и чихнул.

– Прошу прощения, – извинился он, протягивая руку к коробочке с салфетками. – Подцепил простуду от жены.

Пока Макс приводил себя в порядок, я успел немного его рассмотреть. В отличие от младшего брата, Макс Беренсон не отличался привлекательностью: солидный лысеющий мужчина с лицом, испещренным глубокими рубцами от юношеских прыщей. От него исходил крепкий аромат старомодного мужского одеколona. Примерно таким же пользовался мой отец. Обстановка в кабинете также отличалась традиционным стилем. Здесь пахло кожаной мебелью, деревом и книгами. Полная противоположность миру Габриэля Беренсона, в котором правили яркие цвета и красота во имя красоты. У двух братьев не имелось ничего общего.

На рабочем столе Макса стояла фотография покойного Габриэля. Обычный любительский снимок (возможно, его сделал сам Макс?) – Габриэль запечатлен сидящим на заборе на фоне деревенского поля, волосы развеваются на ветру, а на шее висит фотоаппарат. Габриэль больше напоминал актера, чем фотографа. Или актера, играющего роль фотографа.

Макс, заметив, что я разглядываю фотографию, кивнул, словно прочитав мои мысли, и со смехом

заметил:

– Брату достались шевелюра и смазливость, а мне – мозги. Шучу! На самом деле меня усыновили. У нас с Габриэлем нет кровного родства.

– Вот это новость! А Габриэля тоже усыновили?

– Нет, только меня. Наши родители долго не могли завести ребенка, а потом, когда появился я, мама неожиданно забеременела, и вскоре у них родился собственный сын. Такое часто случается. Люди наконец перестают нервничать и расслабляются.

– У вас с братом сложились близкие отношения?

– Мы стали лучшими друзьями, что для братьев редкость. Хотя Габриэлю всегда доставалось больше внимания, а я рос в его тени.

– Почему так вышло?

– По-другому и быть не могло. Брат был особенным, с самого детства.

Я отметил привычку Макса во время разговора крутить на пальце обручальное кольцо.

– Габриэль повсюду таскал с собой фотоаппарат, – продолжал он, – и постоянно что-то щелкал. Папа называл его безумцем. Оказалось, в Габриэле действительно была божья искра. Вы видели его работы?

Я тактично улыбнулся. Я не планировал переводить разговор на Габриэля и его талант как фотографа. Вместо этого аккуратно завел речь об Алисии.

– Вы хорошо ее знали, верно?

– Алисию? С чего бы?

При одном упоминании ее имени Макс переменился. Его дружеский тон исчез, голос зазвучал холодно и отчужденно.

– Не знаю, смогу ли помочь. Не я представлял Алисию в суде. Если нужны детали процесса, готов связать вас с моим коллегой Патриком Доэрти.

– Спасибо, я пришел сюда за другим.

– За другим? – Во взгляде Макса загорелось любопытство. – Вряд ли психотерапевты часто беседуют с адвокатами своих пациентов.

– Если пациент в состоянии говорить сам, то нет.

Некоторое время он переваривал услышанное, затем с сомнением произнес:

– Понятно. Я действительно не представляю, чем могу помочь...

– У меня к вам пара вопросов.

– Хорошо. Спрашивайте.

– Помню, я прочел в газетах, что за день до убийства вы видели Габриэля с Алисией...

– Да, мы вместе обедали.

– На ваш взгляд, у них все было в порядке?

Глаза моего собеседника потухли. Видимо, подобный вопрос ему задавали тысячу раз. Он ответил не задумываясь:

– Я не заметил ничего необычного.

– А как насчет Алисии?

– Она вела себя нормально. – Макс пожал плечами. – Ну, может, слегка волновалась, хотя...

– Хотя?

– Нет, ничего.

Я чувствовал: ему есть что сказать. И молча ждал. После небольшой паузы Макс продолжил:

– Хорошо ли вы осведомлены об отношениях Алисии и Габриэля?

– Весьма поверхностно. Я черпал информацию из газет.

– И что вы там прочли?

– Что это был счастливый брак.

– Счастливый брак? – Макс холодно улыбнулся. – Еще бы! Габриэль из кожи вон лез, лишь бы угодить Алисии.

– Понятно. – Я кивнул.

Но на самом деле ничего не понимал. Пока не улавливал, куда клонит Макс. Заметив мое озадаченное лицо, он произнес:

– Я не собираюсь обсуждать сплетни. Если вам нужны подробности, обращайтесь к Жан-Феликсу.

– А кто такой Жан-Феликс?

– Жан-Феликс Мартен. Галерист Алисии. Они сто лет знакомы, лучшие друзья. Скажу честно, он мне никогда не нравился.

– Я не охочусь за сплетнями, – заверил я, решив в ближайшее время пообщаться с Жан-Феликсом. – Мне интересно ваше мнение. Могу я спросить без обиняков?

– По-моему, вы уже это сделали.

– Вам нравилась Алисия?

Лицо Макса застыло, превратившись в бесстрастную маску.

– Конечно, – ответил он.

Я не поверил.

– В этой ситуации вы выступаете в двух ипостасях: адвокат, лицо весьма формальное, и брат, очень близкий родственник. Так вот, я пришел к вам как к брату.

В кабинете повисла тишина. Я подумал, что Макс сейчас меня выгонит. И правда, он собирался что-то сказать, но передумал. Потом резко встал из-за стола и, подойдя к окну, распахнул его настежь. В комнату ворвался ледяной воздух. Макс сделал несколько глубоких вдохов, словно задышался в помещении.

Наконец он заговорил сдавленным, едва слышным голосом:

– По правде говоря... я ее ненавижу... терпеть не мог.

Я промолчал, давая Максиму возможность выговориться. И он медленно продолжил, глядя в окно:

– Габриэль был мне не просто братом, а лучшим другом. Добрейшей души человек. Слишком добрый. А

потом его талант, отзывчивость, жизнелюбие – все исчезло из-за этой *стервы*. Она отравила жизнь Габриэлю и даже мне. Слава богу, родители не дожили... – Из-за нахлынувших эмоций голос Макса сорвался.

– Представляю, как сложно вам далась организация защиты Алисии в суде, – сочувственно произнес я, физически ощущая его боль.

Макс закрыл окно и вернулся за стол. Он снова владел собой, скрывшись за личиной беспристрастного юриста. Нейтрального, уравновешенного, сдержанного.

– Габриэль хотел бы этого. Он всегда добивался для Алисии лучшего. И любил свою жену до безумия. Она же просто была безумной.

– Считаете, Алисия психически больна?

– Вы спец, вот и скажите.

– А что думаете вы?

– Я знаю только то, что видел сам.

– И что же?

– Резкие перепады настроения. Приступы ярости. Жажда насилия. Она ломала вещи, периодически все крушила. Габриэль признался, что Алисия несколько раз угрожала убить его. Мне бы прислушаться, принять меры после первой же ее попытки самоубийства... Почему я не вмешался? Почему не настоял, что ей нужна медицинская помощь? Увы, я ничего не предпринял. Габриэль всячески ее защищал, а я, как идиот, позволял ему это...

Макс тяжело вздохнул и кинул взгляд на часы, намекая на то, что пора заканчивать разговор. Однако я не поддался и продолжал безучастно смотреть на него.

– Алисия пыталась покончить с собой? Что вы имеете в виду? Когда? После убийства?

– Нет. – Макс отрицательно покачал головой. – Несколькими годами ранее. Вы не знали? Я думал, вы в курсе.

– Когда это произошло?

– После смерти отца. Вроде напилась таблеток или чего-то в таком роде... Сейчас не припомню. У нее случился нервный срыв.

Я хотел расспросить Макса еще, но тут открылась дверь, и на пороге кабинета возникла секретарша.

– Дорогой, – простуженным голосом проговорила она, – нам пора. Мы опаздываем.

– Уже иду, дорогая, – ответил ей Макс.

Дверь закрылась. Беренсон поднялся из-за стола, разведя руки в извиняющемся жесте.

– Мы сегодня идем в театр, – пояснил он. Видимо, на моем лице отразилось изумление, потому что он засмеялся и добавил: – В прошлом году мы с Таней поженились.

– Вот оно как.

– Гибель брата очень сблизила нас. В одиночку я не справился бы.

На столе зазвонил телефон, и Макс потянулся к трубке.

– Огромное спасибо за помощь. – Я кивнул и быстро вышел из кабинета.

В приемной я повнимательнее пригляделся к Тане: миниатюрная блондинка с приятной внешностью. Она снова высморкалась, и на ее пальчике сверкнуло кольцо с огромным бриллиантом.

К моему удивлению, она торопливо подошла ко мне и тихо протараторила:

– Если хотите побольше выяснить об Алисии, обязательно поговорите с ее двоюродным братом Полом. Он лучше других знает свою кузину.

– Я пытался связаться с ее тетей, Лидией Роуз. Она не пожелала общаться.

– Лидия вам не поможет. Поезжайте в Кембридж и встретьтесь с Полом. Спросите у него про Алисию, и про ночь после аварии, и...

Дверь кабинета распахнулась, и Таня умолкла: в приемной появился Макс. Широко улыбаясь, она поспешила к мужу.

– Ты готов, дорогой?

Странно, в ее голосе слышалось плохо скрываемое волнение. Таня боялась Макса! Но почему?

13

Из дневника Алисии Беренсон

22 июля

Меня возмущает, что у нас в доме хранится оружие. Вчера вечером мы снова из-за этого поругались. По крайней мере, тогда казалось именно так. Сегодня я уже не очень уверена. Габриэль сказал, что ссору начала я. Наверное, он прав. Мне всегда тяжело видеть его таким расстроенным, и эти несчастные глаза, как у побитой собаки... Ненавижу причинять Габриэлю боль, но иногда ловлю себя на мысли, что дико этого хочу. И сама не знаю почему.

По словам Габриэля, я вчера пришла домой в ужасном настроении. Поднялась наверх и начала на него орать. Возможно. Скорее всего, я была страшно расстроена. Если честно, не до конца помню, что произошло. Я только вернулась из парка. Но о самой прогулке почти ничего сказать не могу. Большую часть времени витала в облаках, думала о картине с Иисусом и о работе вообще. Помню, на обратном пути я прошла мимо одного дома. Во дворе двое мальчишек играли с поливальным шлангом. Совсем крохи: лет семь-восемь, не больше. Старший поливал младшего, а струя воды искрилась на солнце радугой. Идеальной радугой. Маленький мальчик со смехом протягивал к воде ручонки. Я пошла дальше, чувствуя, как по моим щекам текут слезы.

Я отмахнулась от этой мысли тогда, но, думая об этом сейчас, вижу, насколько все очевидно. Я не хотела признаться себе, что огромный кусок моей жизни отсутствует. Я всегда говорила, что не хочу детей. Притворялась, будто мне не до них – ведь я целиком посвятила себя искусству. А это неправда. Просто предлог. На самом деле я жутко боюсь становиться матерью. Я не доверяю себе. Не тогда, когда в моих венах течет кровь моей матери. Вот что творилось в моей голове (сознательно или бессознательно), когда я вчера вернулась домой.

В одном Габриэль точно прав – я пришла в плохом настроении, но ничего не произошло бы, если б в такой момент я не застала его за чисткой винтовки. Как же меня огорчает, что Габриэль держит в доме оружие! И что он никак не избавится от этой винтовки, притом что я столько раз просила его об этом. Габриэль всегда повторяет одно и то же: это старая отцовская винтовка с фермы, которую тот подарил ему на шестнадцатилетие. Семейная реликвия, и так далее, и тому подобное. Я не верю. Скорее всего, Габриэль не хочет расставаться с винтовкой по какой-то другой причине. Я ему так и заявила. А он возразил, что не видит ничего предосудительного в желании быть в безопасности – защитить свой дом и жену. Мало ли, вдруг к нам полезут воры?

– Тогда мы позвоним в полицию! И не станем, черт возьми, сносить вора головы!

Я повысила голос, Габриэль ответил еще громче, и, прежде чем я успела заметить это, мы уже орали друг на друга. Наверное, я немного потеряла над собой контроль. Но ведь я всего лишь реагировала на Габриэля. На самом деле в нем сидит агрессия; это та его часть, которую я редко вижу. И когда эта черта прорывается, очень пугаюсь. В такие моменты мне

кажется, что я вижу перед собой совершенно незнакомого человека. И это по-настоящему страшно.

После ссоры мы не разговаривали друг с другом и отправились спать в полном молчании. Сегодня утром мы занялись любовью, и ссора была забыта. По-моему, все наши проблемы решаются в постели. Наверное, так проще – лежа голышом в полудреме под общей простыней, тихо шепнуть от всего сердца: «Прости». Все тщательно продуманные аргументы и глупые разногласия отбрасываются вместе с одеждой, которая бесформенной кучей лежит на полу.

– Видимо, стоит взять за правило решать все споры в постели, – ласково пробормотал Габриэль, целуя меня. – Люблю тебя. Я избавлюсь от винтовки, обещаю.

– Да черт с ней. Всё в порядке. Честно, – ответила я.

Габриэль снова поцеловал меня и притянул к себе. Мы повернулись, и я оказалась на нем. Обняв Габриэля, прикрыла глаза и с упоением вытянулась на этой скале, созданной ровно под черты моего тела. В душе наконец-то настали мир и покой.

23 июля

Я все в том же итальянском кафе. Теперь я часто сюда прихожу. Не могу находиться дома. Когда вокруг люди, пусть даже зевающая официантка, я чувствую хоть какую-то связь с внешним миром, чувствую себя человеком. В одиночестве меня накрывает дикий страх того, что я перестану существовать. Просто исчезну с лица земли. Иногда я даже хочу этого. Например, сегодня вечером. Дело в том, что Габриэль пригласил на ужин старшего брата. Он огорошил меня этим известием сегодня утром.

– Мы с Максом сто лет не виделись, – сообщил Габриэль. – Чуть ли не с новоселья Джоэла. Я пожарю на мангале мясо. – Он подозрительно посмотрел на меня. – Ты ведь не против?

– А почему я должна быть против?
– Ты совсем не умеешь врать! – Габриэль расхохотался. – У тебя все на лице написано!
– И что ты там прочел?
– Макс тебе не нравится. И никогда не нравился.
– Ничего подобного! – стала оправдываться я, чувствуя, как лицо мое заливают краской. Пожала плечами и отвела взгляд. – Я хорошо отношусь к Максиму. И буду с ним вежлива. Кстати, когда ты сможешь позировать для моей картины? А то я ее никак не закончу.
– Давай на выходных, – с улыбкой предложил Габриэль. – И еще: пожалуйста, не показывай картину Максиму, ладно? Если он увидит меня в образе Иисуса, станет потом припоминать мне это всю оставшуюся жизнь.
– Не переживай, Макс ничего не узнает, – пообещала я. – Картина еще не готова.
«Даже если бы и была готова, я никогда не впустила этого типа в мастерскую», – мысленно добавила я.
Боюсь идти домой. Мечтаю остаться здесь, в прохладном кондиционированном помещении, и прятаться до тех пор, пока не уйдет Макс. Но нет, официантка нетерпеливо делает мне всяческие намеки: покашливает и смотрит на часы. Скоро кафе закроют. И тогда, чтобы не бродить всю ночь по улицам, как маньяк, придется идти домой и принять неизбежное – вечер в обществе Максима.

24 июля

Я снова в кафе. Мой любимый столик оказался занят, и официантка посмотрела на меня с сочувствием. Хочется верить, что ее взгляд означал именно это – солидарность. Впрочем, кто знает... Я уселась за другой столик, лицом к стене, не к выходу, как я привыкла, и

прямо под кондиционер. Здесь мало света; темно и холодно – как раз по моему нынешнему настроению.

Вчерашний вечер прошел отвратительно. Хуже, чем я ожидала. Во-первых, я не узнала Макса: первый раз в жизни он предстал передо мной не в деловом костюме. В шортах Макс смотрелся довольно комично. Он был весь потный после прогулки от станции, его лысина была красной и блестела, и под мышками расползлись два пятна. Он старался не смотреть мне в глаза. Или это я так избегала встречаться взглядами?

Макс долго ходил по комнатам, говорил, что тут все очень изменилось, и жаловался, что мы его черт знает сколько времени не звали в гости. Якобы он уже отчаялся ждать приглашения. Габриэль без конца извинялся, объяснял, что мы были очень заняты по работе – он на съемках, а я перед открытием выставки – и поэтому никого не приглашали. Габриэль улыбался, но я чувствовала, что он раздражен поведением брата.

Первое время я держалась молодцом. Как выяснилось, ждала подходящего момента. И вскоре он настал. Макс с Габриэлем вышли в сад и стали готовить мясо. А я удалилась на кухню, сообщив, что займусь салатом. Я не сомневалась, что Макс под любым предлогом явится ко мне. И не ошиблась. Минут через пять в доме послышалась его тяжелая поступь. Он ходит совсем не так, как Габриэль, – у мужа шаги тихие, как у кота, он ходит по дому совершенно бесшумно.

– Алисия, – раздался за моей спиной голос.

В тот момент я резала помидоры, и у меня сильно дрожали руки. Я отложила нож и повернулась лицом к Макс.

– Я за добавкой, – ухмыльнулся он, приподняв руку с пустой бутылкой из-под пива и по-прежнему глядя куда-то в сторону.

Я молча кивнула. Макс открыл холодильник и, взяв оттуда новую бутылку, стал озиаться в поисках

открывалки. Я еще одним кивком указала на столешницу, где она лежала. Он явно что-то хотел сказать, пока открывал пиво, но я опередила:

– Имей в виду, я собираюсь рассказать Габриэлю о том, что произошло.

Улыбка слетела с лица Макса. И тут он наконец обратил на меня свой змеиный взгляд.

– В смысле?

– Я расскажу Габриэлю обо всем, что случилось у Джоэла, – твердо сказала я.

– Понятия не имею, о чем речь.

– Понятия не имеешь?

– Да я половину не помню. Перебрал с выпивкой.

– Вранье.

– Честное слово.

– То есть ты не помнишь, что пытался меня поцеловать? А потом и облапать?

– Алисия, не надо.

– Что не надо? Делать из мухи слона? Между прочим, ты набросился на меня!

Я чувствовала, что закипаю. Усилием воли подавила гнев и заставила себя не кричать. Быстро глянула в окно. Габриэль жарил мясо в дальнем конце сада. Потоки горячего воздуха, поднимающиеся от раскаленного мангала, словно размыли его черты, превратив в согнувшуюся фигуру.

– Габриэль равняется на тебя. Как же, старший брат!.. Представляю, какой будет для него удар, когда я все расскажу.

– Вот и не нужно. Тут не о чем рассказывать.

– Габриэль должен знать правду. Я хочу, чтобы он увидел истинное лицо своего брата. Ты...

Не успела я договорить, как Макс схватил меня за руку и с силой притянул к себе. Я потеряла равновесие и врезалась в него. Он занес кулак – и я испугалась, что

он сейчас ударит. Но вместо этого Макс жарко зашептал: «Я люблю тебя. Люблю, слышишь. Люблю...»

Я даже не успела ничего сделать. Макс порывисто прижался ртом к моим губам. Я пыталась вывернуться, но он не отпускал. Я стиснула губы, но он грубо просунул язык в мой рот. И тогда я инстинктивно со всей силы укусила его. Макс заорал и оттолкнул меня. Его рот наполнился кровью.

– Ах ты чертова сука! – прошепелявил он, скалясь алыми зубами; в глазах полыхала ярость раненого зверя.

Неужели они братья? У Макса нет ни одного из прекрасных качеств Габриэля: ни порядочности, ни доброты. Он вызывал у меня отвращение, о чем я ему и сказала.

– Не вздумай докладывать Габриэлю. Иначе пожалеешь! – пригрозил Макс, выходя из кухни.

Я стояла молча. На языке ощущался вкус его крови. Я открыла кран и полоскала рот до тех пор, пока этот вкус не пропал, и только потом вышла в сад.

За обедом я периодически ловила на себе его жадный взгляд. Заметив, что я все вижу, Макс тут же отводил глаза. Я не смогла проглотить ни кусочка. При одной мысли о еде к горлу подступала тошнота. Во рту по-прежнему ощущался привкус его крови.

Я не знаю, что делать. Врать Габриэлю не хочу. Скрывать то, что случилось, – тоже. Но если расскажу обо всем Габриэлю, он навсегда отвернется от Макса. Сообразив, насколько ошибался в собственном старшем брате, Габриэль будет совершенно раздавлен. Он полностью доверяет Максy. Чуть ли не обожествляет его. А зря.

Никогда в жизни не поверю, что Макс сгорает от любви ко мне. Он ненавидит Габриэля и страшно ему завидует. А потому мечтает отобрать все, что у того есть, включая меня. Но вчера я смогла за себя постоять,

и теперь Макс наконец отстанет. Очень хочу на это надеяться. Хотя бы на какое-то время. Поэтому я решила пока ничего не рассказывать Габриэлю. Впрочем, он прекрасно читает мое лицо. Или я просто не умею притворяться.

Вчера, когда мы ложились спать, Габриэль сказал, что я весь вечер была какая-то странная.

– Наверное, устала.

– Нет, дело не в усталости. Ты все время молчала. Неужели так сложно сделать над собой хотя бы маленькое усилие? Мы с Максом почти не видимся. За что ты его невзлюбила?

– Я нормально к нему отношусь. Макс тут ни при чем, все время лезли в голову мысли о работе. Не успеваю к открытию выставки, вот и волнуюсь, – как можно увереннее произнесла я.

Габриэль недоверчиво на меня посмотрел, однако спорить не стал. Я получила временную передышку – до тех пор, пока к нам снова не пожалует Макс. Хотя интуиция подсказывает, что это случится не скоро.

Ну вот, я написала о том, что произошло, – и словно камень с души свалился. Теперь, когда я зафиксировала свою историю на бумаге, мне спокойнее. В крайнем случае я смогу использовать дневник в качестве доказательства. Если подобная необходимость когда-либо возникнет.

26 июля

Сегодня мой день рождения. Мне исполнилось тридцать три. Ощущения непривычные: никогда не думала, что однажды превращусь в тридцатитрехлетнюю женщину. Для меня этот возраст оставался за гранью воображения. Я пережила собственную мать. Очень странное чувство. Теперь я старше, чем она. Ей исполнилось тридцать два, и всё.

Сейчас мне больше, чем было ей, и это еще не конец. Я буду становиться старше и старше. А мама – нет.

Утром Габриэль разбудил меня нежным поцелуем и вручил огромный букет из тридцати трех алых роз. Фантастическая красота! Габриэль случайно укололся шипом, и на подушечке его пальца выступила алая капелька. Она была совершенна.

Он устроил для меня пикник. Солнце только поднялось над горизонтом, и воздух еще сохранял остатки ночной свежести. От пруда веяло прохладой, повсюду царил чудесный аромат скошенной травы. Мы лежали на берегу под плакучей ивой на привезенном из Мексики синем одеяле. Ивовые ветви укрыли нас зеленым шатром. Сквозь листву робко пробивались лучи раннего солнца. Мы пили шампанское, закусывали маленькими сладкими помидорами и кусочками копченого лосося с хлебом. Где-то в глубине сознания зародилось необычное чувство, словно все это уже было. Навязчивое дежавю. Я никак не могла понять, откуда оно взялось: то ли вспомнились сказки и истории для детей с их волшебными деревьями, которые служили порталами в другие миры, то ли нечто более прозаическое.

И вдруг перед мысленным взором вспыхнула картинка: я, совсем еще маленькая, прячусь под ветвями плакучей ивы в нашем саду в Кембридже. Я просиживала там часами. Может, я и не была счастливым ребенком, но тогда, забираясь под иву, я чувствовала себя так же удивительно хорошо и спокойно, как сейчас, когда мы лежали там с мужем. Казалось, в тот момент прошлое и настоящее существовали одновременно – в одном совершенном мгновении. Больше всего на свете я хотела, чтобы это мгновение длилось вечно. Габриэль задремал, и я сделала набросок его, спящего, пытаюсь передать игру солнечных бликов на любимом лице. Теперь глаза мужа

получились гораздо лучше. Было легче, потому что они были закрыты. По крайней мере, мне удалось верно передать форму век. Габриэль напоминал маленького мальчика, который спал, свернувшись калачиком: изо рта вырывалось легкое дыхание, на губах остались крошки хлеба.

Позже мы вернулись домой и любили друг друга. Габриэль обнял меня и произнес загадочную фразу:

– Алисия, дорогая, послушай. Я хочу обсудить с тобой одну вещь.

Услышав подобное вступление, я разволновалась.

– Продолжай. – Я приготовилась к худшему.

– Давай заведем ребенка, – произнес Габриэль.

От изумления я не сразу нашлась, что ответить.

– Но... ты же сам говорил, никаких детей...

– Забудь об этом. Я передумал. Нам нужен малыш.

Ну что скажешь? – В глазах Габриэля читалась затаенная надежда. Он ждал ответа.

– Да! Да! Да! Конечно, да! – воскликнула я.

Глаза защипало от подступивших слез. Мы крепко обняли друг друга, смеясь и плача одновременно.

Сейчас Габриэль спит. А я потихоньку выбралась из кровати и записываю все это в дневник. Хочу запомнить сегодняшний день навсегда. Каждую его секунду. Меня переполняет радость. И надежда.

14

Мне не давали покоя слова Макса Беренсона о том, что Алисия после смерти отца пыталась покончить с собой. В ее бумагах об этом не упоминалось ни слова. Любопытно почему...

Следующим вечером я снова позвонил Макс, удачно поймав его на рабочем месте.

– Мне необходимо задать вам еще буквально два вопроса, если можно, – начал я.

– А я *буквально* выхожу из кабинета.

– Я не задержу вас.

Макс вздохнул и, прикрыв трубку, что-то проговорил Тане.

– У вас пять минут, и ни секундой больше, – предупредил он меня.

– Большое спасибо. Итак, вы говорили о попытке Алисии совершить самоубийство. В какую больницу она потом попала?

– Ее не повезли в больницу.

– Нет?

– Алисия восстанавливалась дома. За ней ухаживал мой брат.

– Но... ее наверняка осматривал врач? Вы упоминали, что она наглоталась таблеток.

– Естественно, Габриэль пригласил врача. И тот... согласился не предавать инцидент огласке.

– Не припомните, как его звали?

В трубке на несколько мгновений повисла тишина.

– Прошу прощения, я не могу сказать... Не помню.

– Наверное, Габриэль вызвал обычного терапевта?

– Нет. Терапевт у нас с ним общий. Брат особо просил меня не говорить об этом приглашенному врачу.

– Вы точно не помните его фамилию?

– Прошу прощения, нет. Это всё? Я должен идти.

– Последний вопрос! Я бы хотел уточнить условия завещания Габриэля.

– При чем тут его завещание? – неожиданно ошетинился Макс.

– Основной наследницей становилась Алисия?

– Вы интересуетесь довольно странными вещами.

– Я просто пытаюсь понять...

– Что именно? – раздраженно перебил Макс. – Основным наследником указан я. После смерти отца

Алисия получила кучу денег, и Габриэль счел ее и так достаточно обеспеченной. А потому отписал свой особняк мне. Несомненно, брат и вообразить не мог, насколько после его гибели взлетит стоимость дома. Мы закончили?

– А завещание Алисии? Кого она указала наследником в случае своей смерти?

– А вот эта информация строго конфиденциальна. Очень надеюсь, что вы меня больше не потревожите, – отчеканил Макс и повесил трубку.

Однако интуиция подсказывала мне, что наш разговор еще не завершен. И мне не пришлось ждать слишком долго.

* * *

После обеда меня вызвал Диомидис. Войдя в кабинет, я увидел суровое, без тени улыбки лицо.

– Что с вами творится? – жестко проговорил профессор.

– Со мной? – непонимающе переспросил я.

– Не прикидывайтесь идиотом. Догадайтесь, кто мне звонил с утра? Макс Беренсон! Он сообщил, что вы дважды связывались с ним и задавали очень много вопросов личного характера.

– Я задал Беренсону несколько уточняющих вопросов об Алисии. По-моему, он не возражал.

– Зато сейчас очень даже возражает! И квалифицирует ваши действия как преследование!

– Ну вы же понимаете...

– Нам сейчас только судебного иска от Макса Беренсона не хватало! Больше никакого превышения полномочий! Каждый шаг будете согласовывать со мной! Ясно?

Внутри меня все кипело, но я молча кивнул, мрачно глядя в пол, словно провинившийся подросток. Профессор верно оценил мою реакцию и несколько смягчился.

– Тео, послушайте мудрого старика. – Он потечески потрепал меня по плечу. – Вы идете неверной дорогой. Задаете вопросы, ищете зацепки, как будто это какая-то детективная история... – Диомидис рассмеялся и покачал головой. – Так вы до этого не доберетесь.

– А до чего я должен добраться?

– До истины! Помните, как у Биона: «Никаких воспоминаний, никаких желаний»^[20]? И никакой повестки дня на сеансе. Задача психотерапевта – находиться рядом с пациентом и внимательно следить за своими ощущениями. Это все, что вам нужно делать. Остальное решится само собой.

– Да. Вы правы, – пробормотал я.

– Конечно, прав. И давайте договоримся: я больше не желаю слышать, что вы снова побеспокоили кого-нибудь из родственников Алисии. Хорошо?

– Даю слово.

15

В тот же день я отправился к Полу, двоюродному брату Алисии. В окне поезда показались окрестности Кембриджа – от края до края раскинулись поля, над которыми висело льдисто-голубое небо. Как же хорошо выбраться из Лондона! Небо не такое угнетающее, и дышится легко...

Выйдя из вагона с кучкой студентов и несколькими туристами, я пошел вперед, ориентируясь по навигатору в телефоне. На улицах, окутанных тишиной, мои шаги по асфальту разносились гулким эхом.

Дорога неожиданно закончилась. Дальше начиналась грязная жижа с редкими островками травы, а чуть пониже текла река. На берегу стоял одинокий дом, неуместный, словно какая-то выпуклость из огромных красных кирпичей прямо посреди моря грязи. Жутко уродливый дом в викторианском стиле с заросшими плющом стенами и запущенным садом, в котором царствовали сорняки. Казалось, природа властно возвращает то, что человек у нее когда-то отобрал. В этом доме Алисия родилась и провела первые восемнадцать лет жизни. Здесь сформировалась ее личность. Здесь находятся корни всего того, что произошло с ней во взрослой жизни, – причины всех принятых впоследствии решений. Все это здесь.

Иногда трудно понять, почему ответы на то, что случается с нами в настоящем, необходимо искать в прошлом. Приведу простой пример. Моя коллега-психиатр, крупнейший специалист в области лечения пациентов, склонных к сексуальному насилию, как-то сказала мне, что за три десятка лет работы с педофилами обнаружила, что ее подопечные все до единого в детстве сами стали жертвами подобного преступления. Это вовсе не означает, что каждый подвергшийся насилию ребенок неизбежно превратится в педофила. Зато если в детстве половая неприкосновенность ребенка не была нарушена, во взрослом возрасте он не станет насильником. Плохими не рождаются. Как заметил Уинникотт, «младенец может возненавидеть мать только в одном случае – если та прежде возненавидит собственное дитя».

Новорожденный невинен, это пока еще чистый лист. У младенца имеются лишь базовые потребности: есть, пить, испражняться, а также любить и быть любимым. Но что-то может пойти не так в зависимости от обстоятельств и конкретной семьи, где родился малыш.

Ребенок, который подвергался мучениям и насилию, не в состоянии отомстить обидчикам в реальной жизни, потому что он беззащитен и слаб, но он может – и, скорее всего, будет – плодить в своем воображении фантазии об отмщении. Ярость, как и страх, никогда не возникает без причины.

Что-то случилось с Алисией – возможно, в раннем детстве. И это спровоцировало ее склонность к убийству, которая регулярно проявлялась на протяжении всех последующих лет. Что бы ни подтолкнуло ее, далеко не каждый решится схватить оружие и выстрелить собственному мужу в лицо практически в упор. У большинства людей не хватило бы духу. Поступок Алисии свидетельствует о глубоком разладе в ее внутреннем мире. Вот почему я жаждал выяснить, как жилось Алисии в этом доме; я искал то, что деформировало ее и что превратило в того, кем она стала, – в человека, способного на убийство.

Я брел по саду среди буйной травы и диких вьюнков. Мой путь пролегал вдоль одной из стен дома. За углом я обнаружил огромную плакучую иву – необыкновенно красивое величественное дерево. Его длинные голые ветви склонялись до земли. Я представил, как маленькая Алисия играет возле дерева и оказывается в тайном, волшебном мире, прячась под пышной листвой. На моих губах заиграла невольная улыбка.

И вдруг вся моя легкость испарилась: я ощутил на себе чей-то тяжелый взгляд и, подняв голову, заметил в окне второго этажа уродливую старуху. Она прижалась лицом к стеклу и пристально смотрела на меня. Я поежился от необъяснимого страха.

К сожалению, я услышал шаги позади себя, когда было слишком поздно. Что-то тяжелое обрушилось на мой затылок, разлилась страшная боль, и все померкло...

Я очнулся, лежа на холодной жесткой земле. Первой пришла боль. В голове дико пульсировало, будто череп раскололся надвое. Я осторожно пощупал затылок.

– Крови нет, – слышался голос, – но синяк вам завтра обеспечен. И жуткая головная боль в придачу.

Я поднял глаза. Надо мной с бейсбольной битой в руке склонился Пол Роуз. Он был примерно моего возраста, но выше ростом и шире в плечах. Почти юношеское лицо, копна таких же, как у Алисии, рыжих волос. От него разило виски.

Я попробовал сесть. Не удалось.

– Не торопитесь. Полежите пока, – посоветовал Пол.

– Боюсь, у меня сотрясение мозга.

– Может, и так.

– Какого черта вы это сделали? – возмутился я.

– А чего вы ожидали, приятель? Я принял вас за вора.

– И очень зря.

– Да уж знаю... Я порылся в вашем бумажнике. Оказывается, вы психотерапевт.

Пол извлек из заднего кармана джинсов мой бумажник и бросил мне. Тот шлепнулся мне на грудь, и я убрал его.

– Вы из Гроува?

Я кивнул, и в голове вновь резко запульсировала боль.

– Наверное, узнали, кто я? – проговорил Пол.

– Двоюродный брат Алисии?

– Пол Роуз. – Он дружески протянул мне руку. – Давайте-ка помогу вам подняться.

Пол с удивительной легкостью поставил меня на ноги. Этот парень был силен, как бык!

– Вы меня чуть на тот свет не отправили, – проворчал я, покачиваясь на нетвердых ногах.

– А откуда я знал, что вы без оружия? – Пол пожал плечами. – Вы, между прочим, проникли в частные владения. Вот и получили по заслугам. Кстати, зачем приехали?

– Хотел повидаться с вами. – Я поморщился от боли. – Ох, как я сейчас об этом жалею!..

– Заходите.

Я слишком страдал, чтобы спорить, и покорно двинулся вслед за Полом. Каждый шаг отдавался жуткой пульсацией в голове. Мы вошли в дом через заднюю дверь. Внутри он выглядел таким же неказистым, как и снаружи. Кухню покрывали обои с оранжевым геометрическим рисунком, вышедшим из моды лет сорок тому назад. Потемневшие от старости листы во многих местах отошли от стен, свисали, закручиваясь в спирали, и кое-где почернели, словно начинающая обугливаться бумага. Под потолком в углах виднелась старая паутина с иссохшими трупиками насекомых. На полу серым ковром лежал толстый слой пыли. В ноздри ударил едкий запах кошачьей мочи, и я почувствовал, как к горлу подступил рвотный позыв. Я насчитал в кухне не меньше пяти котов – они спали на стульях и всех горизонтальных поверхностях. На полу валялись открытые целлофановые пакеты, доверху наполненные пустыми консервными банками из-под кошачьей еды. Оттуда шла чудовищная вонь.

– Присаживайтесь, угощу вас чаем. – Пол прислонил бейсбольную битку к стенке возле двери. Я поглядывал на нее. Рядом с ним мне было не по себе. – Держите! – Он протянул надтреснутую кружку с чаем.

– Болеутоляющее в доме есть?

– Где-то валялся аспирин. Надо глянуть... Вот, кстати, средство не хуже! – Роуз помахал бутылкой с

виски и плеснул щедрую порцию в мою кружку с чаем.

Я отхлебнул немного. Напиток получился горячий, приторный и крепкий. Пол неторопливо пил чай и внимательно смотрел на меня. Сразу вспомнился пронизывающий взгляд Алисии.

– Ну и как она? – наконец заговорил он. И, не дожидаясь ответа, продолжил: – Я туда еще не ездил. Отсюда непросто выбраться. Мама болеет, не хочу надолго оставлять ее одну.

– Понятно. Когда вы последний раз видели Алисию?

– Лет сто назад. Мы с ней давно не общались. Я был у них на свадьбе, потом пару раз пересекались... Вот, пожалуй, и всё. Габриэль Алисии шагу не давал ступить. Все контролировал. После свадьбы она перестала звонить. И больше ни разу не приехала. Если честно, мама здорово обиделась.

Я слушал молча. В голове словно работал отбойный молоток, и я едва соображал. Но чувствовал, что он наблюдает за мной.

– Так для чего я понадобился, приятель? – Пол прищурился.

– Собирался задать вам несколько вопросов... об Алисии, о ее детских годах, – с трудом выдавил я.

Понимающе кивнув, мой собеседник налил себе еще виски. Казалось, он немного расслабился. Виски подействовал и на меня: боль слегка притихла, и в голове несколько прояснилось. Главное, не отходить от темы. Не увлекаться лирикой, только факты! И поскорее вон отсюда.

– Вы росли вместе? – задал я первый вопрос.

– Мы с мамой переехали сюда, когда умер отец. Мне было восемь или девять. Думали, что ненадолго, а потом мать Алисии погибла в аварии, и моя мама осталась тут, чтобы присматривать за Алисией и дядей Верноном.

– Вернон Роуз – отец Алисии?

- Ага.

- Он умер здесь несколько лет назад, так?

- Да. - Пол нахмурился. - Покончил с собой. Повесился на чердаке. Я его и обнаружил.

- Ох, какой ужас...

- Да уж, приятного мало. Алисия страшно переживала. Полагаю, тогда мы с ней и виделись последний раз. На похоронах дяди Вернона. Она паршиво выглядела... Еще виски?

Я попытался отказаться, однако Пол, продолжая рассказ, налил в мою чашку новую порцию.

- Между прочим, я не верю, что она грохнула Габриэля. По-моему, это полный бред.

- Почему?

- Алисия никогда не была *такой*. Не было в ней злобы.

«Зато теперь есть», - подумал я про себя.

- Она так и не заговорила? - Пол отхлебнул из кружки.

- Пока нет.

- Странно. Мне казалось, она...

В этот момент этажом выше, прямо над нами, раздался грохот от падения тяжелого предмета, и приглушенный женский голос проговорил нечто неразборчивое.

- Я на минутку! - Пол мгновенно очутился на ногах, быстро подскочил к нижним ступеням лестницы и, задрав голову наверх, громко крикнул: - Мам, ты в порядке?

Сверху слышалось невнятное бормотание.

- Что? Ну ладно. Сейчас! - Он хмуро посмотрел на меня. - Мама хочет, чтобы вы поднялись к ней.

Пол громко топал на второй этаж, вздымая со ступеней облака пыли. Я потихоньку шагал вслед за ним. Ноги слушались лучше, но от ходьбы слегка потемнело в глазах.

Наверху возле перил лестницы стояла Лидия Роуз. Именно ее безобразное лицо я увидел в окне второго этажа. По плечам старухи свисали длинные седые космы, напоминающие паутину. Лидия весила целую тонну: раздувшаяся шея, мясистые предплечья, распухшие ноги, будто стволы деревьев. Старуха грузно опиралась на палку, которая опасно гнулась, едва выдерживая чудовищный вес.

– Кто это? – обращаясь к сыну, но не сводя с меня глаз, сварливым голосом громко спросила она. И снова этот жуткий, леденящий душу взгляд, как у Алисии.

– Мам, только не волнуйся. Это просто лечащий врач Алисии. Он приехал из клиники, чтобы пообщаться со мной, – спокойно ответил Пол.

– Что ему от тебя нужно? Что ты натворил?

– Он хочет поговорить об Алисии. Вот и всё.

– Да ведь это журналист, придурок ты эдакий! – Голос Лидии сорвался на визг. – Гони его в шею!

– Нет, не журналист. Я видел его документы. Мам, все хорошо. Давай я помогу тебе прилечь.

Необъятная старуха со злобным ворчанием позволила увести себя в спальню. Пол кивком пригласил меня следовать за ними.

Лидия обессиленно откинулась на подушки. Кровать жалобно скрипнула под ее тяжестью. Роуз поправил подушки. В ногах Лидии клубочком свернулся дряхлый кот. Я не видел более уродливого кошки: вся голова в старых боевых шрамах, местами проплешины, одно ухо отгрызено. Это чудовище еще и порывивало во сне.

Я потихоньку осмотрелся. Повсюду в комнате валялся хлам: стопки выцветших от старости журналов и пожелтевших газет, кучи старого тряпья. У стены

виднелся кислородный баллон, на прикроватном столике стояла коробка из-под печенья, битком забитая различными упаковками таблеток. Я чувствовал на себе враждебный взгляд Лидии. Ее глаза не оставляли сомнений в диагнозе: старуха душевно больна.

– Что ему нужно? – Глаза Лидии заматались по мне сверху вниз и обратно. – Кто это?

– Мам, я тебе уже говорил, – терпеливо объяснял Пол. – Это психотерапевт Алисии. Он хочет узнать о ней побольше, чтобы назначить верное лечение.

Старуха прочистила горло и смачно плюнула на пол у моих ног, ясно давая понять, какого она мнения о психотерапевтах.

– Мам, ну пожалуйста... – застонал Пол.

– Заткнись! – Лидия смотрела на меня с ненавистью. – Зря Алисию упекли в психушку!

– Интересно, а куда ее надо поместить? – отозвался я.

– В тюрьму! – рявкнула Лидия. – Хочешь узнать побольше об Алисии? Я сейчас тебе расскажу. Маленькая дрянь! С самого детства росла гадиной!

В голове снова запульсировало. А Лидия продолжала, постепенно распаляясь:

– Мой несчастный брат Вернон так и не смог пережить смерть Евы. Я заботилась о нем. И об Алисии. И ты думаешь, я получила от нее хоть каплю благодарности?!

Мнение Лидии было понятно. Мой ответ не требовался.

– Знаешь, чем эта сучка мне отплатила? – Старуху прямо трясло от злости. – Что она сделала со мной?

– Мам, пожалуйста...

– Захлопни пасть, идиот! – Лидия снова повернулась ко мне; ее голос буквально сочился ядом. – Эта тварь *нарисовала* меня! Намалевала мой портрет, не сказав мне ни слова! Не спросив разрешения! Я отправилась на

ее выставку, а там висит эта мерзость! Ни вкуса, ни красоты. Пошлая карикатура!

Лидия задыхалась от эмоций, и Пол не на шутку встревожился.

– Думаю, пора заканчивать. Отправляйтесь-ка вы лучше домой, приятель. Маме вредно волноваться, – хмуро проговорил он.

Лидия Роуз однозначно была не в себе. Я молча кивнул Полу и с радостью выбрался из мрачного дома.

Я возвращался на станцию с огромной шишкой на затылке и жуткой головной болью. Досадная потеря времени. Я не выяснил абсолютно ничего нового, за исключением очевидного факта, почему при первой же возможности Алисия уехала из ненавистного дома. В восемнадцать лет я точно так же сбежал от отца. А от кого бежала Алисия? Ответ лежал на поверхности – она рвалась на свободу от гнета кошмарной тетки. Я задумался о портрете Лидии Роуз, который написала Алисия. Старуха назвала картину «пошлой карикатурой». Значит, пришла пора зайти в галерею Жан-Феликса и понять, из-за чего она так бурно возмущалась.

Сидя в вагоне поезда, уносящего меня из Кембриджа, я размышлял о Поле Роузе. Бедный парень! Вынужден жить под одной крышей с настоящим чудовищем... Она использует его как бесплатную рабочую силу. Ужасная, одинокая жизнь. Вряд ли у него много друзей. Думаю, и любимой девушки нет. Честно говоря, я не удивился бы, узнав, что Пол все еще девственник. Несмотря на огромный рост и недюжинную физическую силу, в нем чувствовалось что-то чахлое, разлаженное.

Лидия вызвала у меня мгновенное и сильное отторжение – возможно, она слишком напоминала моего отца. Если б я не уехал, то сейчас наверняка превратился бы в подобие бедолаги Пола. Если б я

остался в родительском доме в Суррее, отдавшись на волю деспотичного безумца...

Всю дорогу до Лондона я был очень подавлен. Грустным, уставшим, готовым разрыдаться. Не знаю, переживал ли я уныние Пола или свое собственное...

18

Вернувшись, я не застал Кэти дома. Открыв ее ноутбук, попробовал зайти в почту. Тщетно: страница была закрыта. Я допускал, что Кэти не повторит такой ошибки. Неужели я опущусь до взламывания ее почты, стану с маниакальной методичностью подбирать пароль? Нет. Я прекрасно отдавал себе отчет в том, что превратился в пресловутого ревнивого мужа. По злой иронии судьбы, Кэти как раз репетировала роль Дездемоны в постановке «Отелло».

И почему я не догадался переправить злополучные письма себе? Тогда у меня появилось бы письменное свидетельство ее неверности. Я допустил непростительную ошибку. Тогда я стал припоминать, что видел в тот вечер и видел ли вообще. После солидной порции марихуаны я едва соображал. Правильно ли я понял содержание писем? Я поймал себя на том, что пытаюсь притянуть за уши любые теории, лишь бы доказать невиновность жены. Вдруг это было сценическое упражнение? Может, она так входила в роль? А если я зря паникую и она так готовится к «Отелло»? Помню, перед премьерой спектакля «Все мои сыновья» по Артуру Миллеру Кэти целых шесть недель заставляла себя говорить с американским акцентом... Вдруг и сейчас... Вот только в письмах стояла подпись «Кэти», а не «Дездемона». Жаль, что эта история мне не приснилась. Вот бы проснуться и забыть случившееся, будто ночной

кошмар... Увы, я прочно увяз в страшном болоте недоверия, бесконечных подозрений и страхов.

Внешне наша с Кэти совместная жизнь оставалась такой же безоблачной. По воскресеньям мы по-прежнему гуляли и ничем не отличались от любой другой парочки в парке. Возможно, паузы в нашем разговоре затягивались чуть дольше обычного, но они не вызывали чувства неловкости. Пока мы молча бродили по парку, я мысленно вел сам с собой ожесточенный спор, в миллионный раз повторяя одни и те же вопросы. Зачем она сделала это? Как же она могла?.. Как можно клясться в любви, выйти замуж, трахаться со мной и жить под одной крышей – и одновременно год за годом нагло врать мне в лицо?! Когда начался роман с тем мужчиной? Любит ли она его? Собирается ли уйти к нему?

Несколько раз, пока Кэти принимала душ, я просматривал текстовые сообщения в ее телефоне, однако ничего криминального не нашел. Либо новые сообщения от того мужчины больше не приходили, либо жена их стерла. Может, Кэти немного невнимательна, но уж точно не глупа. Я мог никогда не узнать правды. Просто не поймать жену на этом... Может, было бы лучше, если бы не поймал?

– У тебя все хорошо? – удивленно спросила Кэти, когда мы вечером после прогулки сидели на диване.

– В смысле?

– Не знаю. Ты какой-то выпотрошенный.

– Сегодня?

– Не только. Вообще в последнее время.

– Много работы. Видимо, устаю. – Я старался не смотреть Кэти в глаза.

Она кивнула и сочувственно сжала мне руку. Отличная актриса! Я почти поверил, что ей не все равно.

– Как твои репетиции? – для вида поинтересовался я.

– Наметился прогресс. Тони внес пару дельных предложений. Придется на следующей неделе поработать сверхурочно, чтобы все их учесть.

– Ясно.

Я больше не верил ни одному ее слову. Я анализировал каждую ее фразу, словно на сеансе с пациенткой. Я пытался читать между строк, нащупывая скрытые зацепки вроде нетипичной интонации, размытых формулировок или недомолвок.

– Как Тони?

– Нормально. – Кэти пожала плечами, давая понять, что Тони ей неинтересен.

Откровенная ложь. Кэти практически молилась на Тони, без умолку говорила о нем, хотя в последнее время почему-то перестала упоминать это имя. Раньше она захлеб пересказывала их беседы о пьесах и актерской игре – о далеком для меня театральном мире. Я слышал о Тони почти каждый день, но видел его лишь единожды, мельком, когда встречал Кэти после репетиции. Мне тогда показалось странным, что она нас не познакомила.

Тони был женат на актрисе. По-моему, Кэти ее недолюбливала. Возможно, супруга Тони злилась на Кэти из ревности, как злился я. Помню, предложил выбраться куда-нибудь на обед с Тони и его женой, но Кэти моя идея почему-то не впечатлила. Мне уже тогда показалось, будто она пытается держать нас с Тони подальше друг от друга.

Я смотрел, как она открывает свой ноутбук, расположив экран вне моего поля зрения. Ее пальцы отбивали по клавиатуре быструю дробь. Интересно, кому она пишет? Тони?

– Чем занята? – Я делано зевнул.

– Решила черкнуть пару строк двоюродной сестре. Она сейчас в Сиднее.

– Надо же! Передавай от меня привет.

– Обязательно.

– Пойду приму ванну, – чуть позже сообщила она, закрывая ноутбук.

– Хорошо. – Я кивнул.

– Дорогой, ты прямо совсем скис. – Кэти смотрела на меня с удивлением. – Ты точно в порядке?

Я снова кивнул с вымученной улыбкой. Кэти вышла из комнаты. А я, дождавшись хлопка двери ванной и шума воды, скользнул туда, где сидела она, схватил ноутбук, дрожащими от волнения руками открыл крышку и зашел в Интернет. Открыл ее браузер. Увы, Кэти вышла из почты. Я захлопнул крышку ноутбука с отвращением. Пора остановиться! Эдак можно и с ума сойти. Или я уже сошел с ума?

Позже вечером я снимал покрывало с кровати, собираясь ложиться, и тут в спальню вошла Кэти с зубной щеткой в руке.

– Чуть не забыла! На следующей неделе в Лондон приезжает Николь, – прощепетала она.

– Николь?

– Ну ты же ее помнишь! Мы ходили на ее прощальную вечеринку.

– Ах да... Она же вроде уехала в Нью-Йорк.

– Да. А теперь возвращается! – Пауза. – И предлагает встретиться в четверг... в четверг вечером, после репетиции.

Не знаю, что именно показалось мне подозрительным: может, то, что Кэти смотрела в мою сторону, но избегала встречаться взглядами. Я чувствовал, что она врет, однако не подал виду. Я промолчал. Кэти тоже ничего не добавила и удалилась в ванную. Я слышал, как она сплевывает пасту и прополаскивает рот.

С другой стороны, я мог ошибаться, и Кэти действительно собиралась в четверг вечером встретиться с Николь. Возможно. Существовал лишь один способ узнать наверняка.

19

На сей раз очереди в картинную галерею не было. Ровно шесть лет назад, день в день, я приходил сюда, чтобы увидеть знаменитую «Алкесту». Теперь в витрине красовался постер картины другого художника, вероятно, тоже талантливого. Но ему сильно не хватало известности, которая могла превратиться в скандальную славу, что так привлекает толпы зрителей.

Войдя в галерею, я зябко поежился – здесь было даже холоднее, чем на улице. Но дело было не только в температуре. Сама атмосфера галереи отдавала холодом: старые металлические балки, голый цементный пол. Бездушно. Пусто.

Управляющий галереей сидел за столиком. Заметив меня, он поднялся. Жан-Феликс Мартен выглядел лет на сорок с небольшим. Приятная внешность, почти черные глаза, темные волосы, обтягивающая футболка с красным черепом. Я представился и рассказал о цели визита. К моему изумлению, Жан-Феликс с радостью заговорил об Алисии. В его речи слышался небольшой акцент.

– Вы, случайно, не француз? – полюбопытствовал я.

– Я родом из Парижа, а здесь живу со времен студенчества, уже лет двадцать. И теперь ощущаю себя скорее британцем. – Жан-Феликс улыбнулся и сделал приглашающий жест в сторону комнаты позади себя. – Давайте присядем, и я угощу вас кофе.

– Благодарю.

Я проследовал за ним в кабинет, который, по сути, являлся складом. Вдоль стен стояло множество прислоненных друг к другу картин, занимавших почти все пространство.

– Как дела у Алисии? – спросил Жан-Феликс, возясь с очень сложной на вид кофейной машиной. – По-прежнему молчит?

– Да. – Я кивнул.

– Грустно. – Он тяжело вздохнул. – Садитесь, пожалуйста. Что бы вы хотели узнать? Постараюсь ответить честно. – Жан-Феликс ухмыльнулся, изучающе глядя на меня. – Хотя я не совсем понял, для чего вам понадобился.

– Вы с Алисией были весьма близки. И не только в рамках профессиональных интересов...

– Кто вам такое сказал?

– Макс Беренсон, брат Габриэля. Он и посоветовал встретиться с вами.

– О, так вы общались с Максом? Страшный зануда. – Жан-Феликс скривился.

– Вы его знаете? – Я не смог удержаться от смеха при виде забавной гримасы собеседника.

– Да. И, к сожалению, довольно хорошо. – Он вручил мне небольшую чашку с кофе. – Мы с Алисией действительно были близки. Очень. Наше знакомство состоялось много лет назад, задолго до того, как она встретила Габриэля.

– Надо же!

– Мы вместе учились в художественном училище. А по окончании вместе начали работать.

– То есть вы создавали совместные полотна?

– Не совсем, – рассмеялся Жан-Феликс. – Мы расписывали стены зданий.

– Вот оно что. – Я с улыбкой кивнул.

– Как выяснилось, расписывать стены у меня получалось лучше, чем рисовать картины. Художника из

меня не вышло, зато Алисия вскоре начала делать грандиозные успехи. И с появлением галереи я, естественно, стал выставлять ее работы. Все произошло само собой.

– Понятно. А Габриэль?

– А что Габриэль?

Жан-Феликс сразу напрягся. Сработала защитная реакция. Ага, значит, тут наверняка кроется что-то важное...

– Ну я хотел бы уяснить для себя, как Габриэль вписался в ваш сплоченный дуэт. Полагаю, вы хорошо его знали?

– Не особенно.

– Нет?

– Нет. – Жан-Феликс поколебался секунду. – Габриэль не рвался со мной дружить. Он был... довольно эгоцентричен.

– Похоже, он вам не нравился.

– Верно. Думаю, я ему тоже. Даже уверен.

– Почему вы так уверены?

– Понятия не имею.

– Вероятно, Габриэль ревновал?

Жан-Феликс не спеша отпил глоток кофе.

– Да, скорее всего.

– И, наверное, видел в вас соперника? – не унимался я.

– По-моему, вы уже и так все знаете.

Я понял намек и сменил тему:

– Смею предположить, вы виделись с Алисией незадолго до гибели Габриэля, верно?

– Да. Я ездил к ней домой.

– Не могли бы вы чуть подробнее рассказать о той встрече?

– Приближалось открытие выставки, а Алисия не успевала закончить работу. И очень нервничала, что логично.

– На тот момент вы еще не видели картины, предназначенные для выставки?

– Нет. Алисия все никак не могла выделить день, чтобы показать их. И поэтому я решил приехать сам. Сначала заглянул в мастерскую в дальнем конце сада, но Алисии там не оказалось...

– Интересно.

– Я обнаружил ее в доме.

– Простите, как вы туда вошли?

Мой вопрос застал Жан-Феликса врасплох. Он быстро прикидывал в уме, что ответить.

– Ах да! Сейчас объясню. В дальнем конце сада есть калитка, которая ведет на улицу. Алисия ее очень редко запирала. А из сада я через черный ход вошел в дом, на кухню. Дверь черного хода тоже всегда незаперта... Знаете, вы больше похожи на детектива, чем на психиатра.

– Я психотерапевт, – мягко поправил я.

– А есть разница?

– Я всего лишь пытаюсь лучше понять душевное состояние Алисии. Что вы можете сказать о ее настроении в тот день?

– Она вела себя как обычно. – Жан-Феликс пожал плечами. – Ну, может, немного волновалась из-за выставки.

– И всё?

– Ее внешность и поведение никак не указывали на то, что через несколько дней она застрелит мужа, если я правильно понял ваш вопрос. – Жан-Феликс допил кофе, и тут ему в голову явно пришла неожиданная мысль: – Хотите взглянуть на некоторые из ее картин? Пойдемте! – Он быстро направился к двери, не дожидаясь меня, и взмахом руки пригласил за собой.

Я последовал за Жан-Феликсом в основное хранилище. Он подошел к огромному стеллажу, извлек оттуда одну за другой три завернутые в покрывала картины и закрепил на рельсе, оборудованном специальными крюками. Затем осторожно убрал с каждого холста защитную ткань.

– Вуаля! – И отступил в сторону, гордо представляя мне первую из картин.

Я увидел изображение, выполненное с типичной для Алисии фотографической реалистичностью. На холсте с точностью до мельчайших деталей была запечатлена авария, в которой погибла ее мать. Тело женщины безвольно лежит на руле. Она вся в крови. Не возникает сомнений: женщина мертва. Ее душа в виде большой птицы с желтым оперением, отделившись от тела, устремляется ввысь, к небесам.

– Ну разве не шедевр? – тихо произнес Жан-Феликс, глядя на картину. – Потрясающие цвета: желтый, красный, зеленый... Я прямо тону в этой радуге. Здесь столько радости...

Я бы не выбрал слово «радость». Возможно, «тревога»? Я не был уверен в своих чувствах относительно этой картины.

Мы перешли ко второй работе: Иисус на кресте, если я верно интерпретировал увиденное.

– Это Габриэль. Невероятное сходство, – прокомментировал Жан-Феликс.

На холсте и вправду оказался портрет Габриэля, которого Алисия изобразила в виде распятого на кресте Христа: из ран текут алые струйки, на голове терновый венец. Глаза не были опущены. Наоборот, они смотрели прямо на зрителя – немигающие, полные муки и безмолвного упрека. Они прожигали насквозь. Я подошел чуть ближе. Меня заинтересовал необычный предмет, привязанный к торсу Габриэля, – винтовка.

– Из этого оружия его и убили? – спросил я.

– Да. – Жан-Феликс кивнул. – По-моему, винтовка принадлежала Габриэлю.

– Алисия написала картину до убийства, верно?

– Примерно за месяц до трагедии. Пытаетесь определить, что творилось у нее в голове? – проговорил Жан-Феликс, показывая мне третью картину.

Третий холст был больше остальных.

– Эта – вообще нечто невероятное. Отступите немного назад, чтобы лучше видеть, – посоветовал он.

Я послушно отошел на несколько шагов, а потом взглянул на картину – и невольно усмехнулся. Передо мной висел портрет тетки Алисии, Лидии Роуз. Теперь стало очевидно, что именно так возмутило Лидию: нагая тучная женская фигура возлежала на крошечной кровати, прогнувшейся под огромным весом. Алисия изобразила тетку чудовищно, гротескно толстой. Жирная плоть изливалась из кровати и текла по полу, заполняя комнату, струилась и завертывалась, словно волны заварного крема.

– Господи, – выдохнул я. – Жестоко.

– А по-моему, очень забавно. – Жан-Феликс взглянул на меня с любопытством. – Вы знакомы с Лидией?

– Да, недавно я к ней наведался.

– Ясно. Вы аккуратно выполняете домашнее задание... А я ни разу не видел Лидию. Кстати, Алисия ее ненавидела.

– Да. – Я кивнул. – Это понятно по картине.

Жан-Феликс начал осторожно убирать холсты.

– А можно еще раз посмотреть «Алкесту»? – попросил я.

– Конечно. Пойдемте.

Я проследовал за Жан-Феликсом по узкому проходу, и вскоре мы очутились в дальнем конце галереи. Передо мной предстала огромная стена, на которой висела только «Алкеста». По-прежнему прекрасная и загадочная, ровно такая, какой я ее запомнил:

обнаженная Алисия стоит перед мольбертом в своей мастерской. В ее руке кисть с кроваво-красным. Я стал рассматривать ее лицо на холсте. И вновь не смог уловить его выражение.

– Не могу расшифровать! – Я озадаченно нахмурился.

– Все верно. Смысл послания автора – как раз и есть отказ от всякой коммуникации. Эта картина – о молчании.

– Не совсем вас понимаю, – проговорил я.

– В любом произведении искусства кроется тайна. Молчание Алисии и есть ее секрет. Ее мистерия, в религиозном смысле. Вот почему она назвала картину «Алкеста». Вы читали Еврипида?

Я удивленно воззрился на Жан-Феликса.

– Нет? – догадался он. – Обязательно прочтите, тогда вы все поймете.

Я кивнул – и вдруг случайно увидел на холсте то, чего раньше не замечал. И склонился поближе, чтобы рассмотреть. На столе, на заднем плане картины, была изображена миска с фруктами – сбор из яблок и груш. На красных яблоках Алисия нарисовала крошечные белые точки, которые оказались маленькими вертялками червями, копошащимися внутри и поверх фруктов. Я указал на них.

– Это... – не решился договорить я.

– Да, – Жан-Феликс кивнул. – Опарыши.

– Потрясающе. Интересно, что они символизируют, – пробормотал я.

– Блестящая работа. Подлинный шедевр. – Жан-Феликс грустно вздохнул. – Знали б вы Алисию раньше! Я не встречал человека интереснее, – шепнул он, словно та могла нас услышать. – Большинство ведь неживые, понимаете? Бредут, будто во сне, и так всю жизнь... Зато Алисия была потрясающе живой! От этой женщины невозможно было отвести глаз! – Жан-Феликс окинул

долгим взглядом обнаженную фигуру Алисии на холсте. – И невероятно красивой, – едва слышно произнес он.

Я вслед за Жан-Феликсом снова перевел глаза на изображение тела Алисии. Но там, где он усматривал красоту, я видел лишь боль. Видел ужасные раны и шрамы, которые бедняжка пыталась нанести сама себе.

– Алисия когда-нибудь рассказывала о своей попытке самоубийства? – Я спросил наугад, но попал в цель.

– Вы в курсе?.. Конечно, рассказывала.

– После кончины отца, верно?

– Она прямо разваливалась на кусочки. – Жан-Феликс снова кивнул. – Просто не представляла, как жить дальше – не как артист, а как человек. Алисия очень ранима. И когда отца не стало, она не вынесла. Это ее добило.

– Наверное, она очень любила отца...

Жан-Феликс издал сдавленный смешок и изумленно на меня взглянул.

– Вы серьезно?

– Не понял.

– Алисия не любила отца. Она его ненавидела! Презирала!

– Вам так Алисия сказала? – не веря своим ушам, спросил я.

– Конечно! Она возненавидела своего папашу еще в детстве, с того самого дня, как погибла ее мать.

– Зачем же тогда пытаться покончить с собой после смерти нелюбимого отца? Если не из-за горя, то из-за чего? – удивился я.

– Может, из-за чувства вины? Кто знает... – Жан-Феликс пожал плечами.

«Он недоговаривает!» – мелькнуло у меня в голове. Что-то не сходилось. Было во всем этом нечто неправильное.

И тут у галериста зазвонил телефон.

– Простите, – сказал он и отвернулся, чтобы ответить. Я различил, что звонила женщина. Разговор оказался коротким: они с Жан-Феликсом назначили встречу.

– Я перезвоню, детка, – проговорил он в трубку и нажал на кнопку отбоя. – Еще раз прошу прощения.

– Ничего страшного. Ваша девушка?

– Просто подруга, – рассмеялся он. – У меня много друзей.

«Еще бы!» – подумал я и тут же ощутил к Жан-Феликсу легкую неприязнь. Даже не мог объяснить почему.

– Чуть не забыл! Алисия, случайно, не упоминала имя врача? – как бы невзначай поинтересовался я, пока мы шли на выход.

– Врача?

– Ну после попытки самоубийства ее же наверняка осматривал врач... Я пытаюсь его разыскать.

Жан-Феликс задумался.

– Вроде был какой-то врач, – после небольшой паузы произнес он.

– Фамилию не припомните?

Галерист помолчал пару мгновений, затем решительно тряхнул головой:

– Нет. Извините. Честное слово, не помню.

– Если вдруг всплывет в памяти, не могли бы вы связаться со мной?

– Конечно. Но это вряд ли. – Жан-Феликс нерешительно посмотрел на меня и вдруг тихо спросил: – Хотите совет?

– Хочу.

– Чтобы помочь Алисии, дайте ей кисти и краски. Позвольте рисовать. Так – и только так – она заговорит с вами. Посредством живописи.

- Любопытная мысль. Спасибо за совет, мистер Мартен.

- Для вас - Жан-Феликс. Когда увидите Алисию, передайте, что я ее люблю.

Он широко улыбнулся, и я снова почувствовал легкое отторжение. Было в этом человеке что-то... непереносимое. Я не сомневался: он находился в очень близких отношениях с Алисией. Они были знакомы долгое время, и она очень нравилась Жан-Феликсу, но любил ли он Алисию по-настоящему? Верилось с трудом. Я вспомнил, с каким выражением лица Жан-Феликс смотрел на «Алкесту». Да, в его глазах светилась любовь, однако это была любовь к произведению живописи, а не к самому автору. Жан-Феликс благоговел перед искусством. Иначе он навел бы Алисию в Гроуве и не бросил бы ее одну. Это уж точно. Мужчина никогда не оставил бы женщину таким образом - если б любил ее по-настоящему.

21

По пути на работу я зашел в «Уотерстоунз»^[21] и приобрел «Алкесту» Еврипида. В предисловии указывалось, что это самая ранняя из сохранившихся трагедий автора и наименее известная из его работ. Читать начал сразу же, в метро. Прямо скажем, не легкая пьеска. Довольно странное произведение. Главный герой, Адмет, обречен мойрами^[22] на скорую смерть. Однако благодаря заступничеству Аполлона у него появляется шанс избежать преждевременной кончины - нужно лишь послать в царство Аида вместо себя кого-нибудь другого. Адмет пытается уговорить сначала мать, а потом отца пожертвовать собой ради него, но родители категорически отказываются. Сложно

понять, как расценивать поступок Адмета. Не особо героическое поведение, как ни смотри, и древние греки, должно быть, приняли его за дурака. Зато Алкеста, жена Адмета, совсем на него не похожа. Она храбро заявляет, что готова принять смерть вместо супруга. Возможно, Алкеста не ожидала, что Адмет примет ее предложение, но он соглашается и ей не остается ничего другого, кроме как расстаться с жизнью и сойти в царство Аида.

Впрочем, история на этом не кончается. Развязка сделана в классических традициях *deus ex machina*^[23]: неожиданно появляется Геракл, который забирает Алкесту у Аида и победно возвращает ее в мир живых. И она оживает. Адмет до слез тронут воссоединением с супругой, однако переживания той понять практически невозможно: Алкеста хранит молчание. Она больше не говорит. Дойдя до этого места в книге, я чуть не подпрыгнул от изумления. Невероятно!

Еще раз внимательно и не спеша перечитал финал трагедии. Алкеста возвращается из царства Аида. Она снова жива, но не хочет или не может говорить о том, что пережила на том свете. Адмет в отчаянии восклицает, обращаясь к Гераклу: «Так отчего ж она молчит?» Ответа на его горестный вопрос нет. Трагедия заканчивается на том, что Алкесту, не проронившую ни слова, уводят в дом Адмета. Почему? Почему она молчит?

**Из дневника Алисии Беренсон
2 августа**

Сегодня еще больше припекает. Да в Лондоне жарче, чем в Афинах! По крайней мере, в Афинах есть пляж... Сегодня из Кембриджа позвонил Пол. Я не

ожидала услышать его голос. Последний раз мы разговаривали друг с другом несколько месяцев назад. Сначала я подумала, что он собирается сообщить о кончине тети Лидии. Скажу честно, на секунду я даже почувствовала облегчение. Но вскоре поняла, что ошиблась. На самом деле я так и не поняла, что от меня понадобилось Полу. Он все ходил вокруг да около. Я долго ждала, пока Пол перейдет к сути, но этого так и не произошло. Он лишь без конца спрашивал, всё ли в порядке у меня и Габриэля, и бормотал что-то вроде «у Лидии все как всегда».

– Я к вам заеду, – пообещала я. – Сто лет не общались. Давно пора повидаться.

На самом деле мысль о том, чтобы поехать в Кембридж и увидеться с Лидией и Полом, вызывала у меня смешанные чувства. Все закончилось тем, что я решила не ехать. Страшно мучила совесть – но я проигрывала при любом раскладе.

– Надо это исправить, – сказала я. – Я навещу вас как-нибудь. Прости, не могу дольше говорить – выбегаю из дома...

И тут Пол что-то очень тихо проговорил.

– Что? – переспросила я. – Не слышу!

– Я, говорю, попал в беду. Алисия, мне очень нужна твоя помощь!

– Что случилось?

– Это не телефонный разговор. Пожалуйста, давай встретимся.

– Но... я не могу примчаться в Кембридж сию секунду, – заколебалась я.

– Я сам приеду сегодня вечером, идет?

Что-то в голосе Пола заставило меня согласиться не раздумывая. Он был в отчаянии.

– Конечно, приезжай. Хотя бы намекни сейчас, в чем дело!

– Расскажу при встрече. – С этими словами Пол повесил трубку.

Я все утро думала над его словами. Видимо, случилось нечто из ряда вон выходящее, если из всех людей на свете он решил обратиться именно ко мне. Дело в Лидии? Или что-то с домом? Я терялась в догадках.

После обеда я уже не могла сосредоточиться на работе. Конечно, винила жару, однако на самом деле мои мысли были далеки от живописи. Я слонялась по кухне, периодически поглядывая в окна, пока не увидела на улице Пола. Он помахал мне рукой:

– Привет, Алисия!

Первое, что бросилось в глаза, – жуткий вид Пола. Он чудовищно похудел; особенно заметно это было по лицу – просто-таки череп, обтянутый кожей. Он выглядел тощим, как скелет, нездоровым, измученным. И напуганным. Я пригласила его в кухню, где работал переносной вентилятор, и предложила пива. К моему удивлению, Пол попросил чего-нибудь покрепче. С каких это пор он пристрастился к крепкому алкоголю? Я налила ему немного виски. Пол, думая, что я не вижу, долил доверху. Поначалу он ничего не говорил, и некоторое время мы сидели в молчании. А потом снова произнес фразу, которую я слышала по телефону: «Я попал в беду». Я спросила, не связано ли это с домом. Пол удивленно уставился на меня и помотал головой.

– Тогда что?

– Дело во мне, – наконец выдавил он. – Я здорово увлекся азартными играми, и в последнее время счет складывается не в мою пользу.

Оказалось, Пол часто играл, причем уже много лет. Поначалу игра была поводом выбраться из дома – чтобы куда-то идти, что-то делать, хоть как-то развлекаться. Я не могла его винить: у живущих с Лидией источники радости очень ограничены. Он проигрывал все больше и

больше, и теперь дело зашло слишком далеко. Пол начал снимать деньги со счета в банке, который имелся у него на черный день, хотя снимать там и так было нечего.

– Сколько тебе нужно? – прямо спросила я.

– Двадцать кусков.

Я не могла поверить своим ушам.

– Ты проиграл двадцать тысяч?

– Не сразу. Я перезанимал у других людей, и теперь они требуют вернуть долг.

– У каких людей?

– Если я не отдам деньги, все будет очень плохо.

– Ты матери говорил?

Ответ на свой вопрос я знала заранее. Пол – разгильдяй, но не идиот.

– Нет, конечно, – подтвердил он мою догадку. – Мама меня прибила бы... Алисия, выручай! Собственно, за этим я и приехал.

– Но я не располагаю такой суммой, Пол.

– Я все верну, – заныл он. – Сейчас вся сумма и не нужна. Дай хотя бы немного.

Я ничего не ответила, и он продолжал уговаривать. Как выяснилось, «они» собирались прийти за первой выплатой сегодня же вечером, и Пол просто не мог вернуться домой с пустыми руками. Он умолял одолжить любую сумму, хоть сколько-нибудь. Я растерялась. С одной стороны, я хотела помочь Полу, но в то же время осознавала, что эту проблему надо решать по-другому. Я также понимала, что нельзя говорить тете о его финансовых проблемах. Как бы я сама поступила на месте Пола? Неизвестно, что хуже – встретиться лицом к лицу с крепкими ребятами, вышибающими долги, или испытать на себе гнев Лидии.

– Я выпишу тебе чек, – решила я.

Пол униженно благодарил, повторяя «Спасибо! Спасибо!». Я выписала чек на две тысячи фунтов с

выдачей наличных предъявителю. Наверняка Пол рассчитывал на большее, но я никогда не попадала в подобные передраги. И мне почему-то не очень верилось в его историю. Что-то в его рассказе отдавало фальшью.

– Может, я смогу одолжить больше, сначала надо поговорить с Габриэлем. А вообще, будет лучше, если мы с тобой придумаем, как выпутаться из этой неприятности по-другому. Брат Габриэля – юрист. Думаю, он...

– Нет! – Пол подскочил, как ужаленный. – Нет! Нет! Только не говори Габриэлю! Не вмешивай его сюда! Умоляю! Я сам справлюсь! Я справлюсь!

– А Лидия? Тебе следовало бы...

Пол отчаянно замотал головой и быстро выхватил чек. Взглянув на сумму, явно расстроился, однако вслух ничего не сказал и вскоре уехал.

После встречи у меня на душе остался нехороший осадок, будто я подвела Пола. Это чувство постоянно возникало по отношению к нему, с самого детства. Я жила с его ожиданиями, которые не могла удовлетворить. Пол хотел от меня материнской заботы. Он так и не понял, что я не из тех, кто может заменить мать.

Когда Габриэль вернулся домой, я все ему рассказала. И, конечно, он здорово разозлился. Мол, я не должна была давать Полу ни гроша: я ничего ему не должна и не обязана нести за него ответственность. Понимая, что Габриэль прав, я все равно не могла избавиться от чувства вины. Мне удалось сбежать из дома, от Лидии, а Полу – нет. Он так и остался там, словно в ловушке, маленьким восьмилетним мальчиком. Я хочу помочь ему, но как?

6 августа

Весь день я рисовала, экспериментируя с фоном для картины с Иисусом. Набрасывала эскизы с фотографий, которые мы с Габриэлем сделали в Мексике, – красная потрескавшаяся земля, темные сухие остовы колючих кустарников, – пытаюсь уловить ощущение невероятной жары, крайней обезвоженности... Неожиданно до моих ушей донесся голос Жан-Феликса, зовущего меня по имени. В первое мгновение я хотела не отвечать и притвориться, что меня нет дома. Затем щелкнул замок калитки, и я поняла – поздно. Высунулась из окна. По саду шагал Жан-Феликс.

– Привет, малышка! – Он заулыбался. – Не помешаю? Трудисься?

– Вообще-то, да.

– Отлично, отлично! Так держать! До открытия выставки всего шесть недель, а ты дико выбилась из графика. – Жан-Феликс расхохотался своим противным смехом. Видимо, эмоции отразились на моем лице, так как он тут же добавил: – Шучу, шучу! Я над душой стоять не буду.

Я молча вошла в мастерскую, а Жан-Феликс последовал за мной и, пододвинув к вентилятору стул, с удобством расположился. Затем закурил сигарету, и сизый дым закружился вокруг него в потоке воздуха. Я повернулась к мольберту и взяла кисть. Я работала, а Жан-Феликс всё говорил и говорил. Жаловался на жару – мол, архитектура Лондона, в отличие от Парижа и ряда других городов, не рассчитана на такую экстремальную погоду... Вскоре я перестала вслушиваться. А он все болтал – ныл, восхвалял *себя*, оправдывал *себя*, любовался *собой*, нагоняя смертельную скуку бесконечными излияниями. Он ни о чем меня не спрашивал. Он не был заинтересован во мне. Даже после стольких лет он видел во мне лишь средство к достижению собственной славы, аудиторию для своего шоу.

Возможно, так нельзя говорить. В конце концов, Жан-Феликс – мой друг и всегда был рядом. Просто он одинок. Как и я. Впрочем, я скорее умерла бы в одиночестве, чем согласилась бы жить с нелюбимым человеком. Вот почему я ни разу не решалась на серьезные отношения до Габриэля. Все это время ждала его – такого настоящего, верного и надежного, в отличие от остальных, полных фальши. Жан-Феликс всегда страшно ревновал. Он пытался (и до сих пор пытается) скрыть это, но я ясно вижу: Жан-Феликс ненавидит Габриэля. Постоянно говорит про моего мужа гадости, уверяет, будто Габриэль не столь талантлив, как я, называет его тщеславным и самовлюбленным. Видимо, Жан-Феликс наивно полагает, что однажды сумеет убедить меня в своей правоте и я паду к его ногам. Ему почему-то не приходит в голову, что с каждым новым глумливым замечанием, с каждой злобной поддевкой он все больше толкает меня к Габриэлю.

Жан-Феликс все твердит о нашей столетней дружбе и вечно припирает меня этими аргументами: «старые добрые времена» и «мы против всего мира». Вряд ли он догадывается, что «владеет» той самой частью моей жизни, которую едва ли можно назвать счастливой. И все мои чувства к нему вызваны лишь понятием давности. Мы словно супруги, которые давно охладели друг к другу. Сегодня я особенно остро почувствовала, насколько Жан-Феликс мне неприятен.

– Прости, я должна работать. Так что, если не возражаешь...

– Выгоняешь? – Его лицо мгновенно приобрело оскорбленное выражение. – Я смотрел, как ты работаешь, с тех самых пор, как ты впервые взяла в руки кисть! Вряд ли я сильно отвлекал тебя, иначе ты давно намекнула бы...

– Вот я и намекаю – прямо сейчас.

Щеки мои пылали. Я начинала злиться и никак не могла совладать с этим. Пыталась рисовать дальше, но руки тряслись. Взгляд Жан-Феликса давил физически. Я прямо слышала, как у него в голове кипела работа: с щелканьем, тиканьем и треском.

– Я тебя расстроил, – наконец произнес Жан-Феликс. – Чем?

– Я уже объясняла. Не стоит заваливаться без предупреждения. Лучше сначала напиши или позвони.

– Не знал, что для встречи с самой близкой подругой требуется получить письменное приглашение.

Повисла пауза. Судя по всему, Жан-Феликс здорово обиделся. Видимо, по-другому не получится. На самом деле я не собиралась так жестко с ним обходиться. Я хотела донести до него это более деликатно, но меня будто прорвало. И что самое смешное – я действительно *хотела* сделать Жан-Феликсу больно. Хотела быть грубой.

– Жан-Феликс, послушай...

– Слушаю.

– Не знаю, как сказать помягче... После выставки надо что-то менять.

– Что ты собралась менять?

– Галерею. Себя.

Брови Жан-Феликса поползли вверх от изумления. Он напоминал маленького мальчика, который вот-вот разрыдается.

– Каждому из нас пора идти своей дорогой, – сказала я, ощущая лишь раздражение.

– Та-а-ак. – Жан-Феликс неторопливо зажег сигарету. – Это тебя Габриэль надоумил?

– Он здесь ни при чем.

– Ну конечно. Он меня терпеть не может!

– Не говори ерунды.

– Габриэль пытается нас рассорить! Я это давно заметил! Он годами строит эти козни и...

– Неправда!

– А как еще объяснить то, что происходит? Почему ты вдруг решила всадить мне нож в спину?

– Зачем ты драматизируешь? Я говорю исключительно о галерее. Это не касается тебя и меня. Мы по-прежнему останемся друзьями и сможем общаться.

– Только сначала я должен написать или позвонить, да? – Жан-Феликс невесело рассмеялся и быстро заговорил, словно спеша вывалить все, что накипело, прежде чем у меня появится возможность вставить слово: – Вот так новости! Я с самого начала свято верил, что у нас особые отношения, а теперь ты одним махом все разрушила. Имей в виду, никто не позаботится о тебе так, как я. Никто!

– Жан-Феликс, да что ты такое говоришь!

– Поверить не могу, вот так взять и все разрушить...

– Я уже давно хотела тебе сказать.

А вот этого точно не стоило говорить. Он прямо остолбенел.

– Что значит «давно»? И как давно?

– Не знаю. Некоторое время.

– Выходит, с тех пор ты вела двойную игру? Ничего себе! Бог ты мой, Алисия, не нужно это заканчивать вот так! Не отталкивай меня!!

– Не надо драматизировать. Мы всегда будем друзьями.

– Давай сменим тему. Знаешь, зачем я сюда пришел? Хотел пригласить тебя в пятницу вечером в театр. – Жан-Феликс извлек из нагрудного кармана пиджака два билета в Национальный театр на трагедию Еврипида и показал их мне. – Пойдем? Думаю, это более цивилизованный способ расстаться. Только не отказывайся. В память о нашем прошлом.

Я заколебалась. Поход в театр с Жан-Феликсом совершенно не входил в мои планы. Но и огорчать его

еще больше не хотелось. В тот момент я согласилась бы на что угодно, лишь бы Жан-Феликс наконец ушел из мастерской. И я сказала «да».

22:30

Вечером я выложила Габриэлю все, что произошло между мной и Жан-Феликсом. Габриэль заметил, что никогда не понимал нашей дружбы, назвал Жан-Феликса «стрёмным» и заявил, что не в восторге от того, как тот ко мне относится.

– В смысле? – не поняла я.

– Будто ты – его собственность. Советую порвать с его галереей немедленно, не дожидаясь выставки.

– Я не могу так поступить. Уже поздно отказываться. Я не хочу, чтобы он меня ненавидел. Ты даже не представляешь, какой он мстительный.

– Ты боишься Жан-Феликса?

– Нет, но проще будет отдаляться постепенно.

– А по-моему, чем быстрее, тем лучше. Ведь он влюблен в тебя. Надеюсь, ты в курсе?

Тут Габриэль ошибался, однако я не стала спорить. Жан-Феликс больше прикипел к моим картинам, чем ко мне. И это еще одна причина уйти от него. Он совершенно не беспокоится о моем благополучии. Впрочем, в одном Габриэль прав. Я действительно боялась Жан-Феликса.

23

Диомидис оказался у себя в кабинете. Он сидел на табурете возле арфы с золотыми струнами.

– Сказочно красивый инструмент, – заметил я, входя.

– И на нем весьма непросто играть. – Профессор нежно провел пальцами по струнам, и в кабинете раздался каскад звуков. – Хотите попробовать?

Я с улыбкой отрицательно покачал головой.

– Я все спрашиваю, – засмеялся Диомидис. – Вдруг передумаете? Вода камень точит, знаете ли.

– Увы, не могу похвастаться склонностью к музыке. О чем мне еще в школе однозначно заявил соответствующий преподаватель.

– Музыка, как и психотерапия, имеет непосредственное касательство к отношениям. Все зависит от учителя, которого ты выбираешь.

– Полностью согласен. – Я кивнул.

Диомидис посмотрел в окно.

– В этих тучах полно снега, – задумчиво проговорил он, глядя на затянутое темными облаками небо.

– А мне они кажутся дождевыми.

– Я происхожу из очень старого греческого рода, в котором все мужчины испокон веков были пастухами. Поверьте, сегодня вечером пойдет снег. – Профессор отвернулся от окна и устремил на меня внимательный взгляд. – Итак, Тео, я вас слушаю.

– Вот. – Я положил на стол перед Диомидисом экземпляр «Алкесты» Еврипида.

– И что это? – Профессор непонимающе уставился на книгу.

– Трагедия Еврипида.

– Да, я вижу по названию. Зачем вы мне ее показываете?

– Произведение называется «Алкеста». Так же назван автопортрет Алисии, который она написала сразу после убийства Габриэля.

– Ах да! Верно. – В глазах профессора зажегся интерес. – Ассоциирует себя с героиней трагедии?

– Возможно, – согласился я. – Должен признать, я несколько запутался в интерпретации Еврипида. Хочу обратиться к вам за разъяснениями.

– То есть вы решили, раз я грек, значит, должен отлично разбираться в древнегреческих трагедиях? –

Профессор расхохотался.

– Ну в любом случае лучше, чем я.

– Не вижу никакой связи. Это все равно что думать, будто каждый англичанин – знаток Шекспира. – Диомидис снисходительно улыбнулся. – Впрочем, на ваше счастье, в этом Греция сильно отличается от Англии. И каждый грек действительно знает древнегреческие трагедии. В них заключены наши мифы и легенды, наша история, наша кровь...

– Тогда вы сможете помочь мне! – обрадовался я.

Диомидис быстро пролистал «Алкесту» и поднял глаза.

– В чем заключается трудность? – уточнил он.

– Меня озадачивает то, что она не говорит. Алкеста принимает смерть ради спасения мужа и в конце чудом возвращается в мир живых, но почему-то хранит молчание.

– Совсем как Алисия.

– Да.

– Спрашиваю еще раз: в чем трудность?

– Между героиней Еврипида и Алисией явно существует связь, которая ускользает от моего понимания. Почему Алкеста в финале трагедии отказывается говорить?

– И как вы думаете почему?

– Не знаю. Вероятно, Алкесту переполняли эмоции?

– Возможно. И какой эмоции это коснулось прежде всего? – направлял мои рассуждения Диомидис.

– Радости? – предположил я.

– Радости? – Профессор засмеялся. – Тео, подумайте хорошенько. Что бы вы чувствовали на месте Алкесты? Самый близкий на свете человек оказался трусом и обрек вас на гибель. Это же настоящее предательство!

– Хотите сказать, Алкеста была расстроена?

– Тео, вас когда-нибудь предавали?

Вопрос профессора резанул по мне, словно ножом. Щеки запылали. Губы задвигались, но я не смог издать ни звука.

– Увы, да, – грустно улыбнулся Диомидис. – Вот и поведайте, что чувствует Алкеста?

На сей раз я не сомневался в ответе.

– Злость. Ее переполняет злость.

– Именно, – Диомидис кивнул. – И не просто злость, а смертоносная ярость! Остается лишь догадываться, каково им придется в дальнейшей супружеской жизни, Алкесте и Адмету. – Он хмыкнул. – Вернуть однажды обманутое доверие очень трудно.

– А что же Алисия? – спросил я, обретя наконец способность говорить.

– А что с ней?

– Алкесту обрекла на гибель трусость мужа, а Алисия...

– Алисия не умерла. По крайней мере, *физически*. – Диомидис умолк, и окончание фразы повисло в воздухе.

– Я понял! Что-то произошло, и это сломило ее дух! – высказал я догадку. – Алисия перестала ощущать себя живой!

– Возможно.

Но мне этого было мало. Я схватил книгу и уставился на обложку с изображением классической статуи – великолепной женской фигуры, увековеченной в мраморе. В голове пронеслись слова, сказанные Жан-Феликсом.

– Если Алисия «умерла», – медленно проговорил я, – значит, надо вернуть ее в мир живых.

– Верно.

– Я тут подумал: раз искусство служит Алисии языком самовыражения, давайте снабдим ее «голосом»?

– Как именно?

– Позволим рисовать.

- Она уже посещает сеансы арт-терапии. - Диомидис отмахнулся от моих слов, будто услышал прошлогоднюю новость.

- Речь не об арт-терапии. Я хочу, чтобы Алисии позволили творить как она пожелает - в одиночестве и личном пространстве. Необходимо дать ей свободу самовыражения, высвободить ее эмоции. Результат может быть весьма впечатляющим.

Некоторое время профессор помолчал, обдумывая услышанное.

- Вам стоит переговорить с арт-терапевтом Алисии. Вы уже встречались? Ее зовут Ровена Харт. Только имейте в виду, Ровена крепкий орешек.

- Обязательно поговорю с ней. Профессор, вы даете мне зеленый свет?

- Если сумеете убедить Ровену, можете действовать. - Диомидис пожал плечами. - Но я точно знаю: ваша идея ей не понравится. Категорически.

24

- Отличная идея, - улыбнулась Ровена.
- Правда? Вы действительно так считаете?
- Конечно. Правда, есть одно «но»: Алисия не станет сотрудничать.

- Откуда вы знаете?

- Потому что она, - Ровена презрительно фыркнула, - наименее отзывчивая и самая необщительная стерва из всех, кто проходил через мои руки.

- Ого! - вырвалось у меня.

Я последовал за Ровеной в кабинет арт-терапии. Пол, усеянный разноцветными пятнами красок, напоминал работу абстракциониста. На стенах висели картины пациентов - некоторые производили приятное

впечатление, но большинство смотрелось странно. Арт-терапевт была блондинкой, с короткими волосами, вечно хмурящаяся от недовольства и показной усталости, видимо, вызванной множеством пациентов, которые тоже отказывались «сотрудничать». Судя по всему, Алисия стала для Ровены очередным разочарованием.

– Она не участвует в сеансах арт-терапии? – уточнил я.

– Хуже! – отозвалась Ровена, наводя порядок на полке с рисунками. – Я так рассчитывала на Алисию, когда она только присоединилась к группе, делала все, чтобы создать комфортные условия!.. Так нет же – сидит и тупо пялится на чистый лист бумаги! Ничто не способно заставить ее рисовать или хотя бы взять в руки кисть с краской или карандаш. Ужасный пример остальным.

Я сочувственно кивнул. Задача арт-терапии – побудить пациента творить, а потом, что главное, рассказать о своей работе, раскрыв связь с переживаемыми чувствами. Таким образом психотерапевт получает отличную возможность в буквальном смысле увидеть запечатленное на бумаге отражение его бессознательного. Что, в свою очередь, позволяет подумать об этом и поговорить об этом. К сожалению, тонкость данного метода, как всегда, зависит от навыков конкретного психотерапевта. Рут часто говорила, что по-настоящему одаренных и обученных специалистов очень немного – большинство всего-навсего грубые слесари. На мой взгляд, одним из таких «слесарей» и была Ровена. Неудивительно, что поведение Алисии глубоко уязвило профессиональную гордость арт-терапевта.

– Вероятно, занятие живописью причиняет ей душевную боль, – мягко предположил я, стараясь успокоить ее, насколько это было возможно.

– Боль?

– Мастеру такого уровня наверняка тяжело заниматься творчеством, сидя в классе с другими пациентами.

– С какой стати? Потому что она особенная? Видела я ее работы: весьма посредственно. – Ровена скорчила гримасу, будто съела что-то неприятное.

И тут мне стало ясно, за что она невзлюбила Алисию: виной всему была обыкновенная зависть.

– Так может нарисовать любой, – не унималась Ровена. – Чтобы добиться на холсте фотографической реалистичности, много ума не надо. А вот попробуйте передать смысл – это куда сложнее!

Спорить о творчестве Алисии я не собирался и поэтому произнес:

– То есть вы не против, если я заберу трудную пациентку себе?

– Да ради бога, – заверила Ровена, буравя меня глазами.

– Большое спасибо. Я вам очень признателен.

Она поморщилась.

– Имейте в виду: расходные материалы будете покупать сами. Денег на масляные краски мне не выделяют!

25

– Хочу вам кое в чем признаться, – сказал я.

Алисия смотрела в сторону. Я продолжил, внимательно наблюдая за ее реакцией:

– На днях я проходил мимо картинной галереи в Сохо и из любопытства решил зайти. Местный сотрудник любезно показал некоторые из ваших работ. Кстати, он ваш старый друг. Жан-Феликс Мартен.

Я сделал небольшую паузу. Ответа не последовало.

– Только не подумайте, что я вторгаюсь в вашу личную жизнь. Наверное, сначала мне стоило спросить разрешения... Надеюсь, вы не обижаетесь.

По-прежнему никакой реакции.

– В галерее мне показали пару картин, которые я раньше не видел. На одной изображена ваша мама, а на другой – тетя, Лидия Роуз.

Алисия медленно подняла голову и уставилась на меня. В ее глазах появилось новое, не характерное выражение. Неужели изумление?

– Я заинтересовался вашим творчеством не только потому, что захотел увидеть картины своей пациентки; картины затронули меня лично. Они производят очень сильное впечатление.

Алисия опустила глаза. Ей становилось неинтересно. Я быстро добавил:

– Кое-что меня особенно поразило. Например, на картине с аварией изображена ваша мама, однако кое-кого там нет... По какой-то причине вы не нарисовали себя, хотя тоже там были.

Никакой реакции.

– Наверное, вы воспринимаете аварию исключительно как трагедию матери? Потому, что погибла только она? Но на самом деле в машине находилась еще и маленькая девочка. Девочка, чье переживание утраты не было ни слабым, ни в полной мере осознанным.

Алисия подняла голову. Во взгляде читался вызов. Ага, наконец я задел ее за живое!

– Я говорил с Жан-Феликсом о вашем автопортрете, названном «Алкеста». Мы обсуждали смысл, который вложен в картину. И Жан-Феликс посоветовал мне прочесть одну книгу. – С этими словами я положил на стол и пододвинул к Алисии экземпляр «Алкесты» Еврипида.

Алисия перевела глаза на обложку книги.

- «Так отчего ж она молчит?» - восклицает Адмет в финале трагедии. И тот же вопрос я задаю вам, Алисия. О чем не решаетесь заговорить вслух вы? Почему храните молчание?

Алисия прикрыла глаза - сделала так, чтобы я «исчез». Разговор был окончен. Я сверился с часами на стене: время сеанса почти вышло. Оставалась буквально пара минут. И тогда я решил разыграть тщательно приберегаемый козырь.

Надеясь, что голос не выдаст мое волнение, я произнес:

- Жан-Феликс высказал довольно интересную мысль. Он считает, что вам нужно позволить рисовать. Вы бы хотели? Мы можем выделить отдельную комнату, приобретем краски, кисти, холсты...

Веки Алисии дернулись, и она открыла глаза. Как будто только что зажгли свет. Такие глаза бывают у чистых душой детей, которым неведомы подозрения и лукавство. Лицо Алисии порозовело. В один миг она ожила.

- Я уже спросил разрешения у профессора Диомидиса и у Ровены. Они не против. Дело за вами, Алисия. Что думаете?

Я ждал. Она молча смотрела на меня. А потом я наконец заметил знак, который подсказал: я на верном пути. Движение было крошечным, едва уловимым, но для меня значило очень много: губы Алисии изогнулись в легкой улыбке.

Столовая Гроува по праву считалась самым теплым помещением клиники. Вдоль стен располагались отопительные батареи, и ближайшие к ним лавочки занимали быстрее всего. Во время обеда столовая была

битком набита: приходили и пациенты, и персонал. В помещении царил постоянный гул, созданный громкими голосами обедающих, и неуютное возбуждение из-за того, что все пациенты собрались в одном месте.

Работавшие на раздаче две поварихи-карибки смеялись и весело болтали, шлепая на тарелки порции сосисок с картофельным пюре, рыбы с жареной картошкой или цыпленка под соусом карри. Зная, что каждое блюдо пахнет лучше, чем оказывается на вкус, я выбрал меньшее из зол – рыбу с картошкой. Направляясь к свободному столу, прошел мимо Элиф. Она сидела в окружении своей «свиты» – без сомнения, самых трудных пациентов клиники. Она как раз пожаловалась, когда я проходил.

– Я не буду жрать это дерьмо, – прогудела Элиф, отпихивая от себя поднос.

Сидящая справа соседка попыталась забрать поднос, однако великанша вlepила той ощутимый подзатыльник и зарычала:

– Убери клешни, жадная сука!

Остальные за столом подобострастно заржали, а Элиф с жадностью набросилась на свой обед.

В дальнем углу столовой в одиночестве сидела Алисия. Она совершенно без аппетита вяло гоняла по тарелке микроскопический кусочек рыбы, явно без намерения поднести его ко рту и съесть. Я едва не поддался искушению сесть рядом. Может, если б Алисия подняла голову и мы встретились глазами, я бы решился. Но она смотрела куда-то вниз, словно пытаясь отделить свое пространство от пространства окружающих. Я подумал, что она воспримет мое действие как вторжение, поэтому уселся с краю другого пустующего стола, подальше от шумной толпы, и приступил к обеду. Запихнув в рот кусок безвкусной склизкой рыбы, которая оказалась перегретой снаружи и все еще холодной внутри, я мысленно согласился с

оценкой Элиф и уже решил выбросить обед в урну, когда ко мне неожиданно кто-то подсел. Я поднял глаза и с удивлением увидел Кристиана.

– Как дела? Всё в порядке? – спросил он.

– Да. А у тебя?

Кристиан не ответил, тщетно пытаюсь отделить хоть кусочек от порции каменной курятины под соусом карри, намертво облепленной рисом.

– Слышал про твою затею с рисованием, – произнес он с полным ртом.

– Я смотрю, новости разносятся быстро...

– Здесь в особенности. Это твоя идея?

– Да, – после секундного колебания ответил я. – Думаю, это пойдет Алисии на пользу.

– Осторожнее, приятель, – сказал Кристиан, пристально глядя на меня.

– Спасибо за предупреждение, но ничего сверхопасного пока не происходит.

– Просто знай: пациенты с пограничным расстройством – отличные манипуляторы. Ты уже попался, хотя вряд ли осознаешь.

– Алисия не манипулирует мной, Кристиан! – возмутился я.

– Еще как! – расхохотался он. – И ты готов дать ей все что угодно.

– Я пытаюсь дать Алисии лишь то, что ей необходимо. Обрати внимание на разницу.

– А откуда ты знаешь, в чем именно она нуждается? – наседал Кристиан. – Ты слишком идентифицируешь ее с собой, это очевидно. Но пациентка здесь она, а не ты.

Стараясь подавить злость, я взглянул на часы и сухо произнес, вставая из-за стола:

– Мне пора.

– Берегись, Тео, она тебя погубит! – раздался позади голос Кристиана. – И не говори потом, что я не

предупреждал!

Его слова вызвали неприятный осадок, который отравил мне весь остаток дня.

* * *

После работы я отправился в ближайший к Гроуву магазинчик в конце дороги за сигаретами. Вытащив одну, щелкнул зажигалкой и крепко, с наслаждением затянулся. Все это я проделал почти бессознательно. Я не мог выкинуть из головы слова Кристиана, все прокручивал их, пока машины проносились мимо. «Пациенты с пограничным расстройством – отличные манипуляторы». Неужели он попал в точку? И поэтому у меня сразу же испортилось настроение? Действительно ли Алисия пытается мной манипулировать? Кристиан был в этом уверен, и Диомидис наверняка подозревал то же. Правы ли они?

Тщательно проанализировав ситуацию, я пришел к однозначному выводу, что все в порядке. Да, я хочу помочь Алисии, но в то же время в состоянии относиться к ней абсолютно беспристрастно, не терять бдительности, не форсировать события и придерживаться четких границ.

Увы, я жестоко ошибался. Ловушка уже захлопнулась – а я не мог признаться в этом даже самому себе.

* * *

Я связался по телефону с Жан-Феликсом и спросил, не знает ли он, где сейчас художественные материалы Алисии: кисти, краски, холсты.

– Наверное, в хранилище? – уточнил я.

В трубке на некоторое время повисла пауза, а потом Жан-Феликс проговорил:

– Честно говоря, нет. Они у меня.

– У вас?

– Да. После суда я забрал из мастерской все, что представляет художественную ценность: предварительные наброски, блокноты, мольберт, масляные краски. Решил сохранить для Алисии.

– Как благородно с вашей стороны.

– Так вы последовали моему совету? Разрешили ей рисовать?

– Да, – подтвердил я. – Хотя пока неясно, выйдет ли что-нибудь стоящее из этой затеи.

– Что-нибудь точно выйдет. Вот увидите. Прошу об одном – позвольте мне увидеть картины, которые она напишет. – В голосе Жан-Феликса послышалось волнение.

Это были странные, голодные нотки. Перед моими глазами возникло хранилище, холсты Алисии, заботливо укутанные в простыни, словно младенцы. Интересно, Жан-Феликс сохранял картины Алисии действительно для нее – или просто был не в силах с ними расстаться?

– Вас не затруднит доставить материалы в Гроув? – поинтересовался я.

– Ммм... – Жан-Феликс явно растерялся.

Он медлил с ответом. Я почувствовал его страх.

– Если хотите, я могу забрать их сам, – пришел на помощь я.

– Да, да! Спасибо! Отличная идея! – облегченно затараторил он.

Жан-Феликс боялся ехать в Гроув, боялся встретиться лицом к лицу с Алисией. Почему? Что между ними произошло? Что так старательно не желал видеть Жан-Феликс?

– В котором часу ты встречаешься с подругой? – поинтересовался я.

– В семь, после репетиции. – Кэти вручила мне свою чашку из-под кофе. – Вообще-то, подругу зовут Николь.

– Отлично. – Я кивнул, смачно зевая.

– Честно говоря, обидно, что ты не помнишь ее имя! – Кэти бросила на меня колючий взгляд. – Николь – одна из самых близких моих друзей. Ты даже ходил к ней на прощальную вечеринку, черт возьми!

– Да помню я твою Николь... просто забыл, как ее зовут.

– Таблетки для памяти попей! Я – в душ! – крикнула Кэти, выходя из кухни.

Я молча улыбнулся. Значит, в семь вечера.

* * *

Без четверти семь я подошел по набережной Темзы к зданию Национального театра, где у Кэти проходили репетиции, и расположился на скамье через дорогу от театра, спиной к служебному входу: чтобы Кэти не заметила меня, если вдруг выйдет раньше времени. Я то и дело осторожно оглядывался, но дверь служебного входа по-прежнему оставалась закрытой.

В пять минут восьмого дверь наконец-то открылась. Послышались обрывки разговоров и смеха. Артисты труппы по двое или по трое выходили на улицу. Кэти среди них не было. Я ждал. Пять минут. Десять. Поток выходящих иссяк, больше из театра никто не появлялся. Наверное, я пропустил ее. Скорее всего, Кэти вышла до моего прихода. Если только она вообще присутствовала на репетиции...

Неужели она соврала даже об этом? Я вскочил со скамьи и направился к зданию театра. Я должен убедиться. А если она окажется там и увидит меня, что тогда? Надо выдумать какой-то предлог, зачем я сюда пришел. Решил сделать ей сюрприз? Да! Скажу, что хотел пригласить их с Николь в ресторан. А Кэти начнет изворачиваться, на ходу сочиняя очередную нелепицу, мол, «Николь неожиданно приболела, и нам пришлось отменить встречу». И в итоге мы с Кэти проведем еще один вечер некомфортно, вместе, но по одиночке... Очередной вечер в долгом молчании.

Я достиг двери служебного входа, после недолгих колебаний все же потянул за зеленую ржавеющую ручку и вошел внутрь. Я шагал по пустому коридору с гулким цементным полом. Пахло сыростью. Репетиционный зал Кэти находился на пятом этаже (она всегда жаловалась, что каждый день вынуждена карабкаться по бесконечным ступеням), и я стал подниматься по центральной лестнице. Миновав второй этаж, повернул к пролету третьего, и тут с этажа выше до моих ушей донесся голос. Это была Кэти. Она спускалась вниз и говорила по телефону: «Знаю, прости, пожалуйста. Скоро буду! Да, да, пока!» Я замер. Еще пару секунд, и мы неизбежно столкнемся нос к носу. Я промчался по ступеням вниз и юркнул за угол. Кэти прошла мимо, не заметив меня. Вскоре грохнула дверь служебного входа.

Я побежал следом. Кэти быстро шагала в сторону моста. Я пробирался чуть позади, маневрируя между жителями пригорода и туристами, и старался держать безопасную дистанцию. Кэти пересекла мост и спустилась в метро на станцию «Эмбанкмент». Я следовал позади, размышляя, какое направление ей нужно. На поезд она так и не села, а прошла вестибюль станции насквозь и вышла с противоположной стороны. Затем я последовал за ней вдоль Чаринг-Кросс. Постояв

на светофоре, мы друг за другом перешли улицу и направились в Сохо. Я шел по узким улочкам в нескольких шагах позади Кэти. В какой-то момент она повернула направо, потом налево, затем снова направо и вдруг неожиданно остановилась. Мы оказались на углу Лексингтон-стрит. Кэти явно чего-то ждала. Значит, вот где назначена встреча... Удачное место – центр, суэта, анонимность. Помедлив, я спрятался в пабе неподалеку, специально выбрав место у стойки бара, чтобы видеть Кэти, стоявшую через дорогу от паба.

– Слушаю, – неприветливо произнес бармен с косматой бородой.

– «Гиннесс», пинту.

Широко зевнув, он медленно направился в другой конец барной стойки, чтобы налить пива. Я не отрываясь смотрел на Кэти в окно. В пабе я чувствовал себя в безопасности. Снаружи заметить меня было невозможно, даже если бы она вдруг посмотрела прямо в окно. Вскоре так и произошло, и на пару секунд я напряженно замер в полной уверенности, что моя засада раскрыта. По счастью, взгляд Кэти плавно заскользил дальше.

Минуты шли, однако Кэти продолжала стоять на том же месте. А я следил за ней из паба, неспешно потягивая пиво. Тот, кого она ждала, явно не торопился. Кэти не любит, когда опаздывают. Она ненавидит ждать, хотя сама опаздывает регулярно. Я видел, как в Кэти нарастало раздражение: она хмурилась, все чаще смотрела на часы.

Наконец я заметил, что к Кэти направляется мужчина. Он только появился, а я уже рассмотрел и оценил его: мощное телосложение, рыжие волосы до плеч... Удивительно! Кэти всегда утверждала, будто ей нравятся лишь темноволосые мужчины с глазами в точности как у меня. Вероятно, очередная ложь...

Странно: мужчина прошел мимо. Кэти на него даже не взглянула. Вскоре незнакомец пропал из виду. Значит, это не он. По горькой иронии судьбы в тот момент мы с Кэти наверняка думали об одном и том же: неужели ее продинамили?

И вдруг она ожила и заулыбалась, активно замахала рукой куда-то вне моего поля зрения. Ну вот и дождались. Сейчас я его увижу. Я выгнул шею, чтобы поскорее увидеть соперника... В сторону Кэти на высоченных каблуках и в невозможно короткой юбке семенила сексапильная блондинка лет тридцати. Я моментально узнал в ней Николь. Подруги обнялись и поцеловались, а потом медленно пошли, рука в руке, смеясь и щебеча друг с другом. Выходит, Кэти не наврала про встречу с Николь.

Моя реакция на произошедшее оказалась довольно странной. Я должен был облегченно выдохнуть и радоваться, что Кэти сказала правду. Но я не был рад. Я был разочарован.

28

– Ну как? Правда здесь светло? Нравится? – Юрий с гордостью показывал Алисии новую мастерскую.

Именно он предложил переоборудовать пустующее помещение рядом с «аквариумом», и я с радостью согласился. Будет лучше, если Алисия станет работать здесь, чем делить тесный кабинет арт-терапии, особенно учитывая откровенно враждебное отношение Ровены, что только создаст нам трудности. Отныне она сможет уединяться в отдельном пространстве и рисовать, когда ей заблагорассудится, без вмешательств извне.

Алисия осмотрелась. Ее мольберт с чистым холстом уже был распакован и стоял у окна – в самой светлой

части помещения. На столе лежала открытая коробка с масляными красками. Видя, как Алисия шагнула к столу, Юрий обнадеживающе подмигнул мне. Он очень обрадовался идее с мастерской, и я испытывал большую благодарность за его поддержку. Юрий оказался незаменимым помощником и всеобщим любимцем (по крайней мере, пациентов).

– Удачи, дальше уж вы сами, – шепнул он мне и ушел.

Дверь захлопнулась довольно громко. Впрочем, Алисия с головой погрузилась в свой мир: склонившись над столом, она с нежной улыбкой перебирала в коробке тюбики с красками. Взяла колонковые кисти и осторожно провела по ним кончиками пальцев, словно держала в руках хрупкие цветы. Затем открыла три тюбика – прусскую лазурь, индийский желтый, красный кадмий – и, выстроив в аккуратный ряд, повернулась к чистому холсту на мольберте. Она задумчиво смотрела на него. И простояла так довольно долго. Казалось, она впала в транс, замечталась, мысленно унеслась в недоступную мне даль, сбегала, находилась явно за пределами этой маленькой комнатки. А потом внезапно пришла в себя и повернулась к столу. Выдавила на палитру немного белой краски, добавила туда немного красной. Цвета приходилось смешивать кистью, так как ее мастихин, по понятным причинам, тут же конфисковала Стефани.

Алисия поднесла кисть к холсту и сделала мазок. Одинокая красная линия на белом холсте. Алисия оценивающе вглядывалась в нее, а потом нанесла рядом еще мазок. И еще. Вскоре она уже рисовала без остановки совершенно свободными движениями. То, что происходило между Алисией и холстом, было похоже на танец. Находясь там, я наблюдал за формами, которые она создавала, и молчал, едва осмеливаясь дышать. Я понимал, что мне посчастливилось увидеть очень

личный момент, – так дикое животное дает жизнь детенышу. И хотя Алисия знала, что я нахожусь в кабинете, ей это, как мне показалось, не мешало. Пару раз она, словно невзначай, смотрела в мою сторону, и я ловил на себе ее быстрый изучающий взгляд.

* * *

Через нескольких дней изображение на холсте стало обретать понятные очертания. Поначалу грубые и схематичные, они становились все более точными – и на холсте проступил фотореалистичный, чистый блеск.

Алисия изобразила здание из красного кирпича, в котором угадывался Гроув. Клиника была целиком объята пламенем, однако двоим людям удалось спастись: на пожарной лестнице находились мужчина и женщина. В женщине с огненно-рыжими волосами (того же оттенка, что и пламя) я узнал Алисию, а в мужчине – себя. Я нес Алисию в полыхающем здании на руках, а языки пламени лизали мои колени. Честно говоря, для меня осталось загадкой, какое действие запечатлено на картине: спасал я Алисию или, наоборот, собирался бросить в огонь.

29

– Какая нелепость! Я езжу сюда не первый год, и мне впервые заявляют, что нужно сначала позвонить. Я очень занятой человек и не могу торчать тут целый день!

У стойки регистрации стояла американка и громко высказывала Стефани Кларк свое недовольство. Я узнал в ней Барби Хеллман, журналистку, которая в газетах и по телевидению освещала убийство Габриэля. Кроме

того, живя в Хэмпстеде по соседству от Беренсонов, она первой услышала звук выстрелов роковой ночью и позвонила в полицию. Барби представляла собой классическую калифорнийскую блондинку лет шестидесяти пяти (а может, и больше). От нее за километр разило духами «Шанель № 5», а в чертах лица ощущалась неустанная работа пластических хирургов. Имя ей очень шло – эта женщина действительно напоминала вечно удивленную куклу Барби. Чувствовалось, что она привыкла всегда добиваться желаемого. И, конечно, новость, что о визитах в Гроув следует предварительно договариваться по телефону, жутко ее возмутила.

– Пригласите сюда управляющего! – громко потребовала Барби, дополнив свои слова пафосным жестом, будто находилась в ресторане, а не в психиатрической лечебнице. – Это не лезет ни в какие ворота!

– Я управляющий Гроува, миссис Хеллман, – спокойно ответила Стефани Кларк. – Мы уже встречались.

В этот момент мне стало даже немного жаль Стефани. Оказаться лицом к лицу с разбушевавшейся Хеллман – участь незавидная. Барби говорила быстро, безостановочно, не давая собеседнику возможности ответить.

– Раньше вы не говорили, что нужно оговаривать визит заранее. – Она засмеялась наигранно громко. – Честное слово, проще прорваться в «Иви»^[24], чем сюда!

Я подошел к стойке регистрации и, невинно улыбнувшись Стефани, спросил:

– Могу ли я чем-то помочь?

– Нет, спасибо. Я справлюсь. – Стефани кинула в мою сторону раздраженный взгляд.

– А вы, собственно, кто? – Барби оглядела меня с интересом.

– Я – Тео Фабер, психотерапевт Алисии Беренсон.

– Неужели! Как интересно! – оживилась Барби.

Очевидно, наладить контакт с психотерапевтами у нее получалось лучше, чем с администрацией клиники. Отныне журналистка обращалась исключительно ко мне, презрительно «понизив» Стефани до секретарши (что меня немало повеселило).

– Вы тут недавно? Мы еще не встречались, – улыбнулась Барби и, не дав мне и рта раскрыть, продолжила: – Я приезжаю в Гроув каждые пару месяцев. Правда, в этот раз немного задержалась: навещала родню в Штатах. Но как только вернулась, дай, думаю, заеду к Алисии. Я по ней так скучаю! Мы были лучшими подругами.

– Не знал.

– О, мы так дружили! Когда они с Габриэлем переехали, я помогла им освоиться на новом месте. Мы с Алисией по-настоящему сблизились. У нас не существовало друг от друга никаких тайн!

– Понятно.

В холле появился Юрий, и я подозвал его к нам.

– Миссис Хеллман приехала навестить Алисию, – сообщил я.

– Зовите меня Барби, молодой человек. – Журналистка кокетливо улыбнулась. – Мы с Юрием старые друзья. Он меня давно знает. Только вон та дама... – Она пренебрежительно махнула рукой в сторону Стефани, которая, воспользовавшись паузой в речи Барби, наконец-то получила возможность заговорить.

– Прошу прощения, миссис Хеллман, но со времени вашего прошлого визита, который состоялся год назад, правила посещения Гроува изменились. Мы ужесточили

требования безопасности. Отныне о посещении пациентов необходимо договариваться заранее...

– О боже, вы хотите начать все снова?! – взорвалась Барби. – Если я еще раз услышу про новые правила, то закричу! И без того жилось несладко!

Стефани сдалась, и Юрий повел Барби в отделение. Я пошел следом. Комната для посетителей выглядела просто. Окон в помещении не было, из мебели – лишь стол да пара стульев, с потолка лился болезненно-желтый свет люминесцентной лампы. Прислонившись спиной к дальней стене, я наблюдал, как Алисия в сопровождении двух медсестер входит в дверь. При виде Барби на лице Алисии не выразилось никаких эмоций. Она прошла к столу и села на один из стульев, даже не взглянув на посетительницу. Реакция Барби оказалась гораздо более яркой.

– Алисия, дорогая, я по тебе страшно скучала! Боже, как ты исхудала! От тебя скоро ничего не останется! Я прямо завидую! – громко тараторила Барби. – Ну как ты? Тут у вас прямо дракон на входе сидит! Я еле прорвалась...

Она говорила и говорила без остановки, рассказывая в подробностях о своей поездке в Сан-Диего к матери и брату. Алисия молча сидела с застывшим лицом, словно маска – верна себе, ничего не выражает. Примерно через двадцать минут (милосердно по отношению к слушающим) монолог журналистки закончился. Алисию, с таким же пустым выражением лица, увел Юрий.

Я остановил Барби у выхода из клиники:

– Можно вас на пару слов?

Журналистка как будто ждала, когда я к ней подойду.

– Хотите поговорить со мной об Алисии? Меня вечно ловят на выходе, чтобы начать задавать идиотские вопросы. А полицейские даже слушать ничего не

захотели. Какой непрофессионализм! Алисия всегда со мной делилась. Она *такое* рассказала – вы бы *в жизни не поверили!* – Барби намеренно сделала акцент на последней фразе, дополнив ее многозначительным взглядом.

– А поподробнее? – спросил я.

Прекрасно понимая, что разожгла мое любопытство, Барби загадочно улыбнулась.

– Давайте не здесь. Сейчас мне нужно спешить, я ужасно опаздываю. Жду вас у себя сегодня вечером, часов, скажем, в шесть, – сказала она, набрасывая шубку.

Перспектива поездки к Барби Хеллман домой совсем не радовала – я искренне надеялся, что Диомидис останется в неведении относительно очередного акта моей самостоятельности. Однако выбора не было: я твердо решил выяснить, что именно знает Барби.

– Диктуйте адрес. – Я вымученно улыбнулся.

30

Дом Барби стоял на улице, которая шла вдоль парка Хэмпстед-Хит. Окна дома выходили на один из прудов. Строение поражало внушительными размерами и, учитывая расположение, вероятно, стоило астрономических денег. Барби поселилась в Хэмпстед-Хит за несколько лет до того, как в соседний дом переехали Алисия с Габриэлем. Бывшему супругу журналистки, инвестиционному банкиру, до развода приходилось мотаться между Лондоном и Нью-Йорком. Зато потом он нашел себе более молодую и более светловолосую версию жены, а Барби достался дом. Как чуть позже со смехом заключила сама журналистка, «в итоге все остались довольны, особенно я».

На фоне соседних зданий, выкрашенных в белый цвет, ее дом выделялся своим светло-голубым фасадом. В палисаднике росли декоративные деревья и стояли горшки с цветами.

– Здравствуйте, милый, – обрадовалась Барби, открыв мне дверь. – Вы пунктуальны, это хорошо. Сюда, пожалуйста.

Я прошел вслед за хозяйкой из холла в гостиную и словно очутился в оранжерее: в ноздри ударил чудесный аромат цветов и растений, горшки с которыми в изобилии стояли в комнатах. Розы, лилии, орхидеи – повсюду, куда ни взглянешь. Стены были плотно увешаны картинами, зеркалами, фотографиями в рамочках, на туалетных столиках и комодах теснились вазочки, статуэтки и тому подобное. Дорогие, изысканные предметы искусства, скученные таким образом, немилосердно превратились в дешевый хлам.

Исходя из того, что обстановка дома отражает внутренний мир жильцов, все это свидетельствовало по меньшей мере об отсутствии душевной гармонии. Интерьер ее дома наводил на мысли о хаосе, суете и алчности – неутолимом голоде. Я задумался о детских годах Барби.

Отодвинув в сторону несколько пухлых подушек с кисточками и бахромой, я с трудом расчистил себе место на громоздком неудобном диване. Хозяйка тем временем открыла шкафчик для напитков и достала пару бокалов.

– Что вам налить? Мне кажется, вы предпочитаете виски, угадала? Мой бывший ежедневно наливался виски до краев. Говорил, что только так может меня терпеть. – Она засмеялась. – А я отлично разбираюсь в винах. Даже ездила во Францию и прошла обучение на специальных курсах в Бордо. У меня отличный нюх!

Пока Барби делала вдох, чтобы выдать очередную «пулеметную очередь» из слов, я воспользовался

паузой и наконец-то ответил:

– На самом деле я не люблю виски, да и вообще спиртное. Разве что при случае могу пропустить бокал пива.

– Я не держу в доме пива, – недовольно проговорила Барби.

– Ничего страшного. Я переживу.

– А я – нет! Сегодня выдался чертовски трудный день.

Журналистка налила в свой бокал щедрую порцию красного вина и удобно устроилась в кресле, словно приготовившись к долгой беседе.

– А теперь слушаю вас внимательно, молодой человек, – она кокетливо улыбнулась. – Спрашивайте!

– Если можно, я хотел бы задать вам пару вопросов.

– Вперед!

– Алисия хоть раз упоминала о визите к врачу?

– В смысле, к психиатру?

– Я имею в виду медика.

– Ну я не... – Барби замолчала на полуслове и прищурилась. – Хотя... вот вы спросили, припоминаю... Она действительно ходила к какому-то врачу.

– Не подскажете, как его фамилия?

– К сожалению, нет. Зато я помню, что порекомендовала Алисии своего доктора Монкса. Он просто чудо! Доктору Монксу достаточно одного взгляда на человека, чтобы точно сказать, что тому можно есть, а что нельзя!

Далее последовало подробное перечисление диетических рекомендаций доктора Монкса для Барби и настоятельная просьба, чтобы я посетил этого гения. Начиная терять терпение, я с большим трудом вернул разговор в нужное русло.

– Вы видели Алисию в день убийства?

– Да, буквально за несколько часов до трагедии. – Барби глотнула вина. – Я зашла к ней по-соседски. Я

часто заскакивала к Алисии на кофе. Ну это она пила кофе, а я прихватывала с собой бутылочку чего-нибудь. Мы болтали часами! Это была настоящая дружба.

«Ага, как же!» – пронеслось у меня в голове. Барби представляла собой яркий образец личности с нарциссическим расстройством. Она не способна воспринимать кого-либо как друга, а не как инструмент для достижения собственных целей. Не думаю, что Алисия много разговаривала в течение ее визитов.

– Как вы описали бы душевное состояние Алисии в тот вечер? – спросил я.

– Ничего особенного я не заметила. Правда, она жаловалась на сильную головную боль.

– Получается, Алисия вовсе не балансировала на грани срыва?

– Нет. А что, должна была?

– Вообще-то, учитывая обстоятельства...

– Надеюсь, вы не считаете, что убийца – Алисия? – возмутилась Барби. – Ну-у-у, дружочек, я думала, вы умнее!

– Боюсь, я не совсем...

– Да Алисия в жизни не смогла бы поднять на кого-нибудь руку! Не такой она человек. Убила не она, уж поверьте! Алисия невиновна. Я уверена в этом на сто процентов.

– Вы так однозначно говорите, но ведь улики...

– К черту улики! Я, между прочим, кое-что видела...

– Неужели?

– Еще бы! Но сначала я хочу убедиться, что вам можно доверять. – Барби оценивающе смотрела мне прямо в глаза. Я спокойно выдержал этот взгляд, а потом услышал следующее: – Я видела мужчину.

– Мужчину?

– Да. Того самого, который следил.

Я страшно удивился и тут же задал вопрос:

– Что значит «следил»?

– То и значит. Я так и сказала полицейским, но они не придали моим словам значения. Когда копы увидели Алисию, тело Габриэля и ружье, ход преступления сложился у них в головах, как дважды два. Мою историю они и слушать не желали.

– Я бы хотел послушать.

– Ну так я расскажу. И вы сразу поймете, почему я не стала выкладывать все в клинике. Ради этой истории стоило приехать сюда.

«Ну же, Барби, не томи!» – мысленно торопил я. Однако вслух ничего не произнес и лишь ободряюще улыбнулся.

Барби налила себе еще вина и стала рассказывать:

– Все началось за две недели до убийства. Я, как обычно, зашла к Алисии, чтобы пропустить бокальчик. Смотрю: что-то не то. Уж больно она тихая. Спрашиваю: «Что случилось?» И тут Алисия начала плакать. Я ни разу не видела ее в таком состоянии. Она прямо рыдала! Алисия ведь довольно зажатый человек, но в тот день бедняжку словно подменили. Она себя не контролировала!

– Алисия объяснила, в чем дело?

– Она поинтересовалась, не замечала ли я, чтобы возле наших домов ошивался кто-то незнакомый. Алисия видела на улице мужчину, который за ней следил. Да я вам сейчас покажу. Алисия прислала мне на телефон снимок.

Барби взяла со столика сотовый, и наманикюренные пальцы быстро застучали по экрану. Наконец она повернула телефон ко мне. Я уставился на экран и не сразу понял, что там на фото. Нечеткое изображение дерева.

– Что это?

– А на что похоже?

– Я вижу дерево.

– А за ним?

За стволом дерева темнело неопределенной формы пятно, которое могло оказаться хоть столбом, хоть большой собакой.

– Это тот мужчина, – с уверенностью заявила Барби. – Его силуэт четко виден на фото.

Меня размытый снимок ни в чем не убедил, однако спорить я не решился, чтобы не отвлекать Барби от темы.

– Да, продолжайте. – Я кивнул.

– Вот и всё.

– Но что было дальше?

– Ничего. – Барби пожала плечами. – Я посоветовала Алисии обратиться в полицию, а она даже мужу не рассказала.

– Она не поделилась с Габриэлем? Почему?

– Понятия не имею. По-моему, не такой уж он и добрый. Я все твердила, чтобы Алисия заявила в полицию. В конце концов, я беспокоилась и о себе! Мне тоже не хотелось жить в страхе! По улице разгуливает подозрительный тип, а я в доме одна... Я не желала трястись по ночам от ужаса.

– Алисия последовала вашему совету?

– Нет. – Барби отрицательно покачала головой. – Через несколько дней она призналась мужу в своих страхах, и они решили, что Алисии все привиделось. Она просила меня забыть об этом и не обсуждать с Габриэлем, если я его встречу. Честно говоря, нехорошая выходила история. Вскоре Алисия попросила меня удалить из телефона злополучный кадр. Я не удалила. Когда ее арестовали, я показывала снимок полицейскому, но тот лишь рукой махнул. Копы уже составили свою версию. А я все равно убеждена, что дело не так просто. Я ведь могу вам доверять? – Барби понизила голос до почти драматического шепота: – Алисия была очень *напугана*.

Она выдержала паузу, опустошила бокал и снова потянулась за бутылкой.

– Может, все-таки выпьете?

Я снова вежливо отказался и, попрощавшись, поехал домой. Оставаться дольше не имело смысла. Барби рассказала все. А я получил весьма любопытную информацию для размышления.

Когда я вышел, на улице уже стемнело. Проходя мимо соседнего дома, я слегка притормозил: здесь жила Алисия. Вскоре после суда дом продали, и там поселилась пара из Японии – по словам Барби, отнюдь не дружелюбные люди. Она сделала несколько попыток сблизиться с ними – и каждый раз получала отказ. Интересно, как реагировал бы я, если б Барби жила рядом и постоянно заваливалась ко мне в гости. Каково же было Алисии терпеть назойливую соседку?

Я закурил и стал размышлять об услышанном. Итак, Алисия призналась Барби, что за ней следят. Полицейские, в свою очередь, решив, что журналистка, пытаясь привлечь внимание к своей персоне, все выдумала, не придали ее словам значения. И неудивительно – Барби сложно воспринимать всерьез. Получается, Алисия была напугана настолько, что решилась обратиться за советом к Барби, а потом и к Габриэлю. Что же дальше? Советовалась ли она еще с кем-то? Я твердо решил разобраться в этой странной истории.

Перед мысленным взором возникла картина меня самого из детства: маленький мальчик, близкий к срыву от тревоги, истерзанный постоянным страхом и болью, мечется по своей комнате – беспокойно, по кругу, в панике, всегда один на один со страхом перед сумасшедшим отцом. Я не мог ни с кем поделиться. Некому было меня выслушать. Очевидно, Алисия ощущала такое же отчаяние, иначе она никогда не открылась бы Барби.

Мне вдруг стало не по себе – как будто чей-то недобрый взгляд буравил мою спину. Я резко обернулся. Никого. Здесь только я. Лишь пустая, темная улица и тишина.

31

Следующим утром я переступил порог Гроува, собираясь поговорить с Алисией об истории, которую рассказала Барби. Однако, подходя к регистратуре, я услышал жуткие крики. Голос принадлежал женщине. И звуки этой агонии разносились далеко по коридорам клиники.

– Что случилось? Что происходит? – спросил я у дежурившего на входе охранника, но тот не ответил и промчался мимо в отделение.

Я последовал за ним. По мере приближения крики становились громче. Только бы с Алисией ничего не случилось и она была бы ни при чем! В душе зрело нехорошее предчувствие. Я повернул за угол. Возле «аквариума» столпились медсестры, пациенты и охрана. Диомидис звонил в отделение интенсивной терапии. На его рубашке алели пятна крови, но не его. Две медсестры, стоя на коленях, едва удерживали женщину, которая выла страшным голосом. Не Алисию. На полу, норовя вывернуться из крепких рук, билась Элиф. Она орала и царапала свое окровавленное лицо. Ее глаза были залиты кровью, а из одной глазницы торчал какой-то острый предмет, прямо из глазного яблока. Сначала я принял его за палку, но предмет ею не был. Я сразу же понял, что это кисть для рисования.

Возле стены, удерживаемая Юрием и медсестрой, стояла Алисия. Впрочем, применения физической силы не требовалось: она была предельно спокойна и не двигалась, будто статуя. Увидев ее лицо –

бессмысленное, не выражающее никаких эмоций, словно застывшая маска, пустое, – я мгновенно вспомнил изображенную на автопортрете Алкесту. Алисия посмотрела прямо на меня, и мне впервые стало страшно.

32

– Как дела у Элиф? – спросил я Юрия, вернувшегося в «аквариум» из отделения интенсивной терапии.

– Состояние стабильное, и это единственная хорошая новость, – со вздохом ответил он.

– Я хотел бы ее увидеть.

– Элиф? Или Алисию?

– Сначала Элиф.

– Сегодня к ней не пускают, но завтра утром я вас отведу. – Юрий кивнул.

– Вы видели, что случилось? Вы были там? Полагаю, Элиф спровоцировала Алисию?

– Не знаю. – Медбрат вздохнул и пожал плечами. – Известно лишь, что Элиф крутилась возле мастерской Алисии. А потом, скорее всего, разгорелся конфликт – в той или иной форме. Понятия не имею, из-за чего они подрались.

– У вас есть ключ от того кабинета? Пойдемте туда, может, обнаружим хоть какие-то зацепки...

Мы направились в кабинет, отданный под мастерскую для Алисии. Юрий открыл дверь и щелкнул выключателем. Одного взгляда на мольберт было достаточно, чтобы все понять. Картина Алисии, изображавшая пылающий Гроув, оказалась испорчена. Посередине холста виднелась надпись, выведенная огромными красными буквами: «ШЛЮХА».

– Ну вот и ответ. – Я мотнул головой в сторону мольберта.

- Думаете, это сделала Элиф?
- А кто же еще?

* * *

Следующим утром я навестил Элиф. Она лежала, плотно зафиксированная в кровати; к руке тянулась прозрачная трубка капельницы. Голову и раненый глаз окутывали многочисленные слои бинтов. Элиф была расстроена, злилась и страдала от боли.

- Пошел на хрен! - просипела она, увидев меня.

Я придвинул к кровати стул, уселся и спокойно и уважительно начал:

- Прошу прощения, Элиф. Мне правда очень жаль. То, что случилось, поистине ужасно.

- Полностью согласна, мать твою. А теперь вали.

- Элиф, расскажите, что случилось?

- Чертова сука проткнула мне глаз. Вот что случилось!

- Почему она это сделала? Вы с ней поругались?

- Хочешь выставить меня крайней? Я ничего не сделала!

- Я вас не обвиняю. Просто хочу понять причину.

- Да у нее башню сорвало окончательно!

- То есть ссора не имела отношения к картине Алисии? Я видел, что вы сделали. Вы испортили холст, не так ли?

Элиф сузила оставшийся глаз, а потом закрыла его.

- Это очень плохой поступок. Он, конечно, не оправдывает нападение Алисии, и все же...

- Она не поэтому напала. - Глаз Элиф с презрением уставился на меня. Я недоумевал.

- Нет? Тогда почему же?

Губы Элиф искривились в некоем подобии улыбки. Она молчала. Так прошло несколько минут. Я уже

собирался уйти, когда неожиданно раздалось:

- Я сказала ей правду.
- Какую правду?
- Что ты на нее запал.

Я был поражен ее ответом. Пока я в изумлении переваривал услышанное, Элиф продолжила со злорадством:

- Ты втрескался в Алисию по уши, парень. Я ей так и заявила. *«Он в тебя влюбился! Тили-тили тесто, жених и невеста! Поехали купаться – стали целоваться!»* Вот что я сказала. - Она залилась жутким визгливым смехом.

Дальнейшее я представил без труда. Алисия впала в ярость и с размаху всадила кисть в глазницу Элиф.

- Психопатка хренова! Маньячка! - Страдающая и измотанная, она чуть не плакала.

«А может, Элиф не так уж далека от истины?» - мысленно задал я себе вопрос, глядя на ее забинтованную голову.

33

Внеочередное собрание проходило в кабинете Диомидиса, однако инициативу с самого начала взяла в свои руки Стефани. Произошедший инцидент уже не относился к абстрактной сфере психологии – напротив, он затрагивал вполне ощутимые понятия безопасности и здоровья. Здесь начиналась территория Стефани Кларк, и она это прекрасно знала. Судя по мрачному молчанию профессора, он тоже.

Стефани стояла посреди кабинета со скрещенными на груди руками. Очевидно, она вошла в раж. Я подумал, что власть и право решающего голоса буквально опьянили управляющую Гроува. Как же долго копила Стефани свою ненависть – ведь мы постоянно решали вопросы через ее голову, объединялись в

группки против нее... И вот теперь она предвкушала сладкую месть.

– То, что случилось вчера утром, совершенно недопустимо, – заговорила Стефани. – Я высказывала свои опасения касательно поблажки для Алисии в виде персональной мастерской, но мой голос не был услышан. Неодинаковое отношение к пациентам – благодатная почва для зависти и конфликтов. Я знала, что рано или поздно случится нечто подобное. Отныне во главу угла будет поставлена забота о безопасности.

– И поэтому вы поместили Алисию в изолятор? – не выдержал я. – Из соображений безопасности?

– Алисия представляет угрозу и для самой себя, и для окружающих, – отрезала Стефани. – Она совершила нападение на Элиф и могла убить ее.

– Алисию спровоцировали.

– Никакая провокация не оправдывает нападение на другого человека, – качая головой, вмешался Диомидис.

– Вот именно. – Стефани кивнула.

– Но это единичный случай, – не унимался я. – Поместить Алисию в изолятор не просто бесчеловечно, это варварство!

Еще в Бродмуре я видел пациентов, которых помещали в изолятор – запирали в крошечную комнату без окон, где едва хватало места на одну кровать. Собственно, это была вся мебель. Дни и даже часы, проведенные там, и здорового человека могли превратить в безумца; что уж говорить о тех, чья психика и так нестабильна...

– Как управляющий Гроува я вправе принимать любые меры, которые сочту необходимыми, – процедила Стефани. – Я посоветовалась с Кристианом, и он согласился с моим предложением.

– Еще бы! – раздраженно выпалил я.

Из противоположного конца комнаты мне издевательски улыбнулся Кристиан. Диомидис

пристально посмотрел на меня. Я прекрасно понимал, о чем они думали: якобы я потерял контроль, позволив себе относиться к Алисии слишком лично. Но мне было все равно.

– Изолятор – не решение. Мы должны поддерживать с Алисией контакт, говорить с ней. Необходимо понять...

– Я уже понял одну важную вещь. Дело в тебе, Тео, – перебил Кристиан. Он говорил обвиняющим тоном, словно родитель, обращающийся к провинившемуся ребенку.

– Во мне?

– Именно. Ты – тот, кто все здесь взбаламутил!

– Что именно я «взбаламутил»?

– Разве не ты втихаря подзуживал, чтобы Алисии снизили дозировку?

– Ну уж нет! Я не «подзуживал», а открыто вмешался! Алисию накачивали седативными по самую маковку! Она напоминала ходячего мертвеца!

– Чушь!

– Вы серьезно хотите обвинить во всем меня? – Я взглянул Диомидису прямо в глаза. – Вот истинная цель собрания?

Профессор отрицательно покачал головой, хотя его глаза смотрели куда-то в сторону.

– Конечно, нет. Тем не менее совершенно очевидно, что именно изменение подхода в терапии сделало Алисию нестабильной. Вы требуете слишком многого и слишком рано. И в этом я усматриваю причину вчерашнего печального события.

– Не согласен.

– Возможно, вам стоит посмотреть на ситуацию более отвлеченно, так сказать, со стороны. – Диомидис со вздохом вскинул руки, будто устав спорить. – Мы не имеем права на очередную ошибку, особенно учитывая нынешнее критическое состояние, в котором находится

клиника. На карту поставлена судьба Гроува. И каждый наш промах дает управляющей компании очередной аргумент в пользу ее закрытия.

Видя пораженческое настроение Диомидиса, его вынужденное соглашательство, я почувствовал, как внутри меня все забурило от возмущения.

– Поймите, накачать Алисию до потери сознания и навсегда запереть в изоляторе – не лечение. Мы врачи, а не тюремщики!

– Поддерживаю! – вступила Индира, наградив меня ободряющей улыбкой. – Проблема в том, что мы стали слишком всего бояться: *лучше увеличить дозу седации, чем рисковать стабильностью пациента...* Нужно иметь смелость взглянуть безумию в лицо, сдержать его, а не запирает его на три замка.

Кристиан раздраженно закатил глаза, приготовившись спорить, однако его опередил Диомидис:

– Слишком поздно. Увы, Алисия – неподходящий кандидат для психотерапии. Я очень жалею, что дал разрешение на коррекцию ее лечения. Это моя ошибка.

Профессор винил себя, но я знал, что на самом деле он считал причиной всех бед именно меня. Я оказался под прицелом нескольких пар глаз: Диомидис устало хмурился, Кристиан чувствовал себя победителем и лопался от самодовольства, Стефани смотрела на меня с нескрываемой ненавистью, а Индира – озабоченно.

– Можете снова запретить Алисии рисовать, если так надо, но не возвращайтесь к старой схеме лечения. Только так мы сможем до нее достучаться, – произнес я, стараясь, чтобы это не прозвучало как просьба.

– Я начинаю склоняться к мысли, что Алисия неизлечима, – профессор с сомнением покачал головой.

– Просто дайте мне еще немного времени, и....

– Нет. Эксперимент окончен, – твердо произнес Диомидис, и по его тону я понял, что спорить

бесполезно.

По поводу снеговых облаков профессор ошибался. Снег так и не пошел – после обеда начался сильный ливень. Разразилась настоящая гроза с раскатами грома и вспышками молний. Я ждал Алисию в кабинете для сеансов психотерапии и смотрел, как в окно барабанит дождь. Мною завладели усталость и тоска. Затея с исцелением Алисии оказалась пустой тратой времени. Мне запретили работать с Алисией до того, как я смог что-либо сделать. А теперь все потеряно.

В дверь постучали, и Юрий завел в кабинет Алисию. Она выглядела значительно хуже, чем я рассчитывал. Слабая, мертвенно-бледная – бедняжка напоминала привидение. Она двигалась неуклюже, ее правая нога мелко, безостановочно дрожала. Проклятый Кристиан! Накачал ее до потери сознания...

Юрий долго не решался оставить нас с Алисией наедине, но в итоге все-таки вышел из кабинета.

Алисия не смотрела на меня. Наконец я заговорил. Громко и четко, стараясь, чтобы мои слова дошли до ее замутненного сознания.

– Алисия, я прошу прощения за то, что вас поместили в изолятор. Мне очень жаль, что вам пришлось это пережить.

Реакции не последовало. Выдержав паузу, я продолжил:

– Из-за того, что вы сделали с Элиф, сеансы нашей терапии, к большому сожалению, отменены. Инициатива не моя, я сопротивлялся как мог, однако решение вынесено, и оно окончательное. Единственное, чего я сумел добиться, – вот этот последний сеанс, чтобы попытаться поговорить о происшествии с Элиф и

помочь выразить сожаление о содеянном, которое, уверен, вы ощущаете.

Алисия по-прежнему молчала. Я опасался, что она просто не в состоянии воспринимать информацию.

– Знаете, что сейчас чувствую я? – спросил я. – Честно говоря, злость. Я злюсь, что наши сеансы отменены, а ведь мы толком даже не начали работать! Я злюсь потому, что вы не постарались как следует!

Алисия дернула головой и уставилась на меня в упор.

– Вам страшно, я понимаю это. Я пытался помочь, но вы не дали мне возможности. И теперь я понятия не имею, что делать дальше.

Я устало замолчал.

И тут произошло то, чего я не забуду никогда. Алисия протянула ко мне дрожащую руку, в которой сжимала маленькую книжечку в черном кожаном переплете.

– Что это? – изумился я.

В ответ не раздалось ни звука. Она по-прежнему протягивала книжечку. Мне стало любопытно.

– Хотите, чтобы я это взял? – уточнил я.

Молчание. Тогда я аккуратно принял книжечку из дрожащих пальцев и с любопытством начал просматривать листы... дневника! Написано от руки, с указанием дат. Ее личный журнал. Судя по почерку, Алисия делала записи, когда находилась в сильном душевном смятении, особенно последние страницы: надписи были едва читаемыми, на отдельные куски текста в разных местах страниц указывали стрелочки. На некоторых страницах поверх записей виднелись рисунки и узоры: цветы и виноградные лозы словно заштриховывали написанное ранее.

– Что мне нужно с этим делать? – спросил я у Алисии, снедаемый любопытством.

Впрочем, я и сам догадывался: она хотела, чтобы я прочел дневник.

Часть III

Не стоит излишне мистифицировать простые вещи. В этом и кроется главная опасность ведения дневника: вы начинаете преувеличивать, становитесь чрезмерно подозрительным и неизбежно искажаете правду.

Жан-Поль Сартр

Хоть от природы я и склонен врать, но иногда бываю честен.

Уильям Шекспир

«Зимняя сказка»

Из дневника Алисии Беренсон

8 августа

Сегодня произошел странный случай. Я была на кухне: варила кофе и бесцельно глазела в окно. Просто смотрела, думая о чем-то своем. И вдруг заметила на улице кое-что, а точнее, кое-кого. Мужчину. Он привлек мое внимание, потому что стоял без движения, как статуя, и смотрел на наш дом. Незнакомец прятался в тени большого дерева через дорогу, возле входа в парк. Высокий, крепкого телосложения. Черты лица я толком не разглядела, так как он носил темные очки и кепку. Не знаю, видел ли мужчина хоть что-то сквозь оконное стекло, но казалось, будто он пялится прямо на меня. Это было странно. У нас напротив дома автобусная остановка, и там постоянно стоят люди, однако этот мужчина находился здесь явно с другой целью. Он следил за нашим домом!

Наконец, сообразив, что проторчала так слишком долго, я с трудом отошла от окна и отправилась в мастерскую. Пыталась рисовать, но не могла сосредоточиться на работе. Подозрительный незнакомец никак не шел из головы. Я решила выждать двадцать минут, а потом вернуться на кухню. А что, если мужчина окажется там? Формально он не делает ничего плохого. Сначала я подумала, что это вор, исследующий дом перед ограблением. Но ведь, стоя там вот так, он привлекает внимание... А может, планирует переселиться по соседству? Например, собирается купить выставленный на продажу дом в конце улицы? Тогда все понятно.

Двадцать минут спустя я вернулась на кухню и снова выглянула в окно. Под деревом никого не было. Улица опустела. Видимо, я так и не узнаю, что тот мужчина делал напротив нашего дома. Очень странно.

10 августа

Вчера вечером ходила с Жан-Феликсом в театр. Габриэль протестовал, но я все равно сделала по-своему. Хотя я боялась встречи с Жан-Феликсом, следовало уступить – иначе он не отстанет. По крайней мере, я искренне надеялась, что вечер в театре позволит поставить в наших отношениях точку. Мы договорились выпить перед спектаклем (это была его идея), и, когда я добралась до места, было еще светло. Солнце висело низко над горизонтом, окрашивая воду в реке в кроваво-красные тона. Жан-Феликс стоял возле входа в Национальный театр. Я первой увидела его. Его глаза всматривались в толпу прохожих, на лице застыло раздраженное выражение. Последние остатки надежды, что я поступаю правильно, разлетелись вдребезги. Я запаниковала и уже подумывала спастись бегством, когда Жан-Феликс обернулся и заметил меня.

Помахал рукой, и я направилась к нему. Я старалась улыбаться, и он делал так же.

– Молодец, что пришла, – произнес Жан-Феликс. – Я уж думал, не появишься... Ну что? Пропустим по бокалу до спектакля?

Мы были в фойе. Сказать, что атмосфера была натянутой, – не сказать ничего. Ни один из нас не упомянул вчерашний разговор. Мы трепались о пустяках, точнее – больше говорил Жан-Феликс, а я молчала. Мы выпили по паре бокалов. Весь день я не могла проглотить ни кусочка, и алкоголь слегка ударил мне в голову. Вероятно, Жан-Феликс на это и рассчитывал. Он делал все, чтобы я участвовала в беседе, однако разговор выходил искусственный, постановочный. Все фразы Жан-Феликса начинались с «правда ведь, было весело, когда мы...» или «а помнишь, мы с тобой...», как будто он специально раскручивал тему прошлого, чтобы поколебать мою уверенность в принятом решении и напомнить, сколько воспоминаний нас связывает, как «близки» мы были. Судя по всему, Жан-Феликс никак не мог понять, что я приняла решение. И любые его попытки что-либо изменить обречены на провал.

На самом деле я даже рада, что пошла в театр. Не из-за встречи с Жан-Феликсом, а из-за потрясающего спектакля. Я раньше не слышала об «Алкесте». Пьеса кажется непонятной, наверное, потому, что является аллегорией самой обыкновенной бытовой драмы. Этим она мне и понравилась. Постановку осовременили: действие разворачивается в наши дни, в небольшом доме, расположенном неподалеку от Афин. Трактовка режиссера пришлась мне по душе – интимная обстановка, все очень земное. Главный герой обречен на смерть, и его жена, Алкеста, решается спасти супруга. Исполнительница роли Алкесты напоминала греческую статую. Потрясающе красивое лицо. Я то и

дело ловила себя на мысли, что хочу написать ее портрет. Я подумала узнать ее имя и уже планировала связаться с агентом актрисы. И чуть не проболталась Жан-Феликсу, но вовремя прикусила язык. Не желаю, чтобы он и дальше присутствовал в моей жизни, ни в каком виде. Концовка спектакля тронула до слез: Алкеста погибает, а затем воскрешается из мертвых. Она в буквальном смысле возвращается с того света. Есть в этом что-то такое, вернусь к этому попозже. Я пока не могла сформулировать, что именно меня зацепило. Хотя Жан-Феликс о спектакле говорил много, ни одна из его оценок не перекликалась с моими чувствами. В итоге я перестала вслушиваться в эту бесконечную трескотню.

Выйдя из театра и шагая по мосту к станции метро, я все время думала о смерти и воскрешении Алкесты. Жан-Феликс спросил, не хочу ли я посидеть где-нибудь после спектакля. Я отказалась, сославшись на усталость. Повисла очередная неловкая пауза. Мы стояли у входа на станцию метро. Я поблагодарила Жан-Феликса за поход в театр и честно призналась, что спектакль мне понравился.

– Давай заскочим куда-нибудь! Честное слово, ненадолго, в память о старых добрых временах, – стал уговаривать Жан-Феликс.

– Прости, не могу. Пора домой.

Я двинулась ко входу в метро, но он резко схватил меня за руку.

– Алисия, постой! Я должен тебе кое-что сообщить.

– Пожалуйста, не начинай. Мы уже все обсудили...

– Просто выслушай! Это не то, о чем ты думаешь.

Он не соврал. Я ошибалась, думая, что Жан-Феликс станет умолять о дружбе или попытается надавить на совесть за то, что покидаю его галерею. То, что я услышала, повергло меня в шок.

– Будь осторожнее! Ты слишком доверчива. Ты доверяешь тем, кто рядом с тобой, – быстро сказал он. –

И напрасно.

Я изумленно уставилась на Жан-Феликса и не сразу смогла говорить.

– О чем ты говоришь? Что это значит?

Он покачал головой, но ничего не ответил. Внезапно выпустил мою руку и пошел прочь.

– Жан-Феликс, стой! – кричала я.

Он даже не оглянулся и исчез за поворотом. Я стояла посреди улицы как громом пораженная. В голове царил хаос. Что за манера – делать таинственные предостережения, а потом молча исчезать! Наверное, Жан-Феликс намеренно разыграл эту сцену, желая запугать меня и создать впечатление, будто я без него беспомощна. Признаю, замысел удался! А еще я разозлилась. Ну что ж, так даже проще: теперь я без единого сомнения оборву любые контакты с Жан-Феликсом!

И что еще за «те, кто рядом»? Намек на Габриэля? Он-то здесь при чем? Нет уж, я на этот бред покупаться не собираюсь. Именно этого Жан-Феликс и хочет – сбить меня с толку. Заставить быть одержимой его словами. Встать между мной и Габриэлем. Не выйдет! И думать об этом я тоже не стану.

Когда я вернулась домой, Габриэль уже спал. Следующим утром у мужа были очень ранние съемки, в пять утра, но я все-таки его разбудила, и мы занялись любовью. Я как будто не могла прижаться к нему достаточно близко или почувствовать его достаточно глубоко. Хотела слиться с ним, забраться куда-то внутри него и там исчезнуть. Я мечтала раствориться в Габриэле.

11 августа

Я снова видела того мужчину. Теперь он сидел на скамейке в парке – чуть дальше; но это был он. В отличие от обычных людей, гуляющих по парку в

жаркий день в футболках и шортах светлых тонов, этот человек был одет в темные брюки, рубашку, солнечные очки и кепку. Судя по повороту головы, он смотрел на наш дом. Неожиданно мне пришла забавная мысль: а может, мужчина вовсе не вор, а художник? Может, он такой же, как и я, и задумал нарисовать нашу улицу – или наш дом?.. Увы, я знала, что пытаюсь выдать желаемое за действительное. Если б он хотел нарисовать дом, то не сидел бы *вот так*. Он делал бы какие-то наброски. Я не на шутку испугалась и решила позвонить Габриэлю. Это было ошибкой. Попала не вовремя. Судя по отрывистой интонации мужа, мой звонок раздался в самый разгар работы. Габриэль был совершенно не готов выслушивать мое нытье про какого-то мужчину, который якобы следит за нашим домом.

Конечно, я лишь предполагаю, что объектом слежки выступает дом. Вполне возможно, мужчина следит за *мной*.

13 августа

Мужчина в темном снова там. Он появился сразу после того, как Габриэль уехал на работу. Я принимала душ и увидела жуткую фигуру из окна ванной. Сегодня он расположился поближе к дому, возле автобусной остановки, – словно в ожидании транспорта. Интересно, кого этот тип пытается одурачить? Я быстро оделась и пошла на кухню: из того окна лучше видно. Однако мужчина исчез.

Вечером я обо всем рассказала Габриэлю. Вопреки моим ожиданиям, муж принял мои слова всерьез и разволновался.

– Это Жан-Феликс? – напрямую спросил он.

– Нет, конечно, не он. Как ты мог такое подумать?

Говоря уверенно и возмущенно, на самом деле в глубине души я тоже подозревала его. По

телосложению незнакомец и Жан-Феликс были похожи. Но я отказывалась верить в такое вероломство. Не думаю, что он способен опуститься до откровенного запугивания! Или я ошибаюсь?

– Дай мне номер Жан-Феликса. Я ему сейчас позвоню! – решительно проговорил Габриэль.

– Дорогой, пожалуйста, не надо. Я уверена, что это не он.

– Точно?

– Точно. И ведь ничего не произошло. Скорее всего, мне показалось. Вечно я делаю из мухи слона...

– Сколько он там простоял? – не унимался муж.

– Не очень долго. Примерно час. А потом исчез.

– Как это?

– Просто исчез, и всё.

– Та-а-к... А может, у тебя разыгралось воображение? – поинтересовался Габриэль.

Что-то в его тоне меня разозлило.

– Не разыгралось! – отрезала я. – Ты должен верить мне.

– Я тебе верю.

Но я видела, что доверие это неполное. Какая-то часть Габриэля все же сомневается. Часть его подтрунивает надо мной. И это, честно говоря, ужасно бесило. Настолько, что здесь я, пожалуй, остановлюсь, иначе напишу такое, о чем впоследствии сильно пожалею.

14 августа

Утром, как только я открыла глаза, сразу бросилась к окну в надежде показать зловещую фигуру Габриэлю. Однако никаких подозрительных незнакомцев на улице не наблюдалось. Чувствуя себя очень глупо, я отошла от окна. После обеда, несмотря на жару, решила прогуляться по парку. Захотелось побродить по тихим тропинкам, подальше от домов, дорог и людей. Побывать

наедине с собой. Дошла до Парламентского холма, оставляя позади распростертые на траве с обеих сторон дорожки оголенных тел загорающих, и устроилась на свободной скамейке, любуясь видом Лондона, мерцающего в солнечной дымке.

Пока я находилась в парке, меня не покидало ощущение, что сзади кто-то есть. Я несколько раз оборачивалась и никого не видела, но кто-то *был* там, все это время. Я точно знала: за мной следят. На обратном пути я шла мимо пруда и, невзначай вскинув глаза, тут же увидела *его*! Мужчина маячил на противоположном берегу, слишком далеко, чтобы разглядеть детали. Но это был он. Я *знала* это. Он стоял без движения, словно каменное изваяние, и смотрел на меня в упор. От страха по спине прошелся холодный озноб.

- Жан-Феликс, это ты? - чисто инстинктивно крикнула я, помахав незнакомцу рукой. - Успокойся уже! Хватит меня преследовать!

Фигура в темном не шелохнулась. Так быстро, как только смогла, я сунула руку в карман, вынула сотовый и сделала снимок - не знаю зачем. А потом развернулась и быстрым шагом пошла к концу пруда, не позволяя себе обернуться до тех пор, пока не выбралась на главную дорогу. Я дико боялась, что незнакомец возникнет прямо у меня за спиной. Посмотрела назад - никого. Очень надеюсь, что это не Жан-Феликс.

Я была уже на пределе, когда добралась домой. Задернула шторы и везде погасила свет. Выглянула в окно. Он был там. Стоял на улице и смотрел прямо на меня. Я застыла, просто не зная, что делать. Внезапно раздавшийся голос чуть не довел меня до инфаркта.

- Алисия! Алисия! Ты дома?

Голос принадлежал моей соседке - той жуткой женщине, Барби Хеллман. Я отлепилась от окна и пошла открывать дверь черного хода, ведущую из сада

в кухню. Барби просочилась сквозь боковую калитку, уже прошла через сад и стояла у меня под дверью с бутылкой вина в руке.

– Привет, милая! Я заглянула в мастерскую и, не найдя тебя, решила проверить, вдруг ты дома...

– Я выходила. Только что вернулась.

– А не хлопнуть ли нам по рюмашке? – пропела Барби тем сюсюкающим голосом, который иногда использовала и который вызывал у меня крайнее раздражение.

– Вообще-то, я хотела поработать.

– А мы быстренько, – упорствовала соседка. – У меня сегодня урок итальянского!

Она вошла, не дожидаясь моего ответа, произнесла что-то вроде «темно, хоть глаз выколи» и начала раздвигать шторы на кухне, не подумав спросить у меня разрешения. Я уже хотела остановить ее, но, выглянув в окно, обнаружила, что на улице никого нет. Жуткий незнакомец исчез.

Не знаю, зачем я рассказала о нем Барби. Я не испытываю к ней ни любви, ни доверия; страх вынудил меня поделиться своими переживаниями. Мне нужен был кто-то – и рядом оказалась она. Мы выпили как следует, чего я никогда себе не позволяю, и я разревелась. Барби смотрела на меня, широко раскрыв глаза, и даже замолчала от удивления.

Когда я закончила рассказывать, она отодвинула бутылку с вином и заявила:

– Тут требуется кое-что покрепче! – И, обнаружив на кухне бутылку виски, наполнила два бокала. – Вот, выпей! Тебе сейчас это нужно.

Мне действительно требовалось выпить чего-нибудь крепкого. Я разом осушила бокал и тут же ощутила, как спадает напряжение. Теперь настала моя очередь слушать. Как заявила Барби, она не хотела пугать меня, но звучало все это ужасно.

– Я такое миллион раз видела в телешоу. Он изучает ваш дом, поняла? Готовится перед тем, как сделать следующий шаг.

– Думаешь, он – грабитель?

– Или насильник. – Барби пожала плечами. – Какая разница? В любом случае это очень плохо.

Я рассмеялась от облегчения. Хотя кто-то воспринял меня всерьез. Даже если этот «кто-то» – Барби. Я показала снимок на телефоне, однако Барби он не впечатлил.

– Пришли мне фотографию, я потом посмотрю в очках. А то смазанное черное пятно какое-то... Ты говорила об этом Габриэлю?

Я решила соврать.

– Пока нет.

– Почему? – Барби удивленно подняла брови.

– Не знаю. Боюсь, Габриэль скажет, что я преувеличиваю или все выдумала.

– А ты и вправду выдумала?

– Нет.

– Если Габриэль не поверит, тогда мы пойдем в полицию, – довольная собой, решительно сказала она. – Ты и я. Вместе! Я умею убеждать людей. Уж мне-то они поверят!

– Спасибо. Но я уверена, в этом не будет необходимости.

– Она уже есть! – возразила Барби. – Пойми, милая, дело серьезное. Пообещай, что сегодня же расскажешь обо всем Габриэлю!

Я молча кивнула, хотя уже решила больше не жаловаться мужу. Ничего нового сообщить я не могла. Никаких доказательств, что тот человек преследует меня или следит за мной, не имелось. Барби права: размытый снимок ни о чем не говорит. Я заранее знала, что Габриэль опять упомянет мое «разыгравшееся воображение». Лучше вообще не заводить с мужем

разговор на эту тему, чем рисковать. К чему его беспокоить? А я постараюсь забыть всю эту неприятную историю.

4 часа утра

Ночь выдалась жуткая. Габриэль вернулся домой около десяти вечера совершенно измотанный. После длинного рабочего дня он хотел поскорее лечь спать. Я тоже постаралась заснуть. Бесполезно. А пару часов назад, услышала шум. Звуки доносились из сада. Я встала с кровати и выглянула в заднее окно, тщетно всматриваясь в непроницаемую тьму. Ничего не было видно, но я кожей ощущала на себе чей-то пристальный взгляд. Оттуда, из мрака, на меня кто-то смотрел.

Усилием воли я заставила себя отойти от окна и помчалась в спальню, чтобы разбудить Габриэля.

– Там человек! В саду! – говорила я, тряся мужа за плечо.

С трудом разлепив глаза, муж не сразу понял, о чем речь. А когда до него наконец дошло, он разозлился.

– Бога ради, Алисия! Угомонись! Мне через три часа на съемки! Тебе надо лечить нервы!

– Иди посмотри! Умоляю!

Габриэль нехотя поплелся к окну – и, конечно же, никого там не было. Я стала просить мужа выйти в сад, чтобы убедиться наверняка, но он и слушать ничего не хотел и злой как черт удалился в гостевую спальню на втором этаже.

Я попыталась объяснить, но он отрезал, что не разговаривает со мной и ляжет в другой комнате. Я не вернулась в постель. Так и сижу в кухне, прислушиваясь к любому шороху, жду, вздрагиваю от любого звука, потихоньку выглядываю в окна. Пока никого. Еще пару часов потерпеть, а потом рассветет.

15 августа

Габриэль спустился из спальни, готовый к работе. Когда он увидел меня возле окна и понял, что я просидела здесь всю ночь, стал говорить странные вещи.

– Алисия, иди-ка сюда, нам надо побеседовать, – неожиданно тихим голосом произнес муж.

– Да. Надо. – Я кивнула. – О том, что ты мне не веришь!

– Я верю, что ты веришь себе.

– Это разные вещи. Ты меня за дурочку принимаешь?

– Я никогда не считал тебя дурочкой.

– Тогда о чем ты собрался говорить?!

Я сорвалась на крик, в полной уверенности, что сейчас разразится очередная ссора. К моему огромному удивлению, Габриэль произнес едва слышно, шепотом, так, что я еле расслышала его слова:

– Я бы хотел, чтобы ты кое с кем пообщалась. Пожалуйста.

– В смысле, с полицейским?

– Нет, – буркнул Габриэль. – Не с полицейским.

Я поняла, кого он имел в виду. Я понимала все, что он говорит, но мне нужно было, чтобы он сказал это. Пусть произнесет вслух!

– Так с кем же?

– С доктором.

– Ни к какому доктору я ходить не намерена!

– Алисия, пожалуйста, сделай это ради меня. Пойди мне навстречу. – И Габриэль повторил: – Пожалуйста, мне нужно, чтобы ты пошла мне навстречу.

– Не понимаю, о чем ты. Навстречу куда? Я уже здесь!

– Нет. Ты *не* здесь!

Я заметила, как он расстроен и вымотан. Мне хотелось защитить его, успокоить.

– Не волнуйся, дорогой. Все наладится, вот увидишь.

Габриэль сокрушенно покачал головой, словно не верил моим словам.

– Я запишу тебя к доктору Уэсту на ближайшее возможное время. Если получится, то прямо на сегодня. – Он помедлил и взглянул на меня. – Ты не против?

Габриэль ласково протянул руку, но я едва сдержалась, чтобы не ударить по ней или не расцарапать. Дико захотелось укунить его или ударить наотмашь. Толкнуть посильнее, да так, чтобы он опрокинулся спиной на стол, и заорать во все горло: «Думаешь, я слетела с катушек?! Черта с два! Я нормальная! Нормальная!! Нормальная!!!»

Но я сдержалась и, покорно взяв Габриэля за руку, тихо ответила:

– Хорошо, дорогой. Как скажешь.

16 августа

Сегодня я ходила на прием. Против воли, но пошла. Мне жутко не понравилось. Не понравился сам доктор Уэст, не понравился его узенький домишко, не понравилось сидеть в этой странной, крохотной комнатухе на втором этаже и слушать, как в гостиной внизу истерично лает запертая собака. Кстати, гавкала она безостановочно, все время, пока шел прием. Очень хотелось заорать, чтобы собака заткнулась. Я поглядывала на доктора, ожидая, что тот прикрикнет на псину. Однако он делал вид, что ничего не слышит. Видимо, доктор и правда глуховат. По-моему, он не слышал ни слова из того, что я ему говорила.

Я рассказала ему, что произошло. О мужчине, который следит за нашим домом, о том, как я видела его преследующим меня в парке, – все это. Но он молчал. С его лица не сходила противная улыбочка. Доктор смотрел на меня, как на любопытное насекомое. Скорее всего, они с Габриэлем приятели, но как можно

общаться с таким типом, как доктор Уэст?! Габриэль очень теплый, а этот – полная противоположность. Странно говорить такое о враче, но в нем совсем не чувствуется доброты.

Когда я завершила рассказ, доктор Уэст молчал целую вечность. Повисшую в комнате тишину нарушало лишь брехание собаки на первом этаже. Я невольно стала вслушиваться в интонации гавканья и уже начала впадать в некое подобие транса. И тут доктор Уэст наконец-то соизволил заговорить.

– Мы снова там же, Алисия. Верно? – начал он.

Я недоуменно подняла глаза.

– Снова там же? – переспросила, не совсем понимая, о чем речь.

– Ну конечно.

– Понимаю, вы считаете, что я все выдумала. Но я не выдумывала. Я видела его на самом деле.

– Именно это вы и утверждали в прошлый раз. Вы помните нашу прошлую беседу? Помните, что случилось?

Я не ответила. Ну уж нет, доктор Уэст, я не намерена плясать под вашу дудку! Я сидела молча и смотрела на него, словно непокорный ребенок на родителя. Впрочем, доктор и не ждал ответа. Он напомнил, что после смерти отца у меня случился жуткий нервный срыв и развились приступы паранойи. Я жаловалась, что за мной кто-то следит, ходит по пятам, шпионит.

– И вот сейчас опять, то же самое, – доктор Уэст грустно покачал головой.

– Нет, не то же самое. Тогда мне только казалось так; на самом деле я никого не видела. А сейчас я действительно его видела, конкретного человека!

– И кого же вы видели?

– Я уже говорила. Мужчину.

– Опишите его.

- Не могу, - после недолгой паузы призналась я.
- Почему?
- Я толком не разглядела. Он был слишком далеко.
- Понятно.
- И к тому же он всегда в темных очках и низко надвинутой кепке.
- Что неудивительно. Сейчас жара, и многие носят солнечные очки и кепки. Все они тоже маскируются?
- Ясно, к чему вы клоните! - Я начинала выходить из себя.
- И к чему же?
- Хотите, чтобы я поверила, будто у меня очередное душевное расстройство. Как после смерти папы.
- Полагаете, с вами происходит именно это?
- Нет! В тот раз я была больна. А сейчас - нет. Я в полном порядке, если не считать того, что за мной следят, а вы считаете это бредом.
- Кивнув, доктор Уэст быстро черкнул что-то у себя в блокноте.
- Придется выписать вам таблетки. В качестве профилактической меры. Мы же не хотим, чтобы все зашло слишком далеко, верно?
- Не буду я принимать таблетки! - Я яростно затрясла головой.
- Так... Отказываясь от лечения, важно понимать последствия своего выбора.
- Какие еще последствия? Вы мне угрожаете?
- Я здесь ни при чем. Речь о вашем муже. Подумайте, через что пришлось пройти Габриэлю в прошлый раз, когда вы болели.
- Я живо представила Габриэля, сидящего сейчас в гостиной наедине с лающей собакой.
- Не знаю, - честно призналась я. - Лучше спросите его самого.
- Вы действительно хотите, чтобы он пережил все снова? Надеюсь, вы понимаете, что у каждого человека

существует определенный предел возможностей?

– Намекаете, что я могу потерять Габриэля?

От одной лишь мысли о расставании мне сделалось нехорошо. Случись такое, я просто не переживу этого. Я сделаю все что угодно, лишь бы не потерять Габриэля. Если надо – прикинусь сумасшедшей, хотя на самом деле с моей психикой все в порядке.

И я сдалась. Я согласилась быть «честной» с доктором Уэстом и без утайки рассказывать обо всех своих чувствах и мыслях. А также признаться, если начну слышать голоса. Я пообещала принимать таблетки и через две недели явиться на контрольный прием.

Доктор Уэст с довольным видом заявил, что теперь мы можем пойти вниз и присоединиться к Габриэлю. Спускаясь по лестнице позади доктора Уэста, я представляла, как толкаю его в спину и мерзкий тип катится вниз. Жаль, что я этого не сделала.

Пока мы ехали домой, я заметила, что Габриэль приободрился – постоянно поглядывал на меня с водительского сиденья и весело улыбался.

– Молодчина, Алисия! Я горжусь тобой! В тот раз прорвались, прорвемся и в этот!

Я лишь молча кивала. Все это чушь собачья! Никуда мы не прорвемся! «Прорываться» мне придется в одиночку. Увы... Я сильно пожалела, что вообще стала рассказывать о своих подозрениях. Завтра же сообщу Барби, что мне все почудилось и, мол, тема закрыта. Она, конечно, не обрадуется. Еще бы! Такая сенсация наклеывалась, а тут на тебе... Ничего, главное – вести себя естественно, и скоро Барби обо всем забудет. Мне нужно успокоить Габриэля. Буду вести себя, как будто все хорошо, как было прежде. Я устрою грандиозное представление. Нельзя ни на секунду терять над собой контроль!

Мы заехали в аптеку, и Габриэль приобрел таблетки, выписанные доктором Уэстом. Добравшись до дома, мы сразу же пошли на кухню.

– Пей, – сказал Габриэль, протягивая на ладони пару желтых таблеток и стакан воды.

– Я не ребенок, могу и сама принимать лекарство, – заметила я.

– Знаю. Просто хочу быть уверен, что ты действительно лечишься, а не выбрасываешь таблетки в мусорное ведро.

– Да выпью я твои таблетки.

– Вот и выпей, – не отставал Габриэль.

Он убедился, что я положила таблетки в рот и запила водой.

– Умница. – Поцеловал меня в щеку и вышел из кухни.

Как только муж удалился, я выплюнула их в раковину и аккуратно смыла в сток. Я не собираюсь травить себя таблетками. Препараты, которые выписывал доктор Уэст в прошлый раз, чуть не свели меня с ума, и больше я рисковать не хочу. Сейчас не время превращаться в овощ – нельзя терять бдительность!

17 августа

Я начала прятать свой дневник. Одна из половиц в гостевой спальне прилегает неплотно, и я устроила там тайник. Почему? Да потому, что я слишком откровенно пишу в дневнике и теперь оставлять его где попало небезопасно. Перед глазами постоянно возникает картина: Габриэль случайно замечает дневник, сначала борется с искушением открыть его, в итоге не выдерживает и начинает читать. Если муж узнает, что я не принимаю лекарство, то воспримет это как предательство и страшно огорчится. И как мне потом смотреть ему в глаза? Слава богу, я могу изливать душу

в дневнике. Только это и помогает не сойти с ума. Мне больше не с кем делиться переживаниями. Я никому не могу доверять.

21 августа

Вот уже три дня, как я сижу в четырех стенах. Мужу говорю, что гуляю после обеда, пока он не вернулся с работы, но это неправда. На самом деле мне очень страшно выходить из дома. На улице я беззащитна, а дома все же спокойнее. Я наблюдаю за прохожими из окна, тщательно всматриваюсь в каждое лицо, выискивая сходство с тем мужчиной. К сожалению, не видел лица, узнать человека весьма затруднительно. А вдруг он сменил одежду и теперь расхаживает прямо передо мной, а я и знать не знаю?.. Эта мысль тревожит меня.

22 августа

Хотя пока все тихо, расслабляться рано. Это лишь вопрос времени. Не сегодня, так завтра он объявится. Надо быть начеку! Нельзя сидеть сложа руки! Сегодня утром я вспомнила, что у Габриэля в гостевой спальне хранится винтовка. Перетащу-ка я ее поближе, на первый этаж, чтобы на всякий случай была под рукой... Спрячу возле окна в кухне, в шкафу для посуды! Теперь ее место там.

Конечно, все это напоминает бред сумасшедшего. Надеюсь, я никогда больше не увижу зловещую фигуру в темном и до оружия дело не дойдет. Однако в глубине души зреет жуткое предчувствие, что это случится. Где он сейчас? Почему пропал? Тянет время, чтобы я ослабила бдительность? Зря старается! Я свой пост у окна не покину. Буду ждать. И смотреть в оба!

23 августа

Я начинаю думать, что мужчина в темном – игра моего разбушевавшегося воображения. Видимо, так и есть. Габриэль без конца спрашивает, как я себя чувствую. Несмотря на мои уверения, что я в полном порядке, он все равно беспокоится. Наверное, я недостаточно убедительно играю свою роль. Значит, надо сильнее стараться! Сегодня притворюсь, что с головой ушла в работу (хотя на самом деле мои мысли сейчас очень далеки от этого). Я потеряла всякую связь с живописью. Я не в силах притронуться к краскам и дописать начатые картины. В данный момент даже не могу с уверенностью сказать, возьму ли когда-нибудь в руку кисть или карандаш. Пока продолжается нынешний кошмар – точно нет.

Я много раз изобретала предлоги, чтобы остаться дома, но сегодня Габриэль сказал, что у меня нет выбора. Нас пригласил на ужин Макс. Не представляю, что сейчас может быть хуже встречи с Максом! Я умоляла Габриэля отменить мероприятие, ссылаясь на завал по работе перед открытием выставки... Тщетно. Он твердил, что ужин в семейном кругу поможет мне развеяться, и настаивал с такой решимостью, что я поняла: спорить бесполезно. Надо подчиниться. И я согласилась.

Целый день я переживала из-за грядущего похода в ресторан. Но как только начала думать об ужине с Максом, все вдруг встало на свои места и обрело логику. Почему я не догадалась раньше? Ну конечно! Зловещая фигура в темном – тот, кто постоянно следит, – вовсе не Жан-Феликс! У него элементарно не хватило бы коварства и хитрости, чтобы провернуть такое дело. Кому могло взбрести в голову напугать меня до смерти, свести с ума, мучить? Макс! Другой кандидатуры и быть не может! Макс хочет столкнуть меня в пропасть безумия. Я жутко боюсь, но придется

набраться смелости и вывести его на откровенный разговор сегодня за ужином. Я посмотрю ему в лицо.

24 августа

Так странно и даже немного страшно впервые покидать дом после долгого сидения в четырех стенах. В первые минуты внешний мир поразил своей необъятностью – пустое пространство вокруг меня, бездонное небо над головой! Я почувствовала себя очень маленькой и невольно ухватилась за руку Габриэля.

Мы направлялись в наш старый добрый ресторанчик «У Аугусто», но я больше не чувствовала себя в безопасности. Некогда любимое заведение показалось чужим и неудобным, и даже пахло здесь сегодня вечером по-другому: чем-то горелым.

– Похоже, на кухне сожгли чей-то заказ, – с нервной улыбкой сказала я Габриэлю.

– Я ничего не чувствую. Тебе кажется, – отмахнулся он. – Все хорошо, не волнуйся, пожалуйста.

– Я само спокойствие, – ответила я. – Разве не видно?

Габриэль ничего не ответил, лишь сильно сжал челюсти. Он всегда так делает, когда чем-то раздражен. Мы уселись за столик и стали ждать Макса. Разговаривать не хотелось. Вскоре появился Макс. Он привел свою секретаршу Таню. Тут же стало очевидно, что у них бурный роман. Макс всячески демонстрировал свою страсть: то обнимет Таню, то ласково дотронется, то сольется с ней в поцелуе. Но он смотрел на меня, все время. Надеялся, что я стану ревновать? Меня чуть не стошнило. Отвратительный тип.

В конце концов даже Таня заметила, что здесь не все ладно. Пару раз она видела, куда смотрит Макс. Бедняжку надо предупредить, с каким мерзавцем она

связалась! Обязательно поговорю с ней чуть позже. Сейчас у меня другие планы.

Макс сообщил, что отойдет в туалет. Я выждала пару минут и покинула столик под тем же предлогом. Как только Макс завернул за угол, я жестко схватила его руку.

– Хватит! – угрожающим тоном произнесла я. – Перестань!

– Ты о чем? – удивился он.

– Хватит следить за мной! Хватит заглядывать в окна! Я знаю, что это ты.

– Что ты такое говоришь, Алисия?!

– Не ври мне! – Я едва контролировала себя. Мне хотелось заорать. – Я тебя видела. И даже сфотографировала, понял?

– Перестань нести бред! – Макс расхохотался. – Убери руки, сучка бешеная!

Я влепила ему пощечину. Изо всех сил. Повернулась, чтобы уйти, – и увидела Таню, она стояла за нами. Девушка выглядела так, словно ударили ее; переводила взгляд с Макса на меня и обратно. А потом молча пошла на выход из ресторана.

Прежде чем догнать ее, Макс злобно зашипел мне в ухо:

– Не знаю, зачем ты устроила этот спектакль, но я ни за кем не слежу! А теперь убирайся к черту! С дороги!

По тому, с каким чувством и уверенностью говорил Макс, я поняла, что он не лукавит. Сейчас я ему верила. Не хотела – но верила. Если этот кошмар устроил не Макс, то кто тогда?!

25 августа

Я снова слышала шум. Снаружи дома. Кинулась к окну и увидела крадущегося в тени человека. Это он! И

он здесь! Я быстро набрала номер Габриэля, но никто не ответил. Может, позвонить в полицию? Что делать?

Руки так дрожат, что я еле вывожу бук... Он пытается открыть окна и дергает входные двери! Он пытается попасть в дом! Мне нужно выбираться отсюда! Пора бежать!

О боже, я слышу его шаги! Он внутри! Он в доме!

Часть IV

Основная цель психотерапии состоит не в переделывании прошлого, а в том, чтобы помочь пациенту принять случившиеся события и эмоционально откликнуться на них.

Алис Миллер,

швейцарский психоаналитик

1

Я закрыл дневник Алисии и, положив его на стол, сидел в кабинете, не двигаясь, слушая, как крупные капли дождя громко барабанят по окну. Я пытался осмыслить прочитанное. Оказывается, я сильно недооценивал Алисию Беренсон. Раньше она была для меня как закрытая книга. Теперь, когда книга открыта, ее содержимое удивило меня до предела.

Новая информация породила кучу вопросов. Алисия подозревала, что за ней следят. Удалось ли установить личность того мужчины? И если да, сказала ли она кому-нибудь об этом? Я должен это выяснить. Насколько я понял, Алисия признавалась в своих страхах трем людям: Габриэлю, Барби Хеллман и таинственному доктору Уэсту. А что потом? Больше не говорила о слежке – или доверилась кому-то еще? Следующий вопрос: почему записи в дневнике так странно обрываются? Может, где-то есть продолжение? Например, второй дневник, которого она мне не дала? И вообще, с какой целью Алисия передала мне свои

записи? Она явно пытается что-то сказать, причем что-то шокирующе личное. Это жест доброй воли? Признак полного доверия? Или, наоборот, что-то зловещее?

Я думал и о другом... но должен это проверить. Я должен разыскать доктора Уэста – пусть поделится бесценными сведениями о личностных особенностях Алисии, а также расскажет о ее душевном состоянии непосредственно перед убийством. Странно, что он не давал показания на суде. Интересно почему? В материалах судебного дела его фамилия вообще не упоминается. Если б не дневник Алисии, я в принципе не узнал бы о существовании доктора Уэста. Что ему известно? Почему он не участвовал в процессе?

Доктор Уэст... Нет, не может быть! Неужели это одно и то же лицо? Скорее всего, просто однофамилец. Надо выяснить. Я убрал дневник в ящик рабочего стола, запирая на ключ. Но затем, почти сразу, передумал. Отпер ящик и забрал дневник. Такую вещь лучше держать при себе – безопаснее не выпускать ее из поля зрения. Я спрятал крошечную книжечку с записями Алисии в карман пальто. Так безопаснее. Затем перекинул пальто через руку и вышел из кабинета. Спустившись по лестнице, добрался до двери в конце коридора. На ней висела небольшая табличка, на которой значилось: «Доктор К. Уэст». Я даже не удосужился постучать, а просто открыл дверь и вошел внутрь.

2

Сидя за столом, Кристиан ел палочками суши из взятого на вынос пластикового контейнера. Он поднял взгляд и нахмурился.

- Тебя стучать не учили?
- Есть разговор.

– Не сейчас. Видишь, у меня обед.

– Я ненадолго. Только один вопрос. Ты когда-нибудь лечил Алисию Беренсон?

Кристиан проглотил порцию риса и непонимающе на меня уставился.

– В смысле? Ты прекрасно знаешь, что я возглавляю бригаду врачей, которые ею занимаются.

– Речь не о Гроуве. Я спрашиваю, лечил ли ты Алисию до того, как она сюда попала? – произнес я, внимательно глядя на него.

Выражение его лица стало ответом на мой вопрос. Кристиан побагровел и перестал жевать.

– Что за бред? – угрожающе спросил он.

Тогда я вынул заветную книжечку и помахал ею перед Кристианом.

– Знаешь, что это? Дневник Алисии. Она начала делать записи за несколько месяцев до убийства и вела их вплоть до того самого дня. Я прочел все, от корки до корки. Думаю, тебе будет очень интересно.

– Ну и при чем здесь я?

– Она упоминает тебя.

– Меня?

– Выходит, ты лечил Алисию до того, как она оказалась в Гроуве! А я и не знал...

– Ничего не понимаю. Тут какая-то ошибка.

– Вряд ли. Несколько лет назад она наблюдалась у тебя частным образом. Ты почему-то не пожелал давать показания на суде, хотя обладал ценнейшей информацией. И более того – не сообщил о знакомстве с Алисией при поступлении на работу в Гроув. Она наверняка тут же тебя узнала. Обман не вскрылся лишь потому, что Алисия не разговаривает!

Я говорил холодно и сдержанно, однако внутри меня бушевала ярость. Не зря Кристиан так сопротивлялся моим попыткам помочь Алисии заговорить! Ее молчание – залог его спокойной жизни.

– Ах ты эгоистичный ублюдок! – процедил я.

– Черт, Тео, на самом деле все не так, как выглядит со стороны, – промямлил он, испуганно глядя на меня.

– Да неужели?

– Что еще она там написала?

– А есть «еще»?

– Дай-ка я взгляну! – Не ответив на мой вопрос, Кристиан протянул руку к дневнику.

– Прости, дневник доверен только мне.

– Зря я ввязался в ту историю, – тихо произнес он, нервно вертя палочки для суши. – Но тогда все казалось совершенно невинным, поверь!

– Едва ли это возможно. Если все это было «невинно», почему ты побоялся вмешиваться, когда произошло убийство?

– Потому что не лечил Алисию официально! Я лишь оказал услугу Габриэлю. Мы дружили: вместе учились в университете. Я был на их свадьбе. А потом мы сто лет не общались. И вдруг он звонит и говорит, что срочно ищет для жены психиатра. Мол, после смерти отца она очень плоха.

– И ты предложил свои услуги?

– Нет! Как раз наоборот! Я посоветовал обратиться к моему коллеге, однако Габриэль настаивал, чтобы супругу лечил именно я. По его словам, Алисия восприняла предложение о визите к психиатру в штыки, и лишь тот факт, что мы знакомы, поможет ее уговорить. В итоге я согласился, с большой неохотой.

– С огромной.

– Не стоит исходить ядом, – с обидой в голосе проговорил Кристиан.

– И где же ты проводил приемы?

– У своей девушки дома. Повторяю еще раз, – быстро добавил он, – было лишь несколько сеансов в частном порядке! Я не проводил полноценного курса лечения. Мы встречались нерегулярно и мало!

- И за эти редкие сеансы ты брал деньги?
- Пойми, Габриэль настаивал на оплате. Он не принял бы отказа, - сказал Кристиан, пряча глаза.
- И платил, естественно, наличными?
- Тео, пожалуйста...
- Наличными? - Я повысил голос.
- Да, но...
- И ты не указал в налоговой декларации дополнительный источник доходов.

Кристиан молчал, прикусив губу. Значит, я прав. Вот почему он не выступил на суде. Интересно, и много еще таких неофициальных пациентов у Кристиана, от которых он получает доход черным налом?

- Послушай, если Диомидис узнает, меня могут уволить. Ты понимаешь? - В голосе Кристиана появились просительные нотки. Он пытался давить на жалость.

Но я не испытывал к этому мерзавцу ни грамма жалости. Лишь презрение.

- Ладно - профессор, но есть еще врачебная комиссия! Тогда тебя вообще лицензии лишат.

- Если только ты на меня не заявишь. Не стоит ворошить прошлое. Что было, то прошло. Черт возьми, на карту поставлена моя профессиональная карьера!

- Зря ты не подумал о ней раньше.

- Тео, умоляю!

Представляю, как боролся с собой Кристиан, так унижаясь передо мной. Я не испытывал радости, только гнев, и Диомидису докладывать не собирался. По крайней мере, сейчас. Кристиан принесет гораздо больше пользы, если будет знать, что я в любой момент могу его уничтожить.

- Ладно уж, никому не скажу. Пока что, - отозвался я.

- Спасибо, дружище. Я у тебя в долгу, - выдохнул Кристиан.

- Это точно. А теперь поехали дальше.
- В смысле?
- Давай рассказывай про Алисию.
- А что бы ты хотел узнать?
- Абсолютно все, – сказал я.

3

Некоторое время Кристиан думал и молча вертел в руках палочки.

- Да нечего особенно рассказывать. Даже не знаю, что ты хочешь услышать и с какого момента.

- С самого начала, – подсказал я. – Ты наблюдал Алисию в течение нескольких лет, так?

- Формально – да, хотя на самом деле мы виделись нерегулярно. После смерти отца она приходила ко мне раза два-три, не больше.

- И когда состоялся последний сеанс?

- Примерно за неделю до убийства.

- Как бы ты описал психическое состояние Алисии на тот момент?

Почувствовав, что опасность миновала, Кристиан расслабленно откинулся на спинку стула.

- Сильная паранойя, неадекватное восприятие реальности. Она находилась на грани серьезного психического расстройства. Такое состояние у Алисии было не в первый раз. Она много лет страдала от резких перепадов настроения. Эдакие качели: то вверх, то вниз. Классические симптомы пограничного расстройства личности.

- Оставь свой идиотский диагноз при себе. Я хочу слышать факты!

Кристиан метнул на меня обиженный взгляд, но спорить не решился.

- Что именно ты желаешь знать?

– Алисия призналась, что за ней следят, правильно?
– Следят? – непонимающе переспросил Кристиан.
– За ней кто-то следил. Разве она не рассказывала об этом?

Кристиан молча переваривал услышанное, а потом неожиданно расхохотался.

– Что смешного? – сухо спросил я.
– Извращенец, подглядывающий в окна? Надеюсь, ты не поверил в ее бредни?
– Думаешь, это фантазии?
– Естественно! Я даже в голову не стал брать, – отмахнулся Кристиан.

– Записи в дневнике весьма убедительны. И я ей верю.

– Конечно, убедительны. Я бы тоже попался, если бы не знал, в чем дело. В тот период Алисия переживала очередной приступ психоза.

– Это ты так говоришь. Но дневник вел психически здоровый человек. Просто дико напуганный, – возразил я.

– Тут была предыстория. Точно такие же страхи преследовали ее и на прежнем месте жительства. – Кристиан пожал плечами. – Именно поэтому Габриэлю пришлось переехать в Хэмпстед. В тот раз Алисия обвинила в слежке пожилого мужчину, который жил по соседству. Разразился жуткий скандал. Выяснилось, что старик слепой! Он не только следить, он даже элементарно видеть ее не мог! Алисия давно страдала от эмоциональной нестабильности, а смерть отца ее вообще доконала. С тех пор душевное равновесие уже не восстановилось.

– Алисия когда-нибудь говорила с тобой об отце?

– Не то чтобы... Настаивала, что очень его любила и якобы у них были нормальные отношения, насколько это вообще возможно после самоубийства матери. Честно говоря, из Алисии с трудом удавалось вытянуть

хотя бы пару слов. Сидит, молчит, и всё тут. Впрочем, ты и сам прекрасно знаешь, какая она.

– Видимо, не очень, в отличие от тебя, – отозвался я и тут же продолжил: – После смерти отца Алисия пыталась совершить самоубийство?

– Я бы так это не назвал...

– А как бы ты это назвал?

– Суицидальное поведение, – пояснил Кристиан. – Вряд ли Алисия всерьез намеревалась свести счеты с жизнью. Слишком нарциссическая натура, чтобы нанести себе реальный вред. Сыпанула в рот пригоршню таблеток, чтобы вызвать передозировку, – скорее напоказ. Этот жест был адресован Габриэлю. Она хотела, чтобы он постоянно уделял ей внимание. Вот уж действительно попал, бедолага! Если б не врачебная этика, я бы давно предупредил его, чтобы держался от своей жены подальше.

– Ему повезло, что ты так придерживаешься этики, – съязвил я.

– Тео, ты – сильный эмпат, и это делает тебя хорошим психотерапевтом. Но, пойми, вылечить Алисию Беренсон невозможно! Еще до убийства она почти потеряла способность к самоанализу, рефлексии – называй как угодно. Она полностью погрузилась в себя и свое творчество. Поэтому сочувствие и доброта, которые ты испытываешь к Алисии, обречены на безответность. Она безнадежна. Настоящая стерва! – Последние слова Кристиан проговорил с нескрываемым презрением – и полным отсутствием сочувствия к столь травмированной женщине.

На долю секунды в голове мелькнула мысль: а не страдает ли сам Кристиан пограничным расстройством? Это многое объяснило бы.

– Я иду к Алисии. Мне нужны ответы.

– От Алисии? И как же ты намерен заставить ее говорить?

– Просто спрошу, – сказал я и вышел в коридор.

4

Я выждал момент, когда Диомидис скрылся у себя в кабинете, а Стефани ушла на заседание управляющей компании. Затем быстро пошел к «аквариуму», где заприметил Юрия.

– Устройте мне, пожалуйста, встречу с Алисией, – шепнул я ему.

– С Алисией? Я думал, ваши сеансы отменены, – удивился он.

– Так и есть. Я только хочу недолго побеседовать с ней с глазу на глаз.

– Понятно. – Юрий задумался. – Психотерапевтический кабинет сейчас занят – у Индиры сегодня полная запись до самого вечера. Зато кабинет арт-терапии свободен. Я могу привести Алисию туда. Но имейте в виду – у вас буквально несколько минут.

Больше Юрий ничего не сказал, но я его прекрасно понял. План, конечно, так себе: управиться со встречей нужно быстро, иначе кто-нибудь непременно доложит Стефани. Юрий просто бесценный союзник. Очень хороший человек! Жаль, я не разобрался в нем при первой встрече.

– Большое спасибо, вы меня спасаете! – поблагодарил я.

– Через десять минут в кабинете арт-терапии, – тихо произнес Юрий с улыбкой.

* * *

Он сдержал свое слово. Через десять минут я и Алисия сидели в пустом кабинете друг напротив друга,

по ту сторону от заляпанного краской рабочего пространства. Я кое-как примостился на шаткой табуретке, чувствуя ее ненадежность. Алисия уселась с безупречной грацией, словно позировала для портрета или собиралась писать таковой.

– Спасибо, что доверили мне свой дневник, – проговорил я, положив на колени книжечку. – Я очень тронут тем, что вы поделились столь личной информацией.

Взглянул на Алисию с теплой улыбкой. Она никак не среагировала. На лице застыло отстраненное, жесткое выражение. Жалеем, что доверила мне дневник? И теперь ей стыдно за подобную откровенность?

– Записи обрываются очень неожиданно, на самом интригующем моменте, – через пару секунд продолжил я, пролистывая оставшиеся пустые страницы. – Дневник немного напоминает нашу терапию: тоже неполный и не закончен.

Алисия молча смотрела в никуда. Не знаю, чего я ожидал, но не этого. Мне казалось, что акт доверия в виде дневника означает некий сдвиг, своего рода приглашение, готовность открыться, порог у входа. Увы, я снова там же – перед глухой стеной.

– Честно говоря, я думал, что с помощью дневника вы попытались начать общение и теперь, возможно, захотите сделать еще один шаг и поговорить лично, – произнес я.

Тишина.

– Вы отдали дневник, желая что-то мне сказать, правильно? – не унимался я. – И вы сказали. Читая его, я очень многое о вас узнал: как вам было одиноко, насколько отделены от всех и напуганы вы были. Ситуация оказалась гораздо более сложной, чем я предполагал изначально. Открылись новые факты – например, сеансы с доктором Уэстом.

Произнеся фамилию Кристиана, я внимательно посмотрел на Алисию. Никакой реакции – ни суженных глаз, ни сжатой челюсти. Вообще ничего. Даже не моргнула.

– Я и понятия не имел, что вы были знакомы с Кристианом Уэстом еще до Гроува, лечились у него частным образом в течение нескольких лет. И наверняка узнали в лицо, как только Кристиан начал работать в Гроуве – через пару месяцев после вашего здесь появления. Причем он сделал вид, что с вами незнаком. Представляю, как вам было неприятно.

Я снова замолчал в ожидании ответной реакции. Судя по всему, Кристиан не интересовал Алисию. Она смотрела в сторону со скучающим видом и даже разочарованно. Неужели я пошел по неверному пути, упустил что-то важное? Она ждала от меня чего-то конкретного, а я пока не вышел на это. Но и я еще не закончил.

– Есть еще один момент. По прочтении дневника у меня возник ряд вопросов, на которые я хотел бы получить ответы. Некоторые факты выглядят нелогично и не сходятся с информацией из других источников. Раз уж вы позволили мне ознакомиться с дневником, теперь я просто обязан разобраться с возникшими вопросами до конца. Надеюсь, вы понимаете.

Я протянул Алисии дневник. Она взяла книжечку и замерла. Пару секунд мы молча смотрели друг на друга.

– Я на вашей стороне, Алисия. Ведь вы уже это знаете?

Алисия не произнесла ни слова, но я воспринял ее молчание как знак согласия.

Кэти стала совсем беспечной. Неверность слишком долго сходила ей с рук, и она расслабилась. Отлучаясь ради этих встреч так часто, она стала ленивой. Заходя домой, я столкнулся с Кэти. Она куда-то собиралась.

– Я на прогулку, ненадолго, – заявила, натягивая тренировочные штаны.

– Здрóрово! Немного поразмяться и мне не помешает. Могу составить тебе компанию.

– Ой, нет, спасибо! Хочу повторить свои реплики.

– Я погоняю тебя по тексту.

– Нет. – Кэти отрицательно затрясла головой. – Лучше я сама. Буду проговаривать самые сложные монологи из второго действия. Представляешь, хожу по парку и декламирую... То еще зрелище!

Мне пришлось уступить. Моя жена говорила с совершенно искренним видом, не забывая поддерживать визуальный контакт. Настоящая актриса! Ну я тоже не оплошал.

– Удачной прогулки, – весело сказал я, широко улыбаясь.

Когда Кэти вышла из квартиры, я незаметно отправился следом. Я старался соблюдать безопасную дистанцию, но она ни разу не обернулась. Я же говорю, стала совсем беспечной. Примерно через пять минут Кэти оказалась возле входа в парк, и в этот момент к ней подошел мужчина. Темноволосый, с атлетической фигурой, выше меня ростом. Я шел сзади и поэтому не видел его лица. Незнакомец властно притянул Кэти к себе, и они стали целоваться. Моя супруга страстно отвечала на поцелуи, во всем подчиняясь ему. Мерзавец положил руку ей на грудь, которую ласкал через ткань свитера. Странное ощущение – видеть, как посторонний мужчина лапает твою жену.

Я знал, что надо маскироваться, но стоял прямо на виду. Стоило Кэти обернуться, и она тут же заметила бы меня. Я словно прирос к земле. Как будто посмотрел

горгоне Медузе в глаза и обратился в камень. Наконец они закончили с этим и рука об руку отправились в парк. Я не отставал. Сводящее с ума зрелище. Я смотрел сзади, с расстояния. А он не слишком-то отличался от меня! На несколько секунд я был смущен и пережил нечто странное, как будто мое сознание отделилось от тела и я увидел себя со стороны, будто это я шел в парк с Кэти!

Моя жена потащила незнакомца в лесистую часть, и вскоре оба они исчезли за стволами деревьев. Желудок мгновенно скрутился в тугой узел. Дыхание стало тяжелым, замедленным, как будто воздух сгустился. Каждая частичка меня тщетно призывала спастись, бежать оттуда. И все же я решительно зашагал в сторону деревьев.

Хотя я старался идти как можно тише, под подошвами ботинок то и дело трещал сухой валежник, а за одежду цеплялись ветки. Деревья росли так плотно, что невозможно было что-либо разглядеть. Я остановился и стал прислушиваться. Тишину нарушал лишь шорох листьев, но это мог быть ветер. А затем раздался звук, который невозможно ни с чем перепутать – низкие гортанные стоны Кэти. Я хотел подойти ближе, но, словно муха в паутине, запутался в цепких ветвях ближайшего дерева. Так и стоял там, в ловушке, вдыхая терпкий запах влажной земли и древесной коры, и слушал стоны Кэти и звериное рычание этого гада, пока тот ее трахал.

Внутри бушевала лютая ярость. Этот мужчина появился из ниоткуда и отравил мою жизнь! Он похитил, соблазнил и испортил то единственное, чем я по-настоящему дорожил! Невообразимо чудовищно! Может, любовник Кэти – вовсе не человек, а инструмент, воплощение некоего злорадного духа, в наказание мне? Это Бог наказывает меня?? За что? В чем моя вина, кроме того, что позволил себе

влюбиться?! Неужели я любил слишком глубоко и слишком навязчиво? Слишком сильно?

Любит ли он Кэти?! Сильно сомневаюсь. Точно не так, как я. Этот тип ее просто использует. Использует ее тело. И ни за что не станет заботиться о ней так, как я. Я готов отдать за Кэти жизнь! И даже убить ради нее!

Я думал об отце. Догадываюсь, что бы он сделал в подобной ситуации. Удавил бы любовника голыми руками. «Будь же наконец мужиком! Хватит сопли жевать!» – звучал в голове грубый окрик. Так вот что я должен сделать? Убить ублюдка? Устранить его? Это выход, это решение. Я развею морок, освобожу Кэти и спасу наш брак от проклятья! Она, конечно, потоскует о любовнике, но в итоге успокоится. Он превратится в воспоминание, которое со временем исчезнет. И у нас с Кэти все опять наладится, станет как прежде. Я бы мог убить ее любовника прямо здесь, в парке. Оттащу его к пруду, пихну головой в воду... Главное – держать до конца, пока не стихнут последние конвульсии и тело не повиснет на руках. Или можно последовать за ним в метро, встать за его спиной на платформе и при приближении поезда одним резким движением столкнуть на рельсы. Или подкрасться сзади на пустынной улице и огреть по затылку куском кирпича. Тоже вариант.

Внезапно мои размышления прервали стоны Кэти. Теперь она стонала громче и чаще, как всегда перед тем, как испытать оргазм. Внезапно наступила тишина, а потом до боли знакомый сдавленный смешок... Послышался хруст сучьев: парочка вылезала из чащи.

Я выждал несколько минут и резкими движениями стал вырываться на свободу, не замечая, как острые ветки глубоко вспарывают кожу рук. Ничего не видя от набежавших слез, я вытирал их кулаками, с которых

капала кровь, и брел неизвестно куда, с неистовством безумца наворачивая круг за кругом по парку.

6

– Жан-Феликс? – позвал я.

За стойкой администрации было пусто, никто не отозвался на мой зов. Тогда я прошел в галерею, где ранее висела «Алкеста». Я хотел увидеть эту картину снова. Очередная попытка понять ее провалилась. Что-то в этой картине не поддавалось интерпретации, либо же было в ее значении нечто, что мне еще только предстояло постичь. Я терялся в догадках.

И вдруг – словно гром среди ясного неба! А вот этого я раньше не видел!.. Позади Алисии в темноте, если смотреть на картину под другим углом и очень пристально, тени собираются в изображение. На холсте – будто на голограмме, где в двух измерениях появляется третье, – проявилось еще одно изображение... едва различимый на темном фоне силуэт. Мужчина, прячущийся в темноте. Тот самый тайный соглядатай. Он шпионит за Алисией.

– Вы что-то хотели? – раздался голос.

От неожиданности я чуть не подпрыгнул. Позади меня стоял Жан-Феликс. Судя по выражению лица, он не особо обрадовался, увидев меня в галерее.

– Что вы здесь делаете?

Я чуть не поделился с Жан-Феликсом своим открытием, однако вовремя сообразил, что это плохая идея.

– Возникли некоторые вопросы, – с улыбкой ответил я. – Сможете уделить мне пару минут?

– Не уверен. Я все рассказал и более помочь не в силах, – сухо проговорил Жан-Феликс.

– Видите ли, недавно выяснились новые факты...

- Какие?
- Во-первых, Алисия планировала покинуть вашу галерею. Этого я не знал.
- Жан-Феликс ответил не сразу.
- Не понимаю, к чему вы клоните! - В его голосе росло напряжение, как в механизме заколки для волос, которая вот-вот защелкнется.
- Так это правда?
- Ну и при чем здесь вы?
- Алисия - моя пациентка. И я намерен помочь ей снова обрести дар речи. Но теперь вижу, что ее молчание в ваших интересах.
- На что, черт возьми, вы намекаете?!
- До тех пор пока об уходе Алисии из галереи официально не объявлено, вы смело можете пользоваться плодами ее трудов.
- В чем конкретно вы меня пытаетесь обвинить?
- Боже упаси! Я не обвиняю. Просто озвучиваю факты.
- Жан-Феликс нервно расхохотался.
- Факты? Я немедленно свяжусь с адвокатом и направлю в Гроув официальную жалобу!
- Вряд ли вы захотите так поступить.
- И что же мне помешает?
- Я не успел упомянуть, как именно узнал о намерении Алисии уйти из галереи.
- Кто бы что ни говорил, он нагло врет!
- Думаю, самой Алисии можно доверять.
- Что?! - Жан-Феликса чуть удар не хватил. - Она... заговорила?!
- В некотором роде. Она дала мне свой дневник, и я его прочел.
- Ее... дневник? - Казалось, Жан-Феликс с трудом воспринимает человеческую речь. - Я не знал, что Алисия вела дневник...

– И тем не менее. Несколько ваших последних встреч описаны довольно подробно.

Повисла напряженная тишина. Жан-Феликс дышал, как паровоз.

– До свидания, – улыбнулся я и не торопясь покинул галерею.

Выйдя на улицу, я немного пожалел, что обошелся с ним так сурово. На самом деле я спровоцировал Жан-Феликса намеренно, дабы проверить, какая последует реакция. Теперь оставалось лишь дожидаться его ответного хода.

* * *

По пути из галереи я позвонил двоюродному брату Алисии, Полу Роузу, чтобы предупредить о своем визите. Больше я не собирался рисковать собственным здоровьем. Шишка на затылке до сих пор чувствительно напоминала о неласковом приеме, который Пол оказывает незванным гостям.

Зажав телефон между ухом и плечом, я прикурил сигарету. Хотя затянуться толком не успел: трубку сняли тут же. Я очень надеялся, что услышу голос Пола, а не Лидии. И мне повезло.

– Слушаю?

– Добрый день, Пол. Это Тео Фабер.

– О, привет, дружище! Простите, что говорю шепотом: мама прилегла отдохнуть, не хочу ее беспокоить. Кстати, как затылок?

– Гораздо лучше, спасибо!

– Отлично. Ну чем могу помочь?

– Честно говоря, вскрылась новая информация об Алисии, и я хотел бы это обсудить.

– Какая информация?

Я объяснил, что Алисия дала мне почитать свой дневник.

– Дневник?.. А я и не в курсе, что она все записывала! И что там?

– Не по телефону. Вам удобно встретиться сегодня?

– Вам здесь лучше не появляться. В тот раз... – Пол замялся. – Короче, мама была не очень рада вашему приезду.

– Я догадался.

– В конце нашей улицы, там, где круговое движение, есть паб «Белый медведь»...

– Помню. Во сколько мне туда подъехать? – нетерпеливо перебил я.

– Давайте в пять. Думаю, я смогу ненадолго улизнуть.

В это время в трубке на заднем плане послышался голос Лидии: видимо, она проснулась.

– Мне пора. Увидимся в пять, – торопливо зашептал Пол и повесил трубку.

* * *

Несколько часов спустя я направлялся в Кембридж. Сидя в вагоне поезда, после некоторых колебаний все же сделал еще один звонок – Макс Бренсону. Он уже высказывал профессору Диомидису свое недовольство и вряд ли обрадуется, вновь услышав мой голос. Но, к сожалению, в этот раз выбора у меня не было. На звонок ответила Таня – и показалась мне вполне здоровой.

– Не думаю, что он сможет уделить вам время. Точнее, это невозможно: сегодня Макс целый день на встречах. – Я отчетливо уловил, как напрягся голос Тани, когда она услышала мое имя.

– Тогда я перезвоню позже.

– Не уверена, что стоит...

Я расслышал приглушенный голос Макса и Танин ответ: «Я не могу такое говорить, Макс!»

Через мгновение он выхватил трубку и прорычал:

– Я сказал Тане, чтобы она послала вас по известному адресу!

– Даже так...

– И хватает же у вас наглости звонить мне снова! Я уже беседовал с профессором Диомидисом!

– Я в курсе. Однако обнаружились новые факты, которые касаются лично вас.

– Что еще за факты?

– Дневник, который Алисия вела в течение нескольких недель, предшествующих убийству, вплоть до самого дня трагедии.

В трубке повисла тишина. Я продолжил:

– Алисия довольно подробно вас описывает, Макс. Оказывается, вы испытывали к ней романтические чувства. Я хотел бы узнать...

В трубке раздался щелчок, и последовали короткие гудки: Макс нажал на отбой. Пока все шло неплохо. Макс Беренсон тоже заглотил наживку. Интересно, что он станет делать? Признаться честно, я немного побаивался Макса. Видимо, как и Таня. Я вспомнил, как во время нашей прошлой встречи в офисе Макса она шепотом посоветовала мне переговорить с Полом Роузом. Что же я должен у него выяснить?.. Точно! Надо спросить о ночи после аварии, в которой погибла мать Алисии. Помню, как при появлении Макса вытянулось от испуга лицо Тани и она резко умолкла, улыбаясь уже ему. Будет ошибкой недооценивать Макса Беренсона. Причем опасной ошибкой.

По мере приближения к Кембриджу пейзажи становились все более равнинными; температура падала. Выйдя на станции, я поднял воротник пальто и отправился к месту встречи с Полом. Ледяной ветер бил в лицо тысячами острых игл.

Паб «Белый медведь» располагался в старом обветшалом здании, к которому, судя по странному виду, в разные годы пристраивали дополнительные части. Двое студентов в шарфах, мужественно не обращая внимания на ветер, потягивали из бокалов пиво и курили на открытой веранде.

Внутри паба было гораздо теплее и уютнее. Помещение согревали несколько пышущих жаром каминов, встречая входящих теплом. Я заказал пиво и огляделся в поисках Пола. Медленно продвигаясь по веренице небольших смежных залов с общим баром в центре, силился разглядеть в полумраке знакомый силуэт. Отличное местечко для тайных встреч. Полагаю, для того сюда и приходили. Вскоре я нашел Пола. Он расположился возле камина, спиной к двери, столы вокруг пустовали. Я тут же узнал его рослую фигуру: широченная спина почти целиком загоразживала камин. В крошечной комнатухе Роуз напоминал великана. Казалось, если он встанет в полный рост, то стукнется головой об потолок.

– Пол? – на всякий случай уточнил я.

Он дернулся и поднял глаза, а увидев меня, обхватил себя руками, словно взволнованный пациент, ожидающий вердикта врача.

– Как добрались? – Подвинулся, освобождая мне место возле огня.

– Ну и холодно же тут у вас! Не то что в Лондоне. Да еще ветер... – Устроившись за столиком, я с блаженством ощутил разливающееся по лицу и рукам тепло.

– Говорят, пришел прямо из Сибири, – отозвался Пол и, не желая вести светские беседы, перешел прямо к делу: – Ну так что с дневником? Надо же, Алисия вела дневник!..

– Как выяснилось, да.

– И передала его вам?

Я кивнул.

– И что там?

– Она подробно описывает несколько недель, предшествующих убийству. Я хотел бы прояснить для себя кое-какие нестыковки.

– Нестыковки?

– Да. Между вашим рассказом и ее.

– В смысле? – Пол поставил бокал с пивом на стол и удивленно уставился на меня.

– Во-первых, вы заявили, что не виделись с Алисией несколько лет.

– Да? Я так говорил? – занервничал он.

– Однако в дневнике Алисия пишет, что последняя ваша встреча состоялась всего лишь за несколько недель до убийства Габриэля. Вы приезжали к ней домой в Хэмпстед.

Пол растерянно заморгал, мгновенно став похожим на маленького мальчика в теле взрослого мужчины. Пол боялся, это было очевидно. Некоторое время он молчал. Наконец произнес, бросив на меня вороватый взгляд:

– Дадите взглянуть на дневник?

– Думаю, это неэтично. – Я покачал головой. – В любом случае я его с собой не взял.

– А может, и нету никакого дневника и вы меня обманываете?

– Я-то не обманываю. А вот почему вы сказали неправду, Пол?

– Захотел – и сказал. Мое дело! – буркнул он.

– Увы, не только ваше. Все, что касается здоровья Алисии, касается меня.

– Ее здоровье здесь ни при чем! Я ее и пальцем не тронул!

– А я и не утверждаю, что тронули.

– Тогда какие ко мне претензии?

– Расскажите про тот визит к Алисии.

– Долгая история... – вздохнул Пол. Несколько мгновений молчал, собираясь с духом, а потом быстро, на одном дыхании, заговорил: – Я попал в серьезный переплет. Пристрастился к азартным играм, залез в долги, занимал-перезанимал, а отдавать все не получалось. – Он с облегчением изливал душу. – Я отчаянно нуждался в наличных, чтобы кое с кем разобраться.

– И тогда вы обратились к Алисии. И она дала деньги?

– А что написано в дневнике?

– Ничего.

Пол помедлил, затем отрицательно покачал головой:

– Ни гроша она мне не дала. Сказала, мол, нет такой возможности.

И снова Пол лгал. Но почему?

– И как же вы раздобыли необходимую сумму? – поинтересовался я.

– Снял со сберегательного счета. Только давайте оставим это между нами. Не хочу, чтобы узнала мать.

– Я и не думал вовлекать Лидию.

– Seriously? – К его лицу снова прилила кровь. Пол немного расслабился и теперь выглядел обнадеженно. – Спасибо, большое спасибо.

– Алисия когда-нибудь говорила вам, что за ней следят?

В глазах Пола отразилось недоумение. Видимо, нет.

– Следят?

И я поведал ему историю из дневника Алисии: о подозрительном незнакомце, который следил за ней,

о ее страхах по поводу того, что он проникнет внутрь с целью нападения.

– Вот бедняга, совсем у нее с крышей нелады... – Пол медленно покачал головой.

– Думаете, это фантазии?

– Естественно! Не думаете же вы, что Алисию и впрямь кто-то преследовал? Ну то есть это, конечно, возможно...

– Да, возможно. – Я кивнул. – Если я правильно понял, вам Алисия ничего не говорила?

– Ни слова. Да мы особо и не беседовали. Она вообще с детства молчаливая. У нас в семье все такие. Помню, по возвращении от подруг Алисия рассказывала, как странно это: у них там весело и шумно, все общаются, обсуждают разные темы, подшучивают друг над другом... Это ее очень удивляло. У нас дома все молчат. Мы никогда не говорили. Разве только маме иногда что-нибудь понадобится...

– А как бы вы охарактеризовали отца Алисии, Вернона? Каким он был человеком?

– Вернон тоже особо не болтал. А после смерти Евы еще и головой повредился. Так и не смог прийти в себя. Алисия, кстати, тоже.

– Вот тут я хотел бы поподробнее вас расспросить. Таня как раз упоминала об этом.

– Таня Беренсон? Вы с ней общались?

– Очень немного. Таня и посоветовала встретиться с вами.

– Да ладно! – Щеки Пола неожиданно вспыхнули. – Мы ведь почти незнакомы... Она всегда хорошо ко мне относилась. Очень добрый человек! Даже навещала нас с мамой пару раз.

Пол на мгновение отвел глаза, на губах заиграла мечтательная улыбка. Ого! Да он тайно влюблен в Таню... Интересно, как относится к этому Макс?

– И что же сказала Таня? – поинтересовался Пол.

- Посоветовала расспросить вас о ночи после аварии. В подробности она не вдавалась.

- Понял... Во время судебного процесса я кое-что рассказал Тане, но попросил никому не говорить.

- Она и не говорила. Теперь вам решать, довериться мне или нет.

Пол осушил бокал до дна.

- Ничего особенного не произошло. - Он пожал плечами. - Если это поможет вам больше понять характер Алисии... - Замолчал.

- Да-да, продолжайте, - я ободряюще кивнул.

- Первым делом, вернувшись из больницы - Алисию забрали после аварии и продержали до утра, - она забралась на крышу нашего дома. Я полез следом. Мы долго там просидели, до ночи. Мы часто лазили вот так на крышу, я и Алисия. Там было наше тайное убежище.

- На крыше?

Пол задумчиво смотрел на меня, словно что-то взвешивая, и принял наконец решение.

- Пошли, покажу! - наконец произнес он.

8

Дом стоял темной громадиной.

- Сюда. - Роуз указал на железную лестницу, прикрепленную к стене дома.

С трудом пробираясь по застывшим комьям грязи, как по гребням грязевых волн, мы подошли к лестнице. Первым полез Пол. С каждой минутой становилось прохладнее. Не знаю, стоило ли нам лезть на крышу, однако я упрямо последовал за Полом и схватился за нижнюю, ледяную и скользкую, ступеньку. По ней вилось какое-то растение - наверное, плющ.

Я пробирался ступенька за ступенькой. Когда наконец оказался наверху, пальцы онемели. В лицо

хлестал ветер. Я осторожно шагнул на крышу. Пол смотрел на меня с озорной мальчишеской улыбкой. Нас окружала кромешная тьма, лишь на небе золотился тонкий серп луны. Роуз порывисто шагнул навстречу с очень странным выражением лица, и на секунду в моей голове мелькнула ужасающая мысль, что он сейчас меня столкнет! Я инстинктивно отшатнулся, однако Пол крепко схватил мою руку и потянул за собой, к центру крыши.

– Держитесь середины, а то свалитесь, – предупредил он.

Я молча кивнул, пытаюсь отдышаться. Зря мы сюда полезли. Я совсем не чувствовал себя в безопасности рядом с Полом. И уже хотел предложить спуститься, когда тот вытащил сигареты и протянул одну мне. После некоторых колебаний я взял сигарету и, выудив из кармана трясущимися от холода пальцами зажигалку, долго прикуривал.

Минута прошла в полной тишине.

– Вот здесь мы и сидели, Алисия и я. Забирались сюда каждый день, – промолвил Пол.

– Сколько вам было?

– Мне, наверное, лет семь-восемь, ей – около десяти.

– Совсем малыши – и уже забирались на крышу?

– Нам казалось, что это нормально. Позднее, подростками, мы пили здесь пиво и курили.

Я постарался представить, как юная Алисия прячется на крыше от отца и деспотичной тетки. Но вскоре уединение нарушает двоюродный брат Пол. Он обожает Алисию, ходит за ней по пятам и докучает разговорами, не давая посидеть в тишине, наедине со своими мыслями.

– Отличное тайное место, – заметил я.

– Дядя Вернон не мог влезть на крышу. – Пол кивнул. – Крупный был мужчина, как и моя мама.

– Да я и сам едва осилил подъем, честно говоря. Руки скользят, да еще плющ постоянно цепляется...

– Не плющ, жасмин. Весной зацветет, аромат – словно флакон духов разлили! Забавно... – Пол замолк, погрузившись в счастливые воспоминания.

– Что забавно? – не удержался я.

– Да так... Воспоминания. В день, когда погибла Ева, повсюду цвел жасмин.

– В тот день вы с Алисией прятались тут вдвоем? – встрепенулся я.

– Да. Мама с дядей Верноном искали нас внизу. Они кричали: «Пол! Алисия!» Но мы сидели тихо. Прятались. А потом это и случилось...

Пол резким движением затушил сигарету и посмотрел на меня со странной улыбкой.

– Вот почему я привел вас сюда. Показать место преступления.

– Преступления?

Он молча ухмылялся.

– Какого преступления, Пол?

– Которое совершил дядя Вернон. Плохой был человек. Очень плохой.

– А нельзя ли поподробнее?

– Как раз тогда он это и сделал.

– Что сделал?

– Убил Алисию.

Я уставился на Пола, не в состоянии поверить своим ушам.

– *Убил Алисию?! Ничего не понимаю...*

Пол указал на землю:

– Дядя Вернон стоял внизу с мамой. Он сильно выпил. Мама пыталась увести дядю в дом, но тот все звал и звал Алисию. Очень разозлился. Прямо до бешенства.

– Потому что Алисия спряталась? Но ведь это маленький ребенок, у которого только что погибла

мать!

– Дядя Вернон – тот еще ублюдок. Он любил только Еву. Вот почему и сказал это.

– Что сказал? – Я начинал терять терпение. – Ничего не понимаю. Что конкретно произошло?

– Вернон завыл, что он обожает Еву и не сможет без нее жить. «Ева, девочка моя бедная... Ну почему она ушла? Почему *она*? Лучше б умерла Алисия!» Вот что он выкрикнул.

Я ошарашенно уставился на Пола.

– «Лучше б умерла Алисия»? Ничего себе!

– Так он и сказал.

– И Алисия это слышала?

– Конечно! А потом шепнула мне: «Он убил меня. Папа только что убил меня». Никогда не забуду ее слов!

Я молча смотрел на Пола, не в силах вымолвить ни слова. Сразу несколько звоночков раздались у меня в голове – звенели, сливались и разлетались эхом. Вот то, что я так безуспешно искал все это время! Вот он, недостающий кусок мозаики. Открытие ждало меня на крыше в Кембридже.

* * *

Всю дорогу до Лондона я обдумывал последствия того, что услышал от Пола. Теперь понятно, почему «Алкеста» зацепила Алисию. Подобно Адмету, вынуждившему супругу сойти в царство мертвых, Вернон Роуз мысленно подвел родную дочь к смерти. Но, в отличие от Адмета, который хоть немного любил Алкесту, Вернон испытывал к Алисии лишь ненависть. То, что он сделал, называется «психологическое детоубийство», и Алисия это поняла. «*Он убил меня. Папа только что убил меня*», – сказала Алисия.

Теперь у меня наконец-то появилась зацепка. Я мог с этим работать. Теперь я хоть что-то знал. Эмоциональные последствия психотравмы у детей и дальнейшие ее проявления в зрелом возрасте. Только представьте, каково маленькой девочке услышать от отца – самого близкого человека, от которого зависит ее выживание, – проклятие. Он пожелал ей смерти. Как страшно это должно быть для ребенка, как травмирующе! Чувство собственного достоинства жестоко растоптано! Возникает слишком сильная, неутихающая боль, с которой девочка не может совладать – и старается задавить ее, похоронить глубоко в себе. С годами связь с источником травмы теряется, разобщается с корнями, которые были первопричиной, и забывается совсем. Но однажды вся эта боль и гнев вырываются, как огонь из пасти дракона, и этот человек хватается за оружие. Причем злоба направляется не на отца, потому что он мертв и забыт и отомстить ему уже невозможно, – а на собственного мужа. Того, кто занял в ее жизни место отца. На того, кто искренне любил ее и спал с ней в одной постели. Разъяренная женщина стреляет мужу в голову пять раз, вряд ли отдавая себе отчет, почему это делает...

Поезд мчался к лондонскому вокзалу сквозь ночной мрак. Наконец-то я точно знаю, как достучаться до Алисии! Теперь мы сможем начать.

9

Мы с Алисией сидели в полной тишине. Понемногу я привык к каждой ее тишине, стойко переносил их, ориентировался в них, справлялся с ними. Мне было почти уютно молчать, сидя вдвоем в крошечном кабинете. Алисия держала ладони на коленях,

ритмично сжимая и разжимая кулаки – словно бьющееся сердце. Она сидела лицом ко мне, но смотрела в зарешеченное окно. Дождь прекратился, и сквозь просветы в облаках виднелось бледно-голубое небо. Вскоре налетела плотная серая туча, стало темнее.

– Недавно я узнал одну интересную историю. Мне поведал ее ваш двоюродный брат Пол, – осторожно начал я.

Реакции не последовало, и я продолжил:

– Оказывается, в детстве вы случайно слышали очень жестокие слова отца. Сразу после аварии, в которой погибла ваша мама... Он сказал, что лучше бы вместо нее погибли вы...

Я думал, что сейчас уж точно последует непроизвольная физиологическая реакция, в знак подтверждения. Однако я ошибался.

– Любопытно, как вы относитесь к тому, что Пол мне об этом сообщил. Получается, он без разрешения открыл ваш секрет... Впрочем, я уверен, что Пол действовал из лучших побуждений. В конце концов, я ваш психотерапевт.

Алисия даже бровью не повела. Тогда я снова заговорил:

– Я хочу кое-что сказать – для вашей же пользы. Впрочем, не стану врать: скорее для себя самого. На самом деле я понимаю вас, как никто другой. Если слишком не вдаваться в подробности, мы росли в схожих условиях, со схожими по характеру отцами. И оба покинули родительский дом при первой же возможности. Но вскоре выяснилось, что никакие расстояния не в силах облегчить душевную боль. Не все так легко оставить в прошлом. Я на собственном опыте знаю, насколько неполноценным было ваше детство. Важно, чтобы вы понимали, какую сильную психотравму

тогда получили. Выкрикивая те слова, мистер Роуз совершил психологическое убийство. Он вас *убил*.

И на этот раз Алисия отреагировала на мои слова. Она вскинула на меня глаза, полные жгучей ненависти. Если б взглядом можно было убить, я в тот же миг свалился бы замертво. Однако я не отвернулся.

– Алисия, это наш последний шанс. Я пришел сюда без ведома и без разрешения профессора Диомидиса. Если продолжу нарушать ради вас правила, меня попросту уволят. Поэтому сегодня мы видимся в последний раз. Вы понимаете?

Я произнес свою тираду уже без эмоций, даже не надеясь на что-либо. Я устал биться головой о стену. И вдруг... Сначала я подумал, что мне чудится и это слуховая галлюцинация. Я смотрел на Алисию, затаив дыхание. Сердце билось где-то в горле, во рту пересохло.

– Вы... вы что-то сказали?

Снова тишина. Нет, увы, я ошибся. Наверное, показалось.

А потом это случилось еще раз! Губы Алисии медленно, болезненно двигались. Ее голос поначалу звучал скрипуче, словно ржавые ворота, которые давно не смазывали.

– Что... – прошептала она. – Что... Что...

Пару мгновений мы молча смотрели друг на друга. Мои глаза наполнились слезами волнения, благодарности и невероятного счастья.

– Что я хочу? – подсказал я. – Чтобы вы снова начали говорить. Пожалуйста, поговорите со мной.

Она уставилась на меня, явно о чем-то размышляя. А затем, приняв решение, медленно кивнула и едва слышно ответила:

– Хорошо.

- Что она сказала?! - Профессор Диомидис изумленно поднял брови. Мы курили на улице. От неожиданности он выронил сигару, но даже не заметил этого. - Она заговорила? Действительно заговорила?!

- Да.

- Невероятно! Значит, вы были правы... А я ошибался.

- Вовсе нет. Ошибался я, когда встречался с Алисией без вашего ведома. Прошу прощения, профессор, я действовал чисто интуитивно...

Диомидис взмахом руки прервал мои оправдания и закончил фразу за меня:

- У вас отменное чутье, Тео. Я поступил бы так же. Браво!

Несмотря на похвалу, я понимал, что радоваться рано.

- Не стоит праздновать победу раньше времени. Да, это прорыв, однако Алисия в любой момент может снова уйти в себя и замолчать.

- Согласен. - Диомидис кивнул. - Нужно собрать консилиум, заново обследовать Алисию и устроить интервью с ней. Будем вы, я и представитель управляющей компании. Скорее всего, Джулиан - он самый безобидный.

- Профессор, вы меня не слышите. Спешить нельзя! Слишком рано для всего этого. Группа врачей напугает пациентку. Необходимо действовать осторожно.

- Тео, поймите, управляющую компанию нужно поставить в известность...

- Пока еще рано. А если Алисия больше не заговорит? Давайте подождем. Не стоит преждевременно делать громкие заявления.

Профессор молча кивнул.

– Молодец, Тео! – Он крепко сжал мое плечо. – Я восхищен вами!

Я ощутил маленькую вспышку гордости – словно сын, которого хвалит отец. Да, я хотел порадовать Диомидиса, мечтал оправдать его доверие, заставить гордиться мной... Его слова очень тронули меня.

– И что теперь? – поинтересовался я, снова закуривая, чтобы скрыть волнение.

– Продолжайте работать, – ответил профессор.

– А если Стефани узнает?

– Не берите в голову. Предоставьте ее мне. Сосредоточьтесь на Алисии.

Именно так я и поступил.

* * *

Во время следующего сеанса мы с Алисией говорили не переставая. Слушать Алисию было странно, это смущало – после такого длительного молчания. Первые фразы Алисия произносила неуверенно, экспериментировала, будто человек, который после долгого перерыва заново учится ходить. Вскоре ее речь стала более быстрой, проворной; слова складывались в предложения. Словно и не было стольких лет упорного молчания. Впрочем, в каком-то смысле она и не молчала.

По окончании сеанса я вернулся в свой кабинет и, сев за стол, начал быстро записывать все сказанное, пока оно было свежо в памяти. Постарался зафиксировать абсолютно все, слово в слово, настолько точно и безошибочно, насколько вообще возможно. Сейчас вы сами убедитесь, что история Алисии поистине фантастическая. А верить или нет – дело ваше.

Мы с Алисией сидели в кабинете психотерапии друг напротив друга.

– Перед тем как начать, я хотел бы уточнить некоторые моменты, – сказал я.

Никакого ответа. Лишь этот загадочный взгляд синих глаз.

– Больше всего меня интересует ваше молчание. Почему вы отказались говорить?

Вопрос как будто разочаровал Алисию. Она стала смотреть в окно. Прошла пара минут. Я изо всех сил старался сдерживать волнение. Неужели «прорыв» был временным? Сможем ли мы и дальше делать успехи? Нельзя снова возвращаться к молчанию!

– Я знаю, вам сейчас нелегко. Но поверьте, стоит лишь начать говорить, и дальше все пойдет само собой, – произнес я.

Молчание.

– Пожалуйста! Не сдавайтесь, вы уже сделали самый сложный шаг! Скажите, почему вы перестали разговаривать?

Алисия медленно повернула голову и холодно уставилась на меня.

– Нечего... нечего говорить, – раздался едва слышный голос.

– Не думаю. Скорее наоборот: вы хотели бы сказать слишком много.

Пауза.

– Наверное, да. Наверное, вы правы, – наконец ответила она, пожав плечами.

Я ободряюще кивнул.

– Сначала, – неуверенно продолжила Алисия, – когда Габриэль... когда его не стало, я не могла... Я старалась... и не могла говорить. Открывала рот, но не

выходило ни звука. Как в ночном кошмаре, когда хочешь кричать, но не можешь.

– Вы находились в состоянии шока, – объяснил я. – Однако по прошествии нескольких дней обнаружили, что голос возвращается, верно?

– К тому времени в этом уже не было смысла. Слишком поздно...

– Слишком поздно высказаться на суде в свою защиту? – удивился я.

Алисия лишь загадочно улыбнулась в ответ.

– Тогда скажите: почему вы решили снова заговорить?

– Вы знаете ответ.

– Знаю?

– Из-за вас.

– Неужели?

– Да. Все началось, когда в Гроуве появились вы.

– Что же изменилось?

– Все... Все изменилось... – Алисия умолкла и уставилась на меня немигающим взглядом. – Я хотела, чтобы вы поняли, что со мной произошло. На что эти чувства были похожи. Важно... Вы поймете, – добавила она.

– Да, я очень хочу понять. И поэтому вы дали почитать свой дневник? Чтобы я понял? По моему мнению, люди, которым вы больше всего доверяли, усомнились в правдивости рассказа о подозрительном мужчине. Наверное, вам интересно, поверил ли я?

– Вы поверили, – не колеблясь, ответила Алисия.

Это не был вопрос. И я кивнул.

– Да. Давайте начнем с последней записи в дневнике, где незнакомец ворвался в дом. Что произошло потом?

– Ничего.

– Ничего?

Алисия отрицательно покачала головой:

- Это оказался не он.
- Не он? - изумленно переспросил я. - Тогда кто же?
- Жан-Феликс. Вернулся, чтобы обсудить приближающуюся выставку.
- Судя по дневнику, вы находились не в том состоянии, чтобы принимать гостей.
- Алисия молча кивнула, пожав плечами.
- И долго он у вас сидел?
- Нет. Я попросила Жан-Феликса оставить меня в покое. Он хотел остаться, был очень расстроен, даже накричал на меня, но потом все-таки ушел.
- А дальше? Что случилось после ухода Жан-Феликса?
- Не хочу об этом говорить. - Алисия мотнула головой.
- Не хотите?
- Я пока не готова.

В какой-то момент она смотрела мне прямо в глаза, а потом ее взгляд метнулся к кусочку темнеющего неба в зарешеченном окне. Мне почудилось нечто почти кокетливое в наклоне ее головы, в едва заметной улыбке, прячущейся в уголках губ. А ведь она наслаждается тем, что я в ее власти!

- О чем тогда будем беседовать?
- Не знаю. Все равно. Я просто хочу говорить.

И мы говорили. О Лидии и Поле, о матери Алисии и о том лете, когда она погибла. Мы обсудили детство Алисии - и мое. Я рассказал, как рос в родительском доме и о своем отце. Она слушала очень внимательно; ей хотелось узнать как можно больше о моем прошлом, о том, что сформировало меня как личность.

Помню, в голове мелькнула мысль, что я окончательно и бесповоротно нарушил врачебный этикет. Наш откровенный разговор сметал все границы между психотерапевтом и пациентом, и вскоре станет непонятно, кто кого лечит.

На следующий день мы встретились снова. Алисия показалась мне несколько другой – более зажатой, более настороженной. Видимо, собиралась с силами, чтобы рассказать о смерти Габриэля. Она уселась напротив и, к моему удивлению, весь сеанс не отводила от меня глаз. Причем заговорила первой, по своей инициативе, медленно, осторожно подбирая каждое слово, как если бы наносила мазки на холст.

– В тот вечер я была дома одна, – проговорила Алисия. – Хотя работы накопилось много, из-за дикой жары я еле двигалась. И все же решила попробовать. Наконец взяла переносной вентилятор и отправилась в мастерскую. И вдруг...

– И вдруг?..

– Зазвонил сотовый: Габриэль сообщил, что съемки затягиваются и он вернется домой поздно.

– Он всегда предупреждал, когда задерживался на работе?

Алисия странно посмотрела на меня, словно пораженная этой мыслью.

– Нет. А что? – непонимающе спросила она.

– А вдруг на самом деле Габриэль звонил с другой целью? Например, хотел выяснить, как вы себя чувствуете? Судя по дневнику, он переживал за ваше душевное здоровье.

– Да, – смущенно произнесла Алисия. – Возможно, вы правы...

– Простите, я перебил... Продолжайте, пожалуйста. Что случилось после телефонного звонка?

– Я увидела *его*.

– Кого?

– Того мужчину. Точнее, его отражение в окне. Он был внутри, стоял в мастерской, прямо позади меня!

Алисия прикрыла глаза и застыла в напряженной позе. В кабинете на несколько минут повисла тишина.

– Вы смогли бы описать незнакомца? Как он выглядел? – тихо спросил я.

Она взглянула на меня и задумчиво произнесла:

– Высокого роста, с мощной фигурой. Лица я не видела – он натянул черную маску, – однако глаза разглядела: две жуткие черные пропасти. В них совсем не было света.

– Что вы сделали?

– Ничего. От испуга я стояла как вкопанная и смотрела на него. Заметив у него в руках нож, не оборачиваясь, спросила, что ему от меня нужно. Он промолчал. Тогда я сказала, что деньги на кухне в сумке. Он ответил, что пришел не за деньгами, и расхохотался. Таким неприятным смехом, как бьющееся стекло. А потом я почувствовала у горла нож. Острое лезвие давило на кожу. Мужчина приказал мне идти в дом.

Алисия снова прикрыла глаза. Начиналась самая тяжелая часть рассказа.

– Мы вышли из мастерской и через сад направились к дому. Калитка на улицу была так близко, всего в паре метров... И тут во мне что-то переключилось. Я поняла: это мой единственный шанс на спасение. Я резко отпихнула руку незнакомца и помчалась к калитке. – Она улыбнулась этому воспоминанию. – Всего несколько секунд я была свободна. – Улыбка погасла. – Он прыгнул мне на спину, и мы упали на землю. Мужчина зажал ладонью мой рот и снова приставил к горлу нож. *«Дернешься – убью»*. Так мы пролежали на земле некоторое время; я чувствовала его дыхание на лице. Потом он поднял меня и затолкал в дом.

– И что произошло?

– Он запер обе двери, и я очутилась в ловушке.

Ее дыхание участилось, щеки пылали. Она заново переживала жуткие события.

– Может, сделаем перерыв? – осторожно поинтересовался я.

– Нет, я хочу рассказать все до конца, – решительно ответила Алисия. – Я слишком долго ждала. Пора избавиться от этого груза.

– Вы уверены? Или прервемся, буквально на пару минут? – уточнил я.

– А можно сигарету?

– Не знал, что вы курите.

– Раньше курила. Дадите одну?

– Откуда вы знаете, что я курю?

– От вас пахнет табаком.

– Понятно. – Я кивнул, смущенно улыбаясь. – Тогда давайте выйдем во двор.

13

Во внутреннем дворе было полно народу. Пациенты стояли привычными группками по несколько человек – что-то горячо обсуждали, делились местными сплетнями, курили. Некоторые, пытаясь согреться, обхватили себя руками и притоптывали ногами.

Алисия поднесла сигарету к губам, зажав ее между длинными изящными пальцами, и я, чиркнув зажигалкой, помог ей прикурить. На кончике сигареты вспыхнул огонек, он трещал и горел красным. Не отводя от меня глаз, Алисия глубоко затянулась. Она выглядела почти довольной.

– А вы?.. Или курить с пациентами неэтично?

Да она подкалывает меня!.. Хотя в уставе клиники отсутствовал пункт, запрещающий совместное курение персонала с пациентами, почему-то все, кто работал в Гроуве, дымили исподтишка, уходя подальше, за угол

здания. И, конечно, никто не позволял себе стоять с сигаретой перед пациентами. Вот и я ощущал, что совершу сейчас серьезный проступок, закулив вместе с Алисией. Возможно, я и преувеличивал, но все равно мне было не по себе. Я чувствовал, что за нами наблюдают. Из окна на нас смотрел Кристиан. Внезапно в голове раздался его голос: «Пациенты с пограничным расстройством – отличные манипуляторы».

Я быстро заглянул в глаза Алисии. Ее взгляд не был заигрывающим, не был даже дружелюбным. В ее глазах сквозили сила воли и острый ум, который только начинал просыпаться. Да, в Алисии Беренсон есть внутренний стержень, с этой личностью стоит считаться. Вот почему Кристиан все время накачивал ее седативными препаратами! Неужели боялся того, что Алисия может сделать или сказать? Честно признаться, я и сам немного ее побаивался. Точнее, интуитивно опасался, чувствовал, что расслабляться нельзя.

– Отнюдь, я тоже закурю, – ответил я, доставая сигарету.

Некоторое время мы молча курили, поглядывая друг на друга. Нас разделяли жалкие сантиметры; в какой-то момент я почувствовал нелепое подростковое смущение и поспешно отвел глаза.

– Можем прогуляться по двору, – проговорил я, пытаясь это скрыть.

– Давайте. – Алисия кивнула.

И мы пошли вдоль стены, по периметру двора. Остальные пациенты стали наблюдать за нами. Интересно, что они думали. Алисию это не волновало. Она как будто не замечала их.

– Если хотите, я продолжу, – предложила Алисия.

– Конечно. Вы готовы?

Она снова кивнула.

– Так что же случилось, когда вы оба оказались в доме? – спросил я.

– Мужчина заявил, что хочет выпить. И я протянула ему бутылку пива – одну из тех, что покупал себе Габриэль, я не пью пиво. Ничего другого в тот момент под рукой не было.

– А потом?

– Он начал говорить.

– Что именно?

– Не помню.

– Не помните?!

– Нет.

Алисия надолго умолкла. Я ждал, насколько хватило терпения.

– Итак, – мягко подсказал я. – Вы находились в кухне. Что вы чувствовали?

– Не помню... Не помню, чтобы чувствовала хоть что-то, – задумчиво отозвалась Алисия.

– Такое часто случается в моменты сильнейшего стресса. Есть типы реакций «бей» и «беги»; в вашем случае это третий, тоже довольно распространенный тип – «замри».

– Нет, я не замерла! – Взгляд Алисии буквально обжег меня. – Я просто копила силы. Готовилась... сражаться... и убить его...

– Понятно. И как же вы намеревались это сделать?

– Застрелить из винтовки Габриэля. Я знала, что до нее еще надо добраться.

– А винтовка уже находилась в кухне? Вы писали в дневнике, что хотите спрятать ее там.

– Да. Возле окна, в шкафу для посуды. – Алисия глубоко затянулась сигаретой и выпустила длинную струю дыма. – Я сказала, что хочу выпить воды, и направилась к тому шкафу. Казалось, я шагала целую вечность, шаг, шаг, – а потом трясущейся рукой стала открывать дверцу. Шкаф был пуст. Винтовки там не было! И вдруг донесся голос мужчины: «Стаканы в

шкафу справа». Я обернулась. Он держал винтовку в руках и смеялся.

– А затем? О чем вы думали?

– Я поняла, что упустила свой последний шанс и теперь он меня убьет.

– Вы считали, что незнакомец собирается стрелять?

– Я знала это наверняка.

– Почему же он не выстрелил сразу, как только проник в дом? Чего ждал?

Я с изумлением увидел на ее губах улыбку.

– В доме тети Лидии жила молоденькая кошка. Полосатая такая, диковатая, часто пускала в ход когти. Не любила я это злое и жестокое создание.

– А разве животные могут проявлять жестокость? Их поведение обусловлено инстинктами, – заметил я.

– Животные могут быть жестокими, поверьте. – Алисия пристально посмотрела на меня. – Та кошка была. Она часто приносила с полей добычу: мышей или птиц. И всегда в полупридушенном состоянии. Ранеными, но живыми. Она играла с ними аккуратно, чтобы те так и оставались живыми.

– Хотите сказать, что были его добычей и незнакомец решил сначала помучить вас, а потом уж разделаться?

Алисия бросила окурок на землю и раздавила ботинком.

– Дайте еще сигарету, – проговорила она.

Я протянул ей пачку. Она вытянула одну и прикурила. Сделав первую затяжку, продолжила:

– Габриэль должен был вернуться домой не раньше восьми. Оставалось еще два часа. Я постоянно смотрела на часы. «В чем дело? – спросил мужчина. – Заскучала со мной?» И провел стволом винтовки по моей руке. – Алисию передернуло при воспоминании об этой отвратительной сцене. – Я ответила ему, что с минуты

на минуту вернется Габриэль. А он расхохотался: «Думаешь, он тебя спасет?»

– И что вы сказали?

– Ничего. Я все смотрела на часы. А потом у меня зазвонил телефон. Это был Габриэль. Мужчина прижал винтовку к моей голове и приказал взять трубку.

– Что хотел Габриэль?

– Он пожаловался, что со съемками все из рук вон плохо, и попросил меня садиться ужинать без него, так как вернется не раньше десяти. Я нажала на отбой и заявила бандиту, что мой муж едет домой и скоро будет. А тот лишь самодовольно осклабилась: «Я слышал, что твой муж вернется не раньше десяти! У нас полно времени. Принеси-ка веревку или скотч! Сейчас я тебя свяжу». Я сделала все, как он просил. Надежда... угасла. И я прекрасно понимала, чем это закончится.

В ее глазах отражался весь ужас заново переживаемого вечера. Я увидел этот рой эмоций в ее глазах и заколебался, стоит ли заставляя Алисию рассказывать сейчас все до конца.

– Давайте прервемся, – предложил я.

– Нет, я должна рассказать. Это нужно сделать.

Ее речь полилась быстрее:

– Веревки в доме не нашлось, и я принесла шнур для подвески картин. Незнакомец вытолкнул меня в гостиную, оттащил от обеденного стола один из стульев и приказал, чтобы я села. Потом начал обматывать мои щиколотки шнуром, привязывая к стулу. Шнур сильно впивался в кожу. «Не надо! Пожалуйста, не надо!» – умоляла я, однако мужчина не слушал. Он завел мои руки за спину и туго связал запястья. Я уже не сомневалась, что он пришел убить меня. *Лучше б так и случилось...*

Алисия прямо выплюнула последние слова, и я испугался их силы.

– Почему вы хотите этого?

– То, что он сделал, – хуже смерти.

На мгновение мне показалось, что Алисия вот-вот заплачет. Я чуть не поддался сильнейшему соблазну обнять ее, прижать к себе, поцеловать, разуверить и пообещать, что тот кошмар остался в прошлом. Правда, вовремя сдержался.

– По-моему, вы нуждаетесь в заботе, – проговорил я, затушив окурок о кирпичную стену. – И я хотел бы заботиться о вас, Алисия.

– Нет. – Она решительно покачала головой. – Мне от вас нужна не забота.

– Тогда что же?

Ответа я не получил. Алисия молча направилась обратно в здание.

14

Я включил свет в кабинете психотерапии и закрыл дверь. А повернувшись, увидел, что Алисия села по какой-то причине именно в мое кресло. Красноречивый знак. В обычных обстоятельствах я непременно уточнил бы, почему она решила сесть туда, однако сейчас промолчал. Если, выбрав мое кресло, Алисия обозначила свою главенствующую роль, что ж – она была права. Я сгорал от нетерпения услышать концовку истории – особенно теперь, когда мы подобрались так близко, – и покорно сел в свободное кресло.

Алисия долго молчала, прикрыв глаза. И наконец заговорила:

– Я сидела, привязанная к стулу; стоило хоть немного пошевелиться, как шнур сильнее врезался в кожу. Вскоре щиколотки и запястья начали кровоточить. Я даже радовалась, когда возникала боль: она отвлекала от ужасных мыслей о происходящем. Я

очень горевала, что больше не увижу Габриэля, потому что скоро умру.

– Что же случилось дальше?

– Мы сидели в гостиной целую вечность. Забавно, раньше мне казалось, что страх – холодная эмоция; на самом деле он жжет, как огонь. Из-за закрытых окон и опущенных штор в комнате стояла жуткая духота. Я задыхалась в этом стоячем, тяжелом и спертom воздухе. Пот бисером скатывался, щипля мне глаза. Я чувствовала запах пива и его вонючего тела. Незнакомец все время прикладывался к бутылке и говорил, говорил, говорил... Я почти не слушала его. Толстая жирная муха застряла между окном и плотной шторой и громко билась об стекло – бум, бум, бум...

Он задавал много вопросов обо мне и Габриэле: как мы встретились, долго ли женаты, счастливы ли в браке. Я решила отвлечь бандита на разговор и стала отвечать на вопросы – про себя, про мужа, про работу. Я пыталась выиграть время. И периодически незаметно поглядывала на часы, слушала их тиканье.

Наконец стрелки показали десять вечера... Десять тридцать... Габриэль все не возвращался.

– Опаздывает? Может, он вообще не собирается возвращаться?

– Он вернется. – Я была уверена.

– Это хорошо. Я здесь, чтобы составить тебе компанию.

– В одиннадцать вечера возле дома слышался шум мотора. Он подошел к окну и сказал: «Вовремя!»

* * *

Дальше все произошло очень быстро. Мужчина резко развернул стул с Алисией спиной к двери.

– Издашь хоть звук, и я прострелю твоему мужу голову! – зашипел он, а потом погасил свет и спрятался.

Фары погасли, все утонуло во мраке. Хлопнула дверь. Габриэль вошел в дом.

– Алисия! Алисия! – звал он, стоя в прихожей.

Ответа не последовало. Тогда Габриэль прошел в темную гостиную и заметил, что у камина, спиной ко входу сидит Алисия.

– Почему ты сидишь без света? – удивился он.

Алисия едва не закричала, но глаза уже привыкли к мраку, и она различила в углу комнаты, в скоплении теней, бандита, который нацелил на Габриэля винтовку. Ради спасения мужа Алисия не решилась подать голос.

– Алисия! – Габриэль не на шутку разволновался. – Что случилось?

Не успел он тронуть ее за плечо, как мужчина выскочил из укрытия. Алисия заорала, но было поздно. Габриэль лежал на полу, а бандит с размаху лупил его по голове прикладом. В темноте раздавались глухие звуки – и он лежал там, без сознания, в крови. Человек в маске поднял бесчувственное тело, усадил на стул и зафиксировал шнуром.

– Какого черта? – застонал Габриэль, приходя в себя.

Мужчина нацелил на него винтовку. Грохнул выстрел. А потом еще один. И еще. Алисия завизжала. Бандит продолжал палить. Он выстрелил Габриэлю в голову шесть раз, а потом бросил оружие на пол и молча ушел.

Ну как вам история? Алисия Беренсон не убивала своего мужа. Неизвестный ворвался в их дом и без какой-либо очевидной причины зверски убил Габриэля,

а потом скрылся во мраке ночи. Алисия невиновна. Если ей верить.

Я не поверил. Ни единому слову.

Рассказ Алисии изобилует откровенными нестыковками и неточностями. Например, Габриэлю выстрелили в голову не шесть, а пять раз: одна пуля угодила в потолок. Алисия, не была привязана к стулу – офицеры полиции нашли ее стоящей в гостиной с порезанными руками. Она не упомянула, что бандит отвязал ее от стула, и не удосужилась объяснить, по какой причине с самого начала не рассказала полиции данную версию.

Увы, Алисия все выдумала. Горько и обидно, что она, не стеснясь, лгала мне в лицо. На долю секунды я задумался, уж не проверка ли это? Если да, то Алисия сильно пожалеет – не на того напала!

Я не произнес ни слова. И тут, совершенно неожиданно, первой заговорила она.

– Я устала.

Я молча кивнул.

– Давайте продолжим завтра, – предложила Алисия.

– А есть продолжение?

– Да. Последняя история.

– Отлично. Значит, до завтра.

Юрий, который дежурил за дверью, отвел пациентку в палату. А я отправился к себе в кабинет.

Как уже упоминал, за долгие годы практики я привык немедленно фиксировать на бумаге все, что говорилось во время сеанса, сразу по его окончании. Точность записей сказанного за эти пятьдесят минут имеет в работе психотерапевта ключевое значение. Иначе часть деталей забывается и передача эмоций выходит неполной.

Я уселся за стол и быстро записал все, что произошло сегодня между нами с Алисией. Закончив, взял отчет о сеансе, направился в кабинет профессора

Диомидиса и постучал в дверь. Никто не отозвался. И снова. Я деликатно подергал ручку двери. Кабинет оказался не заперт. Профессор дремал на узенькой кушетке.

– Профессор! – осторожно позвал я. Он не проснулся. Тогда чуть погромче: – Профессор Диомидис!

Он рывком сел на кушетке и сонно уставился на меня:

– Что случилось?

– Мне нужно с вами поговорить. Или зайти чуть позже?

Диомидис потрянул головой, прогоняя сон.

– Устроил себе маленькую сиесту. После обеда я немного дремлю, иначе к вечеру хожу вареный. К сожалению, возраст требует... – Профессор зевнул и поднялся. – Проходите, Тео, садитесь. Судя по вашему виду, дело не терпит отлагательств.

– Так и есть.

– Алисия?

Я кивнул и расположился на стуле напротив рабочего стола. Диомидис уселся за стол: его волосы сбились на одну сторону, глаза все еще были сонными.

– Может, мне все-таки зайти попозже? – вежливо спросил я.

– Нет, – ответил он, наливая в стакан воды из графина. – Теперь я окончательно проснулся. Выкладывайте, что там у вас?

– В ходе сеанса мы с Алисией много говорили, и мне очень нужен ваш совет.

– Ну-ка, ну-ка... – Диомидис мгновенно оживился, в глазах засветилось любопытство.

Я зачитал профессору свои записи, повторяя слова пациентки как можно точнее: следивший за ней незнакомец ворвался в дом, взял Алисию в заложники, а потом выстрелил Габриэлю в голову.

Когда я умолк, профессор долго молчал, сохраняя непроницаемое выражение лица. Извлек из ящика стола коробку с сигарами и серебристый нож-«гильотину». Не спеша просунул кончик сигары в отверстие ножа и отсек.

– Давайте начнем с контрпереноса, – наконец произнес он. – Расскажите о своих ощущениях, прямо с первых минут сеанса. Что вы испытывали, когда Алисия стала рассказывать о случившемся в ночь убийства?

– Наверное, любопытство, волнение и даже страх.

– Был ли это ваш страх или отражение эмоций Алисии?

– И то и другое.

– Чего же вы боялись?

– Трудно сказать. Возможно, неудачи. Слишком многое я поставил на карту.

– Понимаю... Какие еще возникали ощущения?

– Фрустрация. В ходе сеансов с Алисией я очень часто испытывал это чувство.

– А злость?

– Пожалуй.

– Как раздраженный отец, который не может найти подход к трудному ребенку?

– Верно. Я хочу помочь Алисии, но не уверен, хочет ли она моей помощи.

– Расскажите о злости. В чем она проявлялась?

– Часто под конец сеансов у меня жутко болела голова, – признался я.

– Так. – Диомидис кивнул. – Организм пытался выпустить пар. «Если начинающий психотерапевт не испытывает волнение, потом ему обязательно станет плохо». Знаете, чьи слова?

– Нет, но мне и плохо, и волнительно одновременно.

– Но вы и не начинающий психотерапевт. – Профессор заулыбался. – Хотя полностью избавиться от этих неприятных ощущений не удастся даже опытным

специалистам... – Он поднялся из-за стола с сигарой в руке. – Пойдемте-ка покурим.

* * *

Мы стояли во дворе возле пожарного выхода. Диомидис попыхивал сигарой, размышляя над услышанным.

– А ведь она лжет, – наконец произнес он.

– Вы о незнакомце в маске, который застрелил Габриэля? Я тоже так думаю.

– Не только о нем.

– А о чем же еще?

– Рассказ Алисии – ложь от начала до конца. Не верю ни единому слову.

Я удивленно воззрился на профессора. Я предполагал, что он подвергнет сомнению некоторые части этой истории, но никак не всю ее целиком.

– То есть вы не верите в существование нападавшего?

– Нет, не верю. Человека в маске не существует. Алисия его выдумала.

– Почему вы так уверены?

– Считайте, что у меня сильно развита интуиция. Годы практики с фантазерами. – Я попытался возразить, но Диомидис остановил меня взмахом руки: – Безусловно, я не рассчитываю, что вы примете мою точку зрения, Тео. Вы слишком вовлечены в работу с Алисией, и тут уже не разберешь, где чьи чувства. Свою задачу я вижу в том, чтобы распутать этот клубок: отделить ее ощущения от ваших. Как только вы определитесь, что где, и восстановите дистанцию, сразу появится ясность, и ощущения от сеанса с Алисией изменятся.

– Не совсем понимаю, что вы имеете в виду.

- Скажу прямо: она устроила целый спектакль, дабы манипулировать вами. Сочинила трогательную историю исключительно ради того, чтобы вызвать в вас благородные и даже романтические чувства. Вы ведь с самого начала загорелись идеей спасти Алисию, не так ли? Уверен, она тоже понимает это – и умело пользуется своей привлекательностью.

- Вы говорите как Кристиан! Она мной не манипулирует и не пытается соблазнить. В любом случае я в состоянии противостоять подобным уловкам со стороны пациентов. Вы зря меня недооцениваете, профессор, – обиделся я.

- Нет, это *вы* недооцениваете *Алисию*. Она прекрасная актриса. – Диомидис задумчиво уставился на плотные серые облака. – Хрупкая женщина, пережившая жестокое нападение. Одинокая и отчаянно нуждающаяся в защите. Алисия изобразила себя жертвой, а роль главного злодея отвела незнакомцу в черной маске. Однако на самом деле Алисия и нападавший мужчина – одно и то же лицо. Габриэля убила она. Именно Алисия повинна в смерти мужа, но до сих пор не может принять этот факт. И ее сознание как бы раскалывается, разобщается и творит. Так Алисия становится невинной жертвой обстоятельств, а вы – ее спасителем. Более того, соглашаясь с ее фантазиями, вы помогаете Алисии снять с себя ответственность за содеянное.

- Я не верю, что она лжет. По крайней мере, осознанно. Даже если история про неизвестного мужчину – выдумка, Алисия искренне верит в свой рассказ.

- Безусловно верит. И она действительно подверглась нападению – изнутри, со стороны собственной психики.

Тут профессор сильно заблуждался, однако я не стал влезать в бессмысленный спор.

– Какую стратегию мне избрать дальше? – спросил я, затушив окурок.

– Заставьте пациентку взглянуть правде в лицо. Только тогда у нее появится шанс на выздоровление. Обязательно дайте понять, что не верите ни единому слову в истории о нападавшем в маске. Приприте ее к стенке, потребуйте рассказать правду!

– Думаете, она сразу сознается?

– К большому сожалению, – Диомидис медленно выдохнул дым от сигары, – этого не знает никто.

– Хорошо. На завтрашнем сеансе с Алисией я поставлю вопрос ребром.

Профессор озабоченно взглянул на меня. Казалось, он хотел что-то сказать, но потом передумал.

– Значит, завтра, – гася окурок, решительно произнес Диомидис.

16

После работы я вновь последовал за Кэти в парк. Любовник ждал ее на том же месте. Как и в прошлый раз, они начали целоваться и тискать друг друга, словно подростки. Вскоре Кэти случайно взглянула в мою сторону: я был абсолютно уверен, что она меня заметила. Но нет, она не видела никого и ничего, кроме своего ухажера. К сожалению, ее любовник никак не поворачивался ко мне лицом и я не мог его разглядеть. Странная штука: что-то в фигуре мерзавца казалось мне смутно знакомым. Я точно его видел. Но где?

На сей раз парочка отправилась в Кэмден. Там они зашли в обшарпанный паб «Роза и корона». Я караулил, сидя в кафе напротив. Примерно через час Кэти и ее ухажер появились на выходе из паба. Кэти повисла у мужчины на шее, они страстно целовались прямо посреди улицы. Я не отрываясь смотрел на жену и ее

любовника, чувствуя, как внутри меня все горит от ненависти.

Наконец Кэти отлепилась от этого типа, и они разошлись в разные стороны. Я решил пойти за ним. Он остановился на автобусной остановке. Я встал позади, мрачно разглядывая широкие плечи и спину мерзавца. Толкнуть бы его под автобус, и дело с концом... Впрочем, любовник Кэти благополучно сел в автобус, а я просочился за ним.

Зря я наивно полагал, что мужчина поедет домой. Пару раз он пересаживался на другой маршрут, и в итоге мы оказались в Ист-Энде^[25]. Он исчез в здоровенном ангаре и пропал на полчаса. А потом мы поехали дальше, снова пересаживаясь на другой автобус. Периодически он кому-то звонил: бормотал в трубку и глупо ухмылялся. Я сразу заподозрил, что его собеседник – Кэти. Я все больше чувствовал разочарование, впадал в уныние. Но упрямо решил не сдаваться.

Наконец парень сошел с автобуса и, скорее всего, отправился по тихому переулку домой, по-прежнему говоря по сотовому. Я тихо крался в нескольких метрах позади. В переулке не было ни души. Стоило мерзавцу обернуться, как он сразу меня увидел бы. Но он не обернулся.

Мы миновали дом с садом камней и огромными кактусами... Я даже не знаю, как это произошло, тело действовало будто по собственной воле. Я перегнулся через низкую изгородь и взял увесистый камень. Руки знали, что делать – раздробить ублюдку череп. Любовник Кэти должен умереть! Словно в трансе, я шагал позади него, тихо ступая, подбираясь все ближе и ближе. И наконец занес над головой своей жертвы камень, готовясь ударить со всей силы. Еще мгновение,

и я вышибу гаду мозги. Он все еще болтал по телефону, иначе давно меня заметил бы.

Неожиданно в доме позади, слева, открылась дверь и зазвучали голоса. Послышались громкие «до свидания» и «спасибо». Гости покидали радушных хозяев. Любовник Кэти, привлеченный этими возгласами, взглянул в сторону дома. Я тихо отступил в тень, за ствол ближайшего дерева. Никто меня не заметил.

Парень зашагал дальше, а я остался на месте. И тут словно очнулся от дурного сна. Выпавший из руки камень с глухим стуком ударился о землю. Я наблюдал за ним из-за дерева. Остановившись у одного из домов, он отпер ключом дверь и вошел внутрь. Через несколько секунд в окне кухни вспыхнул свет. Мне были видны лишь половина помещения и любовник Кэти, стоящий боком к окну. Он с кем-то разговаривал (второй человек находился вне поля моего зрения) и одновременно открывал бутылку вина. Они уселись за стол ужинать. Он слегка подвинулся, и я успел заметить, что это женщина, хотя толком не разглядел лица. Кто она такая? Жена? Мужчина ласково обнял ее и поцеловал.

Выходит, не только я пострадал от супружеской измены. Мерзавец вернулся домой, после этих поцелуев с моей женой, и без зазрения совести съел ужин, который приготовила супруга, будто ничего и не было... Коварный обман не сойдет ему с рук! Нужно что-то предпринять! Но что? Несмотря на все свои сценарии «как укокошить гада», я не смог бы довести свой план до конца. Я не убийца. Я не смог бы убить его. Придется выдумать более изощренный план мести.

На ближайшем сеансе в понедельник Алисии придется признаться, что история с мужчиной, который убил Габриэля, – ложь от начала до конца. Я заставляю ее взглянуть правде в глаза...

Увы, ничего не вышло. У стойки регистратуры меня ждал Юрий.

– Тео, есть разговор, – обеспокоенно промолвил он.

– Что случилось?

Я всмотрелся в лицо Юрия. За ночь он буквально превратился в старика: кожа землисто-серого цвета, глубокие морщины.

– Произошел несчастный случай, – сказал Юрий. – Алисия отравилась таблетками.

– Как?! Она...

– Пока жива, но...

– Слава богу! – не дослушав, воскликнул я.

– Алисия в коме. Врачи оценивают ее состояние как тяжелое, – огорченно договорил Юрий.

– Где она?

Медбрат повел меня через многочисленные коридоры, соединенные металлическими дверями, в отделение интенсивной терапии. Алисия лежала в отдельной палате. Возле ее кровати тихонько попискивал электрокардиограф, с легким шипением работал аппарат искусственной вентиляции легких. Глаза Алисии были закрыты. Войдя в палату, я увидел Кристиана, который совещался с местным врачом. По сравнению со своей загорелой собеседницей, которая явно только что вернулась из отпуска, он выглядел мертвенно-бледным. Однако, несмотря на загар, врач отделения интенсивной терапии выглядела не отдохнувшей, а измотанной.

– Как Алисия? – поинтересовался я.

– Не очень. – Доктор грустно покачала головой. – Пришлось ввести в медикаментозную кому: легкие отказали.

– Чем она себя накачала?
– Каким-то опиоидом. Может, «Гидрокодоном».
– В палате валялся пустой пузырек из-под таблеток, – подтвердил Юрий.
– Кто обнаружил Алисию?
– Я, – отозвался медбрат. – Лежала на полу без сознания. Дыхание не определялось. Я сначала подумал, что она мертва.
– Есть предположения, как Алисия смогла добраться до таблеток?

Юрий посмотрел на Кристиана.

– Ни для кого не секрет, что среди пациентов вовсю идет подпольная торговля препаратами. – Тот пожал плечами.

– Препаратами всех снабжает Элиф, – подал голос я.
– Согласен. – Кристиан кивнул.

В палату вошла Индира. Она смотрела на Алисию влажными от накативших слез глазами.

– Это ужасно отразится на состоянии остальных пациентов. Такие случаи всегда провоцируют сильный регресс. Месяцы работы коту под хвост... – Индира присела на стул возле кровати и ласково погладила руку Алисии.

В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь шумом приборов. Я молча смотрел, как поднимается и опадает компрессор аппарата искусственной вентиляции легких.

– В том, что сделала с собой Алисия, виноват я, – наконец произнес я.

– Здесь нет твоей вины, – Индира покачала головой.

– Я не сумел должным образом о ней позаботиться.

– Ты старался изо всех сил, – возразила Индира. – Ты помог Алисии и добился большего прогресса, чем остальные!

– Диомидис в курсе?

– Мы не смогли с ним связаться, – ответил Кристиан.

– На сотовый звонили?
– Да. И на городской несколько раз. Не берет.
– Странно. – Юрий нахмурился. – Я видел профессора сегодня. Он был здесь.

– Был? – переспросил я.
– Да, рано утром. Он куда-то очень торопился. Я стоял в другом конце коридора, но, по-моему, это был Диомидис.

– Наверное, ему пришлось срочно уехать домой. Попробуйте набрать еще раз, – обратился я к Юрию.

Тот кивнул, глядя куда-то в сторону с отрешенным видом. Бедняга принял случившееся близко к сердцу.

Внезапно у Кристиана запищал пейджер. Вздвогнув от неожиданности, тот быстро покинул палату в сопровождении загорелой коллеги и Юрия.

– Тео, вы, наверное, хотите немного посидеть с Алисией наедине? – тихо спросила Индира.

Я кивнул, не в силах говорить. Она поднялась со стула и, сочувственно сжав мое плечо, вышла из палаты. Мы с Алисией остались вдвоем. Я сел на стул рядом с ее кроватью и осторожно взял ее за руку, с тыльной стороны которой торчал катетер, подсоединенный к капельнице. Поглаживая ее запястье, я ощущал под тонкой кожей линии вен и оставшиеся после очередной попытки самоубийства полосы шрамов.

Значит, вот он, конец... Так все и завершится. Алисия снова погрузилась в молчание. Отныне навечно. Интересно, что скажет Диомидис? И как Кристиан обрисует профессору ситуацию? Наверняка выставит виноватым меня. Мол, эмоции, которые я в ходе сеанса заставил испытать пациентку, оказались для нее неподъемным грузом. И тогда она нашла таблетки «Гидрокодона» и попыталась с их помощью успокоить боль от страшной душевной раны, которую я разбередил. Диомидис, скорее всего, скажет, что

передозировка могла произойти и случайно, однако поведение Алисии свидетельствует о намерении свести счеты с жизнью. И на этом профессор поставит точку.

Но точку ставить нельзя! Что-то ускользнуло от нашего внимания, какая-то очень важная деталь, мелочь, которую не заметил даже Юрий, когда нашел Алисию, лежащую на полу без сознания. На столе в ее палате валялся пузырек, и несколько таблеток виднелись возле кровати. Поэтому все сделали логичный вывод, что у Алисии передозировка лекарств. Однако я нащупал на ее запястье весьма любопытный бугорок, едва заметный на коже, который свидетельствовал совсем о другом развитии событий.

Это был след от укола в вену, сделанный шприцем с миниатюрной иглой для подкожных инъекций. Выходит, на самом деле Алисия не травила себя таблетками в попытке совершить самоубийство! Ей ввели внутривенно лошадиную дозу морфина. Передозировка тут ни при чем. Это покушение на убийство!

18

Диомидис объявился через полчаса. Он уезжал на встречу с руководством управляющей компанией, потом застрял в метро – а там плохо со связью. Он отправил за мной Юрия.

– Профессор у себя и ждет вас, – объявил Юрий, заглянув в мой кабинет. – Там еще и Стефани.

– Спасибо. Сейчас подойду.

Я шел в кабинет Диомидиса, готовясь к самому худшему. Гроуву срочно требовался козел отпущения, и жертвой сделают меня. Я уже видел подобные случаи в Бродмуре, когда пациенты совершали самоубийство. Крайним всегда оказывался тот член персонала, который чаще контактировал с погибшим: хоть

медсестра, хоть психотерапевт, хоть лечащий врач. Я не сомневался – Стефани жаждала моей крови.

Я постучал в дверь кабинета Диомидиса и зашел внутрь. Профессор и Стефани стояли друг напротив друга, по разные стороны рабочего стола. Судя по напряженному молчанию, своим появлением я прервал ожесточенный спор. Первым заговорил Диомидис. Активная жестикуляция выдавала его крайне взволнованное состояние.

– Плохи наши дела! Очень плохи! Попытка самоубийства, да еще в самое неподходящее время! Отличный повод для управляющей компании закрыть Гроув!

– Вряд ли решение управляющей компании – наша главная проблема, – вступила Стефани. – Первым делом мы обязаны позаботиться о безопасности пациентов. Необходимо выяснить, что именно произошло. – Она перевела взгляд на меня. – Индира упоминала, что вы подозреваете Элиф в сбыте препаратов. Значит, вот кто снабдил Алисию «Гидрокодоном»?

– Честно говоря, у меня нет доказательств. Я пару раз слышал, как об этом говорили медсестры. А сейчас я хотел бы сообщить вам одну очень важную вещь...

Стефани прервала меня взмахом руки.

– Мы знаем, что случилось. Элиф тут ни при чем, – сказала она.

– Серьезно? – изумился я.

– Проходя мимо сестринского поста, Кристиан заметил, что шкафчик с лекарствами открыт настежь и никого из персонала рядом нет. Юрий оставил шкафчик незапертым, и воспользоваться его содержимым мог любой желающий. А затем Кристиан увидел Алисию, которая пряталась неподалеку. И очень удивился: что ей понадобилось в коридоре в такое время? Теперь-то, конечно, все стало ясно...

– Надо же, какая удача! Кристиан оказался в нужное время в нужном месте! – съязвил я.

– Не только Кристиан обратил внимание на беспечность Юрия, – продолжила Стефани, не обращая внимания на мой тон. – Я неоднократно замечала, что он непозволительно халатно относится к нормам безопасности и фамильярен с пациентами. Слишком озабочен их хорошим отношением к себе. Странно, что подобный инцидент не произошел раньше!

– Понятно, – пробормотал я.

Я действительно понял, что задумала Стефани. Она говорила со мной спокойно лишь потому, что жертва была уже избрана. Козлом отпущения станет медбрат.

– По-моему, Юрий всегда очень внимателен, – возразил я, взглянув на Диомидиса в поисках поддержки. – Вряд ли он...

– Алисия с самого начала отличалась склонностью к суициду, – изрек профессор. – Все мы знаем: если человек замыслил свести счеты с жизнью, его никто и ничто не удержит. Как бы мы ни старались, в большинстве случаев самоубийство предотвратить невозможно.

– Разве не в этом заключается наша работа – предотвращать такие вещи?

– Нет. – Диомидис отрицательно покачал головой. – Наша работа – помочь пациентам вылечиться. Но и мы не боги. Мы не властны над жизнью и смертью. Алисия Беренсон неоднократно пыталась умереть, она добилась бы своего. Отчасти и добилась.

Я решил, что пора вмешаться. Сейчас или никогда.

– Вряд ли это была попытка самоубийства.

– По-вашему, это несчастный случай?!

– Тоже нет.

– Что вы пытаетесь сказать, Тео? – Диомидис удивленно поднял брови. – Какие еще могут быть варианты?

- Во-первых, Юрий не давал Алисии таблеток.
- Вы считаете, что Кристиан ошибается?
- Кристиан лжет.

Профессор и Стефани изумленно уставились на меня, и я быстро продолжил, пока они снова не обрели дар речи. Кратко изложил содержание дневника Алисии, упомянув, что до убийства Габриэля она частным образом лечилась у Кристиана, который вел неофициальную практику и наблюдал еще ряд пациентов. Также сказал, что он не только не выступил на судебном процессе, но и скрыл факт знакомства с пациенткой при поступлении в Гроув.

- Неудивительно, что Кристиан яро сопротивлялся всем попыткам разговорить ее, - добавил я. - Молчание Алисии - залог его спокойствия.

- Неужели вы на полном серьезе предполагаете... - начала Стефани.

- Да, на полном серьезе, - перебил я. - Никакая это не передозировка, а попытка убийства!

- Где сейчас тот дневник? - спросил Диомидис. - У вас?

- Нет. Я вернул его Алисии. Скорее всего, в ее палате.

- В таком случае его необходимо изъять. - Профессор повернулся к Стефани: - Но сначала мы должны позвонить в полицию, вы согласны?

19

Дальше все закрутилось, как в калейдоскопе. Гроув наводнили полицейские. Они опрашивали пациентов и персонал, делали снимки, закрыли доступ в палату и мастерскую Алисии. Расследование вел старший инспектор Стивен Аллен - грузный лысый мужчина в больших очках для чтения, которые сильно искажали

глаза, делая их карикатурно огромными, словно выпученными от любопытства.

Аллен внимательно выслушал мой рассказ. Я повторил ему все то, что сказал Диомидису, а также показал записи сеансов с Алисией.

– Большое спасибо за ценные сведения, мистер Фабер, – поблагодарил старший инспектор.

– Зовите меня Тео.

– Вам следует дать официальные показания для протокола. В ближайшее время я с вами еще свяжусь.

– Конечно.

Я вышел из кабинета Диомидиса, который профессор временно отдал в распоряжение следователя. Дав официальные показания младшему офицеру, еще немного послонялся по коридору. Я ждал. Вскоре к Аллену привели Кристиана в сопровождении полицейского. Кристиан выглядел подавленным, в его лице читались страх и чувство вины. И я почувствовал удовлетворение от мысли, что этот человек будет наказан.

Теперь оставалось только ждать. По пути домой я проходил мимо «аквариума». То, что я случайно увидел, заставило меня замереть на месте: Юрий исподтишка давал Элиф какие-то лекарства, а она совала ему деньги! Выйдя в коридор, Элиф заметила меня. На ее лице отразилась гримаса ненависти и презрения.

– Элиф! – подал голос я.

– Отвали! – рявкнула она и скрылась за углом.

Затем из «аквариума» вышел Юрий, явно не ожидавший встретить здесь меня.

– Я... я вас не заметил, – промямлил он.

– Вижу, – сухо ответил я.

– Элиф... забыла принять лекарство, и я выдал ей очередную порцию.

– Понятно.

Значит, Юрий и Элиф действительно занимались торговлей препаратами. Интересно, какие еще дела они проворачивают в Гроуве... Видимо, я слегка поторопился, так рьяно защищая Юрия перед Стефани. Отныне стану присматривать за ним повнимательнее.

– Хочу уточнить, что делать с мистером Мартеном, – проговорил медбрат, меняя тему.

– Вы о каком Мартене? – удивился я. – О Жан-Феликсе? А что с ним?

– Он приехал утром, чтобы навестить Алисию, и ждет уже несколько часов.

– Как же так? Почему вы не сказали мне раньше? Неужели он был здесь все это время?

– Прошу прощения! Из-за сегодняшних событий просто выскочило из головы. Мистер Мартен в комнате для посетителей, – оправдывался Юрий.

– Я поговорю с ним.

И я стал быстро спускаться на первый этаж к стойке регистратуры, по дороге размышляя над только что услышанным. Выходит, Жан-Феликс решил приехать в Гроув... Любопытно, что ему здесь понадобилось?

Я вошел в комнату для посетителей, но там оказалось пусто.

20

Вечером я вышел с территории Гроува и с наслаждением закурил. Позади раздался мужской голос, окликнувший меня по имени. Я обернулся, ожидая увидеть Жан-Феликса, но это был Макс Беренсон. Вот так сюрприз! Он выбрался из машины и торопливо шел ко мне.

– Что за чертовщина у вас творится? – сердито закричал Макс. Его лицо перекосилось от ярости, кожа

приобрела багровый оттенок. – Мне звонили из Гроува! Что с Алисией?

– Для начала вам следует успокоиться, мистер Беренсон, – заявил я, отступая на шаг.

– Успокоиться, черт возьми?! По вашему недосмотру моя невестка лежит в коме!!!

Макс сжал руку в кулак и замахнулся. Я был готов к тому, что он ударит меня, но тут очень вовремя подоспела Таня. Она тоже очень злилась, однако ее гнев обрушился на Макса.

– Немедленно прекрати! Только драки нам не хватало! – отчитала она его. – Тео тут ни при чем!

Макс не удостоил ее ответом и снова повернулся ко мне.

– Алисия находилась под вашим контролем, – рычал он, буравя меня полными дикой ненависти глазами. – Как вы могли допустить такое?

Как?!

Неожиданно глаза Макса наполнились слезами. Он даже не пытался скрыть свои эмоции: плакал, не сдерживаясь. Одного взгляда на Таню было достаточно, чтобы понять: она знает о чувствах своего мужа к Алисии. Как побитая собака, несчастная женщина молча развернулась и побрела обратно к машине.

Желая поскорее избавиться от Макса, я зашагал дальше своей дорогой. Вслед мне летели оскорбления. На мгновение я подумал, что Макс не отвяжется, однако он остался стоять на месте, сломленный, перемежая рыдания злобными репликами:

– Вам не уйти от ответственности! Моя бедная Алисия, девочка моя... бедная Алисия... Вы за это заплатите! Слышите меня?

Макс орал, а я шел не останавливаясь. Крики отдалялись, пока расстояние не поглотило их совсем. Наконец я остался один. И все шел не останавливаясь...

Я отправился к дому, где жил любовник Кэти. Пришлось прождать целый час. Но вот дверь дома отворилась, и на пороге возник он. Интересно, куда собрался мерзавец? Не на встречу ли с моей женой? После недолгих колебаний я решил не преследовать его, а остаться возле дома и понаблюдать.

В окнах мелькал силуэт его жены. Я смотрел на нее и с каждой минутой все больше утверждался в мысли, что этой женщине необходима помощь. Сейчас она была мной, а я был ею. Мы оба стали невинными жертвами. Нас обманули, предали. Бедняжка верит в любовь мужа, но он ей лжет!

Или я ошибаюсь? С чего я решил, будто она не знает об измене? А если знает? А если в этой семье процветают свободные отношения и жена столь же вольна в своем выборе, сколь и муж? Вряд ли. Я увидел достаточно: женщина выглядела чистой и неискушенной. Я должен открыть ей правду о мерзавце, с которым она делит кров и постель! Другого пути нет. Я должен помочь!

Следующие несколько дней я регулярно дежурил возле этого дома. В одно из моих «бдений» женщина отправилась на прогулку. Я шел в нескольких метрах позади. В какой-то момент она меня, казалось, заметила... Впрочем, и что? Я был всего лишь незнакомцем. Пока незнакомцем. Я ненадолго покинул свой пост, отлучившись в магазин. Затем вернулся и встал через дорогу от дома. И вновь увидел в окне ее.

Четкого плана я не придумал – имелся лишь смутный замысел. Подобно неопытному художнику, я держал в голове финальный образ работы, не представляя, как достичь желаемого результата. Немного погодя направился к дому. Калитка оказалась

не заперта, и я шагнул в сад. В крови забурлили адреналин и трепет: я незаконно проник на чужую территорию.

Вдруг дверь черного хода стала открываться. Надо укрыться! Куда? Пришлось быстро ретироваться в летний домик в глубине сада. Не успел я отдышаться, как рядом раздались шаги. Неужели она заметила меня? Кто-то шел к домику. Отступать некуда! Я вынул из кармана только что купленную маску-«балаклаву» и натянул ее на голову, а на руки надел перчатки.

В помещение вошла женщина. «Да, дорогой, поняла! Увидимся в восемь. Хорошо! Я тоже тебя люблю», – произнесла она в трубку сотового. Затем, нажав на отбой, включила переносной вентилятор. Пару мгновений нежилась в потоке прохладного воздуха, обдувавшем ее длинные волосы. Потом взяла кисть и подошла к холсту, установленному на мольберте. Женщина стояла ко мне спиной, лицом к окну, и внезапно заметила в стекле мое отражение. Наверное, блеснуло лезвие ножа, который я держал в руке. Она напряженно застыла и медленно обернулась. Я заметил в ее глазах испуг. Пару мгновений мы молча смотрели друг на друга.

Так я впервые оказался лицом к лицу с Алисией Беренсон. Остальное вы уже знаете.

Часть V

Если я буду оправдываться, то мои же уста обвинят меня...

Ив. 9:20

1

Из дневника Алисии Беренсон

23 февраля

Тео только что ушел. Я сейчас одна и спешу записать все, что случилось. У меня мало времени. Надо успеть, пока еще есть силы.

Сначала я думала, что схожу с ума. Легче поверить в мое безумие, чем в то, что произошло на самом деле. Но я не сумасшедшая! Увидев этого человека в кабинете психотерапии, я не была уверена: в нем было что-то знакомое, но и другое тоже. Я узнала эти глаза – их форму, цвет. От мужчины пахло теми же сигаретами, тем же лосьоном для бритья. Манера и ритм речи – но тон почему-то был другим. Я терялась в догадках, пока на следующем сеансе он не выдал себя с головой, произнес те самые слова, которые навсегда врезались в мою память: *«Я здесь, чтобы помочь! Я хочу открыть вам глаза!»*

Как только я услышала эту фразу, все части головоломки встали на свои места. Это он. Что-то во мне переключилось, мозг словно отключился, дав волю чисто животному инстинкту. Я страстно желала убить этого человека. Убить или быть убитой. Я прыгнула на него и попыталась задушить, выцарапать ненавистные глаза, раздробить череп на тысячу осколков. Не

успела – меня оттащили в сторону, накачали лекарствами и заперли. После этого случая я сорвалась. Вновь стала сомневаться в себе: вдруг это не он, вдруг я все напридумывала?

Может ли Тео быть тем преступником? Какой ему смысл приходить сюда и издеваться надо мной вот так? А потом я поняла. Заявление про желание помочь – вот самая тошнотворная часть его плана! Тео – маньяк, и, видя мои мучения, он получает извращенное удовольствие. Он вернулся, чтобы позлорадствовать.

«Я здесь, чтобы помочь! Я хочу открыть вам глаза!» Теперь мои глаза действительно открылись. Пусть подлец узнает, что я его раскусила! На очередном сеансе я рассказала откровенную ерунду про то, как погиб Габриэль. И сразу же заметила, что он не поверил ни единому моему слову. Мы посмотрели друг другу в глаза, и Тео понял, что я его узнала. А еще в этих глазах появилось нечто новое: страх. Тео меня боится. Боится того, что я могу рассказать. Его пугает сам звук моего голоса.

Вот почему несколько минут назад он пришел опять. Не произнес ни слова, лишь воткнул мне в вену иглу. Я не сопротивлялась. Пусть делает, что задумал. Я заслужила наказание. Я виновна – но и он тоже!.. И я решила сделать эту запись в дневнике. Не хочу, чтобы преступление сошло ему с рук!

Нужно спешить, силы уходят: гадость, которую он мне вколол, начинает действовать. Кружится голова... Хочется лечь... Спать... Но нет, пока рано! Отключаться нельзя! Я должна закончить запись. И сейчас я расскажу правду.

Той ночью Тео ворвался к нам в дом и связал меня. Вскоре пришел Габриэль, и Тео его вырубил. Сначала я подумала, что Габриэль убит, но он едва заметно дышал. Тео усадил Габриэля на стул и связал,

приставив наши стулья спинкой к спинке так, чтобы мы с мужем не могли видеть друг друга.

– Пожалуйста, не бейте Габриэля, – умоляла я. – Я сделаю все, что вы скажете!

Тео расхохотался. Я возненавидела его смех: пустой, холодный, бездушный.

– Не бить? Вообще-то, я его сейчас буду убивать.

От страха я начала плакать и не могла остановиться. Я рыдала и молила о пощаде:

– Я сделаю все, что вы пожелаете! Пожалуйста, умоляю, только оставьте его в живых! Габриэль не заслуживает смерти! Он – самый добрый и замечательный человек на свете! Я люблю его! Я так его люблю...

– Расскажите мне, Алисия, о своей любви к Габриэлю. Как думаете, а он вас любит?

– Да, – без тени сомнения ответила я.

В комнате воцарилась тишина, в которой отчетливо раздавалось тиканье настенных часов. Казалось, прошла вечность.

– Вот мы сейчас и посмотрим.

Черные глаза преступника уставились на меня. Я словно взглянула в пропасть. Эти глаза не могли принадлежать человеческому существу. Я смотрела в глаза самому Злу.

Тео подошел к Габриэлю. Я вывернула голову насколько смогла, но ничего не увидела. Вдруг раздался жуткий глухой удар: Тео ударил Габриэля в лицо. Он лупил моего мужа до тех пор, пока тот не забормотал что-то бессвязное, придя в себя.

– Привет, Габриэль! – весело поздоровался Тео.

– Ты кто, черт возьми? – прохрипел Габриэль.

– Я женатый мужчина и знаю, каково это – любить кого-то. А еще я знаю, каково это, когда тебя предают.

– Что за хрень ты несешь?! – начал злиться Габриэль.

– Только трус предает того, кто его любит, – продолжал Тео. – Скажи честно, Габриэль, ты трус?

– Иди к черту!

– Я собирался тебя прикончить. Но Алисия вымолила тебе жизнь. Поэтому я предоставляю тебе выбор: умрешь либо ты, либо Алисия. Решай!

Голос Тео звучал так ровно – ни единой эмоции. Габриэль на секунду замялся, а потом выпалил, задыхаясь:

– Нет!

– Да. Или ты, или Алисия. Выбирай. Вот и выясним, насколько ты ее любишь. Ты готов отдать за Алисию жизнь? У тебя десять секунд на размышление. Десять... девять...

– Габриэль, не слушай его! – закричала я. – Он убьет нас обоих! Я люблю тебя!

– Восемь... семь...

– Я знаю, ты меня любишь, – рыдала я.

– Шесть... пять...

– Ты любишь меня...

– Четыре... три...

– Габриэль, пожалуйста, скажи, что любишь! – умоляла я.

– Два...

И тут Габриэль заговорил. Сначала я даже не узнала его голос. Такой тоненький и едва слышный, будто у маленького мальчика. Ребенок, в руках которого сейчас находилась власть над жизнью и смертью.

– Я не хочу умирать! – пропищал он.

Повисло молчание. Все во мне застыло, каждая клеточка тела начала умирать, словно с цветка печально падали лепестки. Перед глазами возникло облако белых лепестков жасмина, которое ветер носит по земле. В ноздри ударил сладкий аромат. Откуда? Наверное, донесся из сада...

Тео переместился ко мне. Его слова доносились, будто сквозь пелену.

– Поняла, Алисия? Я знал, что Габриэль – трус! Трахал втихаря мою жену, а на большее не способен... Он лишил меня единственного счастья в жизни. – Тео наклонился ко мне вплотную. – Я очень сожалею, что придется так поступить. Теперь, когда тебе известна правда, не представляю, как ты сможешь жить дальше...

С этими словами он взял винтовку и прицелился мне в голову. Я зажмурилась. И тут раздался истошный крик Габриэля:

– Не стреляй!!! Не стреляй!!! Только не стре...

Прогремел выстрел, и голос Габриэля оборвался на полуслове.

Настала оглушающая тишина. Эти три секунды я думала, что умерла. Увы, я ошибалась. Открыв глаза, увидела Тео, который держал винтовку дулом в потолок. Он ухмыльнулся и прижал к губам палец, приказывая мне молчать.

– Алисия!!! – в панике кричал Габриэль. – Алисия!!! – Я слышала, как он задергался на стуле, пытаюсь увидеть, жива ли я. – Что ты с ней сделал, сволочь?! Сволочь!!! Господи...

Тео снял шнур с моих рук, бросил винтовку на пол. Потом очень нежно поцеловал меня в щеку. Через пару секунд грохнула входная дверь. Тео удалился, оставив нас с Габриэлем вдвоем.

Мой муж плакал.

– Алисия... Алисия... Алисия... – причитал он, глотая слова.

Я молчала.

– Алисия! Черт! Черт! Черт возьми, – скулил Габриэль. – Алисия, ответь, пожалуйста! О господи...

Я не издала ни звука. Я просто не могла! Габриэль только что приговорил меня к смерти. А мертвые не

болтают. Я освободила ноги и поднялась со стула. Взяла с пола винтовку, еще горячую после выстрела, обошла свой стул и встала лицом к Габриэлю. По его щекам струились слезы.

– Алисия, ты жива! Слава богу!!! – обрадовался он.

Хотела бы я сказать, что своим выстрелом отомстила за всех униженных и оскорбленных, что постояла за тех, кто испытал предательство и подлый обман, и что у Габриэля были глаза тирана, как и у моего отца. Нет! Я буду говорить правду, и только правду! На самом деле я всмотрелась и увидела, что у Габриэля мои глаза, а у меня – его. В какой-то момент мы поменялись местами.

Теперь я могу это сказать. Я никогда не была в безопасности. Я никогда не была любима. Все надежды и мечты разлетелись вдребезги. Осталась лишь пустота. Верно сказал отец: «Лучше б умерла Алисия». Я не заслуживаю жить. Я – пустое место, ничто. Вот что сделал со мной Габриэль. И это чистая правда. Я не убивала Габриэля. Это он убил меня, а я всего лишь нажала на спусковой крючок винтовки.

2

– Какое тоскливое зрелище: то, что некогда сопровождало человека по жизни, теперь уместилось в небольшой коробке, – грустно заметила Индира.

Я кивнул, обведя печальным взглядом пустую палату.

– Надо же, у Алисии совсем мало вещей... Остальные пациенты буквально зарастают хламом, а у нее всего-то пара книг, несколько рисунков да горстка одежды.

По распоряжению Стефани мы с Индирой освобождали палату Алисии.

– Вряд ли она выйдет из комы, а нам, честно говоря, срочно требуется палата, – сказала Стефани.

Мы с Индирой работали молча, изредка советуясь друг с другом, куда деть тот или иной предмет: перенести в хранилище или выбросить. Я аккуратно перебирал личные вещи Алисии, стараясь не проглядеть опасные улики, которые могли бы вывести на меня. Интересно, как ей удавалось столь долгое время прятать дневник... Каждому пациенту разрешалось принести с собой в клинику очень небольшое количество личных вещей. У Алисии оказалась огромная папка с набросками – наверное, между рисунками она и пронесла дневник. Я открыл папку и быстро пролистал ее содержимое: в основном незаконченные карандашные наброски и этюды. Несколько умелых штрихов – и на бумаге возникает живое и очень реалистичное изображение...

– Это вы, – улыбнулся я, вручив Индире один из набросков.

– Нет. – Она замотала головой.

– Точно вы.

– Неужели? – Индира с нескрываемым восхищением изучала портрет. – Алисия никогда меня не рисовала! Когда она успела? Здорово сделано, правда?

– Возьмите на память, – предложил я.

– Не могу. – Индира с серьезным лицом вернула рисунок.

– Почему нет? Алисия не возражала бы. Никто и не узнает.

– Наверное, не узнает. – Она рассматривала испорченную Элиф картину, на которой я нес Алисию на руках по горящему зданию клиники. – А с этим что делать? Заберете себе?

– Позвоню Жан-Феликсу. – Я отрицательно мотнул головой. – Передам ему.

– Жаль, что вы не можете взять картину себе.

Я взглянул на холст. Картина мне не нравилась. Единственная работа Алисии, которая мне не нравилась. Странно, учитывая, что на ней был изображен я.

Хочу внести ясность. Я не думал, что Алисия выстрелит в Габриэля. Это важный момент. Я никоим образом не подталкивал ее к убийству. Я хотел лишь одного – открыть Алисии глаза на истинное положение дел в ее браке. Я прозрел сам и желал того же для Алисии: показать, что Габриэль на самом деле ее не любит, что ее жизнь тогда была ложью, а их брак – фальшивкой. Только тогда Алисия сможет начать заново строить свою жизнь – на правде, а не на вранье.

В то время я и понятия не имел о многолетней душевной нестабильности Алисии. Иначе никогда не зашел бы так далеко. И уж точно не ожидал, что она схватит винтовку. Когда начался судебный процесс – а сенсационное дело об убийстве Габриэля Беренсона обсуждалось и в газетах, и на телевидении, – я почувствовал личную ответственность за происходящее. Я решил доказать, что невиновен в убийстве, и одновременно облегчить состояние Алисии. Наконец в Гроуве открылась вакансия, и я направил туда резюме. Я хотел помочь Алисии пережить психологическую травму, возникшую вследствие совершенного ею преступления. Помочь осознать, что произошло, справиться с этим и освободиться.

Конечно, циничные люди скажут, будто я жаждал вернуться на место преступления, чтобы замести следы. Ничего подобного! Я полностью осознавал рискованность своей затеи – меня в любой момент могли поймать, и все закончилось бы весьма печально. Однако я не отступил. Не забывайте, я психотерапевт. Алисию нужно было спасать, и только я знал, как это сделать.

Начав работать в Гроуве, я переживал, что она узнает меня, хотя в ту памятную ночь прятал лицо под маской и старался изменять голос. Алисия вроде бы ничего не заподозрила, и я стал частью ее жизни. А потом, в Кембридже, внезапно понял, что, ворвавшись той ночью в дом Беренсонов, нечаянно наступил на давно забытую «мину» – ведь Габриэль стал вторым мужчиной, приговорившим несчастную женщину к смерти. Я разбередил старую душевную рану, и психика Алисии просто не выдержала. Вот почему она схватила винтовку и обрушила давно зревшую месть не на отца, а на мужа. Как я и подозревал, причины убийства коренились глубже и имели отношение к более серьезным событиям, чем мой тогдашний визит.

Когда Алисия солгала, рассказывая об убийстве Габриэля, я понял, что она меня узнала и теперь проверяет. Тогда пришлось принять меры – заставить Алисию замолчать навсегда. Вину должен был взять на себя Кристиан. Я сдал его полиции без малейших угрызений совести. Кристиан не появился на суде, когда Алисия нуждалась в нем больше всего; мерзавец заслуживал наказания.

Поверьте, я с трудом заставил себя ввести ей морфин. Ничего сложнее в жизни не делал. Главное, что Алисия жива, просто спит. Я могу ежедневно навещать ее, тихонько сидеть рядом, держать за руку. Она никуда от меня не денется...

– Вроде закончили? – Голос Индиры прервал мои размышления.

– По-моему, да.

– Вот и хорошо. Я побегу, а то у меня в двенадцать пациент, – заторопилась она.

– Конечно.

– Увидимся на обеде!

– До скорого!

Индира дружески сжала мое плечо и быстро вышла из кабинета. Я посмотрел на часы. Сегодня я планировал уйти домой пораньше. Вся эта история здорово меня измотала.

Я потянулся к клавише на стене, чтобы выключить свет и уйти, однако внезапно встал как вкопанный. А дневник? Где он? Мой взгляд заметался по аккуратно прибранной палате, скользнул по ровному ряду коробок с пожитками Алисии. Мы с Индирой перетрясли здесь всё до единого предмета, но дневник не обнаружили.

Как я мог быть настолько беспечным! Это все Индира и ее бесконечная, сводящая с ума трескотня... Разговоры отвлекали меня, не давая сосредоточиться. Где же дневник? Неужели я его пропустил? Без записей Алисии никак нельзя – там самые важные улики против Кристиана. Дневник нужно найти во что бы то ни стало!

Я обыскал палату еще раз, чувствуя, как с каждой минутой нарастает паника. Переворачивал коробки, вываливая на пол их содержимое. Лихорадочно рылся в барахле, разодрал на лоскуты одежду Алисии – ничего! Вытряхнул из папки все рисунки, но и между листами дневника не оказалось! Наконец, я распахнул дверцы небольшого шкафчика, выдернул каждый ящик и, увидев, что там пусто, со злостью отшвырнул в сторону. Дневник так и не нашелся!

3

Джулиан Макмахон из управляющей компании ждал меня возле регистратуры. Толстяк с мелкими рыжими кудрями почти постоянно произносил фразы вроде «между нами говоря», «в конечном счете» или «по сути», причем часто в одном предложении. Он не жаждал ничьей крови и играл в управляющей компании

роль «доброго полицейского». Макмахон успел поймать меня до того, как я уехал домой.

– Я только что от Диомидиса, – доверительно зашептал он. – Профессор уходит из клиники.

– Вот как?

– Он решил не тянуть и досрочно выйти на пенсию. Между нами говоря, выбора у Диомидиса нет: или на пенсию, или отдуваться за всю клинику во время расследования. – Макмахон пожал плечами. – Жаль старика, такой бесславный конец выдающейся карьеры... Зато хотя бы избежит нападок прессы и всей шумихи, которая сейчас начнется. Кстати, он упомянул вас.

– Меня?

– Да. Предложил в качестве своего преемника. Сказал, что лучше кандидатуры нам не найти.

– Очень приятно, – улыбнулся я.

– Увы, в конечном счете приятного мало: учитывая инцидент с Алисией и арест Кристиана, управляющая компания вынуждена закрыть Гроув. Решение окончательное.

– Этого следовало ожидать. Значит, пост Диомидиса мне не светит?

– Дело в том, что через несколько месяцев мы планируем открыть здесь новую психиатрическую клинику, более сбалансированную с точки зрения финансовой отдачи. На пост главы рассматривается ваша кандидатура. Что скажете, Тео?

– С радостью, между нами говоря, – улыбнулся я, с трудом сохранив солидное выражение лица и позаимствовав у Джулиана одну из его любимых фраз. – О такой возможности можно только мечтать.

Теперь я смогу действительно помогать людям. Не только давать им лекарства, но и помогать по-настоящему! Самым эффективным способом. Так, как однажды меня спасла Рут, а потом я попытался спасти

Алисию. Надо признать, дела складываются весьма удачно! Кажется, я добился всего, чего хотел. Почти всего...

* * *

В прошлом году мы с Кэти переехали в Суррей – туда, где я вырос. Отец умер, оставив дом мне. По условиям завещания, мама могла жить в нем сколько угодно, но она предпочла передать дом нам с Кэти, а сама переселилась в интернат для престарелых. Мы с женой решили, что преимущества большого коттеджа и сада компенсируют минусы, связанные с некоторой удаленностью от Лондона. Я считал, что переезд пойдет на пользу нашим отношениям. Было решено кардинально переделать интерьер и избавиться от старья.

Вот уже скоро год, как мы переехали, а воз и ныне там. Ремонт не завершен: отделочные работы застыли на полпути, картины и сферическое зеркало, купленное на рынке Портобелло^[26], так и стоят, прислоненные к некрашеной стене. И со времен моего детства в комнатах почти ничего не изменилось. Но я не переживаю. Как ни странно, мне здесь довольно уютно.

Я зашел в прихожую и поскорее скинул пальто – натоплено, как в тропической оранжерее. Повернул ручку термостата в коридоре. Кэти любит, когда жарко, а я предпочитаю прохладу, поэтому мы вечно спорим насчет регулировки отопления. Громко работал телевизор. Неизменный звуковой фон нашей жизни: жена пристрастилась проводить время за просмотром различных передач. Кэти лежала на диване в гостиной с огромным пакетом креветочных чипсов, выуживала их жирными красными пальцами и запихивала в рот. Не понимаю, как можно питаться такой дрянью!

Неудивительно, что жена прибавила в весе. Последние два года Кэти почти не давали ролей. Она сидит без работы и почти впала в депрессию. Лечащий врач предлагал выписать антидепрессанты, но я категорически не согласился. Вместо таблеток я уговаривал Кэти сходить на прием к психотерапевту и излить ему душу. И даже был готов подобрать кого-то сам. К сожалению, Кэти не расположена к беседам.

Иногда я ловлю на себе ее странный взгляд. Интересно, о чем она думает? Неужели хочет набраться смелости и рассказать об интрижке с Габриэлем? И все же она не произносит ни звука. Просто сидит и молчит, совсем как Алисия когда-то. Я бы очень хотел помочь Кэти, но увы – не могу до нее достучаться. Вот так ирония... Я проделал все это, чтобы быть с Кэти, но она все равно ускользает.

Я присел на подлокотник дивана.

– Моя пациентка отравилась таблетками и впала в кому.

Никакой реакции.

– Такое впечатление, будто кто-то из персонала заставил ее принять слишком большую дозу лекарства. Один из моих коллег!

Молчание.

– Кэти, ты слушаешь?

– Мне нечего сказать, – бросила она, пожав плечами.

– Может, проявишь хоть немного сочувствия?

– Кому я должна посочувствовать? Тебе?

– Пациентке. Я некоторое время с ней работал. По индивидуальной схеме лечения. Ее зовут Алисия Беренсон.

Я внимательно посмотрел на Кэти. Она тупо пялилась в телевизор.

– Это очень известная женщина. Теперь, конечно, о ней забыли. Но несколько лет назад об Алисии знали все. Она убила своего мужа... Помнишь ту историю?

– Не-а. – Кэти мотнула головой и переключила канал.

Вот так мы и продолжаем лицемерить и прикидываться. Последнее время мне вообще приходилось много притворяться – не только перед окружающими, но и перед самим собой. Именно поэтому я сейчас и пишу эти строки. В отчаянной попытке обойти чудовищное эго и добраться до истинного себя. Если это еще возможно.

Страшно захотелось выпить. Я отправился на кухню, вытащил из морозилки бутылку водки, налил полную рюмку и сразу же опрокинул в рот. Ледяная жидкость обожгла горло. Я налил еще. Любопытно, что сказала бы Рут, признайся я ей во всем, как тогда, поздним вечером шесть лет назад? К сожалению, я уже не тот искренний открытый человек, каким она меня знала. На моей совести изрядно прибавилось грехов. Рут столько раз спасала меня, окружала заботой и теплом, никогда не кривила душой... Как я могу прийти к ней и, взглянув в старческие, но все еще внимательные глаза, сознаться в том, что превратился в жестокое, мстительное существо! Рут так старалась мне помочь, и вот чем я отплатил за этот кропотливый труд... Я ее подвел! Я уничтожил целых три жизни! Я напроць лишен нравственных норм, способен на любые, самые отвратительные поступки, которые совершаю без сожаления. Меня заботит лишь собственная выгода.

Услышав мою исповедь, Рут наверняка испытала бы отвращение и даже испуг. Потом в ее глазах отразились бы грусть, разочарование и недовольство собой: она подумала бы, что не справилась, и более того, скомпрометировала самую суть психотерапевтического подхода – лечения беседой! А ведь Рут – уникальный, самый одаренный специалист из всех, кого я знаю. Она потратила годы жизни на работу со мной – очень сильно травмированным юношей, который мечтал стать лучше,

исцелиться. И что в итоге? Несмотря на сотни часов работы – я говорил, а Рут слушала и анализировала, – ей не удалось спасти мою душу...

Резкий звонок в дверь вывел меня из задумчивости. После переезда в Суррей гости появлялись у нас нечасто. Даже не припомню, когда последний раз к нам заглядывали друзья.

– Кэти, ты кого-то ждешь? – крикнул я жене. Ответа не последовало. Наверное, орущий телевизор заглушил мой голос.

Я открыл дверь и с удивлением увидел на пороге старшего инспектора Аллена. Его щеки покраснелись от холода, шею в несколько слоев укутывал шарф.

– Добрый вечер, мистер Фабер, – поздоровался Аллен.

– Инспектор? Чем обязан? – удивился я.

– У меня были дела неподалеку, и я решил зайти. Выяснилось несколько любопытных деталей, насчет которых я бы хотел поговорить. Вам сейчас удобно?

– Честно говоря, я планировал готовить ужин...

– Это не займет много времени, – улыбнулся Аллен, явно не собираясь уходить.

Я покорно отступил в сторону, позволяя инспектору войти. Тот обрадовался теплу и сразу же снял пальто и перчатки.

– Черт, ну и холодрыга! – потирая ладони, сказал он. – Бьюсь об заклад, скоро пойдет снег.

Он снял и протер запотевшие очки.

– У нас, пожалуй, слишком натоплено, – извиняющимся тоном проговорил я.

– По мне, чем жарче, тем лучше, – рассмеялся Аллен.

– Вы прямо как моя жена, – улыбнулся я.

И тут, будто по заказу, в прихожей появилась Кэти.

– Что происходит? – удивленно спросила она, переводя взгляд с инспектора на меня и обратно.

– Кэти, это старший инспектор Аллен. Он ведет расследование по поводу инцидента с моей пациенткой. Помнишь, я тебе рассказывал?

– Добрый вечер, миссис Фабер, – проговорил Аллен.

– Инспектор хочет со мной поговорить. Ты пока иди наверх и прими ванну. Я позову, когда ужин будет готов... После вас, – сказал я, взмахом руки приглашая гостя на кухню.

Аллен кинул внимательный взгляд на Кэти и только потом двинулся с места. Я – за ним. Кэти еще некоторое время смотрела нам вслед, а затем нехотя побрела на второй этаж.

– Могу я предложить вам что-нибудь выпить? – осведомился я.

– Спасибо, от чая не откажусь.

Я заметил, что Аллен смотрит на бутылку водки, которая осталась на разделочном столе.

– А как насчет более крепких напитков?

– Нет, спасибо. Чашка чая сейчас в самый раз.

– Как вам заварить?

– Я люблю потемнее. Молока поменьше, капните для цвета. Сахара не нужно. Пытаюсь ограничить сладкое.

Я слушал его, а в голове вертелся вопрос: что понадобилось Аллену в моем доме? Опасен ли он для меня? Простота и добродушие инспектора невольно заставляли расслабиться. И вообще, я за собой вроде бы все подчистил.

– Итак, инспектор, – начал я, включив чайник, – о чем вы хотели поговорить?

– В основном о мистере Мартене.

– О Жан-Феликсе? – удивился я.

– Да. Он приехал в Гроув, чтобы забрать художественные материалы Алисии, и мы слово за слово разговорились. Любопытный человек этот мистер Мартен. Хочет устроить у себя в галерее персональную выставку картин Алисии Беренсон. Говорит, пришло

время по-новому взглянуть на нее как на художника. Учитывая растущую шумиху в прессе и на телевидении, думаю, он прав. А вы, возможно, захотите написать об Алисии книгу. – Аллен уважительно посмотрел на меня. – Уверен, публика заинтересуется.

– Признаться, я об этом еще не думал... Скажите, инспектор, а какое отношение выставка в галерее Жан-Феликса имеет ко мне?

– Видите ли, мистер Мартен очень обрадовался, увидев новую картину Алисии. И его совсем не огорчило, что Элиф попыталась ее испортить. По словам мистера Мартена, это придает работе особую ценность. Не припомню, как именно он выразился. Я не силен в художественных терминах. А вы?

– Я тоже, – отозвался я, прикидывая, сколько еще Аллен собирается тянуть, прежде чем перейти непосредственно к делу, и почему я начинаю чувствовать растущее беспокойство.

– В общем, мистеру Мартену картина очень понравилась. Он взял ее в руки, чтобы разглядеть поближе, – и вот тут-то нас ждал сюрприз!

– Сюрприз?

– Именно. – Инспектор вытащил из кармана пиджака небольшой, до боли знакомый предмет. Дневник Алисии.

Оглашая кухню пронзительным свистом, закипел чайник. Я выключил его и стал готовить чай.

– Надо же, нашелся, – будничным тоном бросил я, заметив, что мои руки слегка дрожат.

– Он был воткнут с тыльной части картины в левом верхнем углу. Туго сидел, еле вытащили.

Так вот куда Алисия спрятала свой дневник – за столь ненавистной мне картиной! В единственном месте, где я не смотрел...

Аллен с довольным видом погладил затертый кожаный переплет и открыл дневник.

– Невероятно! Сплошная путаница, везде какие-то стрелочки, – произнес он, просматривая страницы.

– Отражение душевной болезни. – Я кивнул.

Инспектор перевернул еще несколько листов ближе к концу дневника и начал зачитывать вслух:

– *«...Его пугает сам звук моего голоса... не произнес ни слова, лишь воткнул мне в вену иглу».*

Я почувствовал, как внутри нарастает паника. Значит, в дневнике появилась новая запись! А я и не знал! Серьезная улика, от которой я старался себя обезопасить, попала не в те руки!.. Больше всего на свете мне хотелось вырвать у инспектора злосчастный дневник и разорвать на мелкие кусочки. Но я не шевельнулся. Ловушка захлопнулась.

– Д-думаю, лу-лучше, если... – От дикого страха я начал заикаться.

– Вы что-то хотите сказать? – Аллен тут же уловил мое состояние.

– Н-нет, ничего.

Я замолчал, понимая, что любые слова лишь усугубят мое положение. Путь назад был отрезан, но что самое удивительное – я вдруг успокоился.

– А ведь вы не случайно зашли сегодня ко мне, инспектор, – проговорил я, вручая Аллену чашку с чаем.

– Вы совершенно правы. Я подумал, что лучше не выдавать истинную цель моего визита прямо с порога. Честно говоря, теперь вся история выглядит совсем иначе.

– С удовольствием послушаю. Прочтите, пожалуйста, если вас не затруднит.

– Конечно!

Полностью владея собой, я уселся на стуле возле окна. Инспектор кашлянул и начал читать:

– *«Тео только что ушел. Я сейчас одна и спешу записать все, что случилось...»*

Я слушал, глядя в окно на проплывающие мимо облака. Наконец они прорвались, и повалил снег. Медленно падали белые хлопья. Я открыл окно и, вытянув на улицу руку, поймал снежинку. Она быстро растаяла на теплой ладони. Я улыбнулся и поймал еще одну.

notes

СНОСКИ

1

Анна Франк (1929–1945) – еврейская девочка, погибшая в концлагере, автор дневника, написанного по-голландски в период оккупации Нидерландов нацистами.

Сэмюэл Пипс (1633–1703) – английский чиновник морского ведомства, автор знаменитого дневника о повседневной жизни лондонцев в годы Реставрации Стюартов.

3

Самое сердце творческой жизни Лондона, арт-район.

4

Бродмур – знаменитая лечебница для маньяков.

Зигмунд Фукс (1898-1976) – английский психоаналитик, один из основателей группового анализа. Член Британского психоаналитического общества с 1937 г. Директор Лондонского института группового анализа с 1971 г.

Отрывок из пьесы «Невеста в трауре» У. Конгрива (1670–1729), английского драматурга эпохи классицизма.

Перенос – это перенесение пациентом на психоаналитика тех чувств, которые пациент прежде испытывал к неким важным для себя людям и в которых, что важнее, сам себе не признавался. В свою очередь, контрперенос – это бессознательный эмоциональный ответ, реакция аналитика на пациента.

Речь идет о герое «Алкесты», Адмете.

Пинта – традиционная английская мера объема, равная 0,57 л.

Верхний Вест-Сайд – элитный жилой район Нью-Йорка, расположенный в непосредственной близости от Центрального парка.

Кентиш-таун - недорогой, но весьма приличный район на северо-западе Лондона.

«Художница» – в переводе с испанского языка.

Кэмденский рынок – известное в Лондоне место, где продают дизайнерские, альтернативные и винтажные предметы искусства, одежду, мебель, музыкальные виниловые пластинки, а также многое другое.

14

В данном случае имеется в виду элемент игры в регби, который формируют по восемь игроков из каждой команды, обхватив друг друга руками, выстроившись в три линии и сомкнувшись с соперниками.

Пограничное расстройство личности относится к эмоционально неустойчивому состоянию, характеризующемуся импульсивностью, низким самоконтролем, высокой тревожностью и нестабильной связью с реальностью. Часто сопровождается опасным поведением и самоповреждением.

Здесь и далее: редакция сочла возможным оставить в тексте упоминания о приеме персонажами наркотических средств, поскольку в контексте данного романа этот момент не несет позитивного характера.

Термин «контейнирование» был введен британским психоаналитиком У. Бионом (1897-1979), предложившим модель «контейнер – контейнируемое». В основе этой модели лежат представления о том, что младенец направляет свои неконтролируемые эмоции (контейнируемое) на мать (контейнер), чтобы благодаря механизму проективной идентификации получить их обратно в более приемлемой и легкопереносимой для него форме. Малыш кричит, мама успокаивает плачущего ребенка. Подобная схема приемлема для описания взаимоотношений «психоаналитик – пациент».

Релятивизм (от *лат. relativus* – «относительный») – методологический принцип истолкования природы нравственности, лежащий в основе этических теорий. Выражается в том, что моральным понятиям и представлениям придается крайне относительный, изменчивый и условный характер. Нравственные принципы, понятия добра и зла различны у разных народов, социальных групп и отдельных людей; они определенным образом связаны с интересами, убеждениями и склонностями людей, ограничены в своем значении условиями места и времени.

Шерри (херес) – крепленое испанское вино из белого винограда.

«Никаких воспоминаний, никаких желаний» – один из ключевых постулатов Уилфреда Биона, которым должен руководствоваться психоаналитик в ходе проведения сеанса. «Забудьте все, что вы знаете и хотите»: воспоминания и желания искажают восприятие происходящего в настоящем. Психоаналитик обязан абстрагироваться от собственного я, быть максимально объективным наблюдателем, не соотносящим увиденное и услышанное на сеансе в данный конкретный момент времени ни с прошлым – памятью, ни с будущим – желаниями.

Первый книжный магазин ныне известной розничной сети, открытый в Лондоне в 1982 г.

Мойры – богини судьбы в древнегреческой мифологии.

Deus ex machina – дословно «бог из машины» (*лат.*); неожиданная развязка ситуации с привлечением нового, ранее не действовавшего фактора. В античном театре выражение обозначало бога, появляющегося в финале спектакля при помощи специальных механизмов (например, «спускающегося с небес») и решающего проблемы героев. Из античных трагиков данный прием особенно любил Еврипид.

«Иви» – популярный в кругу селебрити, людей театра, живописи и СМИ ресторан в Лондоне.

Ист-Энд – восточный район Лондона, куда, в отличие от фешенебельного Вест-Энда, традиционно заселялись бедняки и иммигранты. Раньше это был район трущоб с высоким уровнем преступности. Сейчас здесь стали селиться молодые художники, дизайнеры и музыканты.

Рынок Портобелло – «блошиный» рынок в Лондоне, где продаются антиквариат и различные старые вещи.